

1 (691) январь, 2015

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

Здесь будет карьер

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КИЛОМЕТР

ВО ЛЬДАХ
БАЙДАРАЦКОЙ ГУБЫ

УРАЛЬСКИЙ ГОРЩИК

Январь 2015

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1 стр. обложки: Серебрянский Камень.
Автор фото Антон Селезнев.

Редакция, издатель –
общественная организация «Трудовой коллектив
редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христинюкский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виталий Лаженцев, Председатель

Коми республиканского отделения РГО

- Камилль Зиганшин, Председатель отделения РГО
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

**Выпуск издания осуществлен при финансовой
поддержке: Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям РФ**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2015 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №1 (691), 2015.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях CD, DVD, флеш-картах). Обязательно прилагать информацию об авторе, указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы помеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

ФОТОЛЕТОПИСЬ

А.СЕЛЕЗНЕВ

Серебрянский Камень..... 22

Добрые попутчики

**Интурмаркет –
начало сезона
туристских
выставок 40**

Камни Урала

Ф.НУРМУХАМЕТОВ

Уральский горщик..... 6

Добрые попутчики

**Т.ХАСАНОВА
Видно ли горы
на бегу? 42**

Река времени

Версия

Р.КАШИН

**Как
Чусовая Камень
миновала 3**

Верхотурские были-небыли

**Ю.ГОРБУНОВ
Обитель..... 15**

Давным-давно

**С.ПУДОВ
Гибель шхуны
«Ермак» 28**

Далекое-близкое

**И.ТРЕТЬЯКОВА
Живое
наследие Павла
Северного 34**

Журнал в журнале

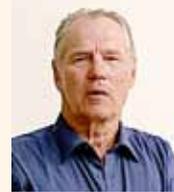

Как Чусовая Камень миновала

В Четвертичный период, в начале современной эпохи, примерно 30 миллионов лет назад Уральские горы являли собой вытянутый на две тысячи километров горный массив. Он состоял из многочисленных почти параллельных хребтов, разорванных поперечными трещинами. Многие его вершины возвышались на пять тысяч метров над уровнем мирового океана. Между хребтами лежали длинные глубокие озера. Некоторые из этих водоемов соединялись протоками, образуя реки с плесами-озерами. Так как массив имел меридиональное расположение (вдоль 60 градуса восточной долготы), то и реки в горах получили то же направление.

Иллюстрации предоставлены автором

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Рудольф Кашин

Коренной чусовлянин, житель поселка Слобода городского округа «Первоуральск». Много лет собирал и систематизировал физико-географический, исторический и статистический материал, литературные и документальные свидетельства, легенды и мемуары старожилов о реке Чусовой и ее природных объектах. Автор-составитель путеводителя «Путешествие по Чусовой» (Екатеринбург, 2008).

За миллионы лет под воздействием природных факторов и особенно в ледниковые периоды горы разрушались, рельеф сглаживался, озера мелели, реки меняли свои русла, уходя в поперечные разрывы хребтов. Сильно влияли на изменение рельефа ледниковые периоды. Под толщей льда изменения происходили значительно медленнее, а вот в пограничных районах — в зоне ледниковых языков, где резко и в больших диапазонах от тепла к холоду (и наоборот) менялась температура, разрушения и смыв породы происходили интенсивнее. Это сказывалось на изменении рельефа — его сглаживании. К тому же ледники, отступая, оставляли в кулуарах морены, мешающие стоку воды. После отступления льдов оставались многочисленные озера, из кото-

рых вода искала новые выходы, меняя русла рек.

В один из последних ледниковых периодов, цикл которого длился десятки тысяч лет, ледяные языки по восточному склону (Зауралье) достигали 56 градуса северной широты. А по западному склону (Приуралье) — 59 градуса. На этот широтный пояс ледниковый язык оказал наиболее длительное и интенсивное воздействие. Этим можно объяснить сильную сглаженность рельефа Среднего Урала в отличие от южных и северных районов горного массива.

Бассейн современной реки Чусовой находится в интервале 56–58 градусов северной широты, т. е. на линии ледникового языка. Скорее всего, два миллиарда лет назад этот район стал первым островом суши на планете Земля и подвергался природному воздействию. В результате уже два миллиона лет назад здесь формируются долины рек Чу-

совой и Исети. До Ледникового периода Верхняя Чусовая (от истока до горы Волчихи) текла на север до слияния с рекой Исеть в ее верховье (участок от истока до пос. Палкино), которая, напротив, текла почти на юг. В месте

слияния образовалось огромное озеро, из которого на юго-восток выходила река (современная пойма Исети).

В период оледенения верховья Исети оказались под толщей льда, а на пути Верхней Чусовой встала стена ледникового языка. Вода образовавшегося озера-пруда, достигнув определенного уровня, скользя вдоль ледяной стены на северо-запад, устремилась в поперечную трещину-разлом между хребтами (современными отрогами гор Маслова и Волчихи). За тысячелетия образовалась глубокая и широкая промоина, ставшая новым руслом Верхней Чусовой. Оледенение ушло на север, оставив морены. Одна из них перекрыла прежнее русло реки. Ее высота оказалась выше нового русла Чусовой. И сей-

час Чусовую и Исеть в их верховьях разделяет барьер (остатки морены) высотой всего 50 метров. Причем его наивысшая линия находится в 2–3 километрах от Чусовой — водораздел между речками Топкой (правый приток Чусовой) и Решеткой (правый приток Исети). От бывших озер остались болота с многочисленными мелкими озерами и озерами, зарастающими лесом.

Подведем итог нашей гипотезы-исследования. Река Верхняя Чусовая (от истока на Уфалейском увале до горы Волчихи) была рекой азиатской и с Исетью являла одну реку, относящуюся к Обской речной системе. Последствия Ледникового периода их разделили. Чусовая пересекла горный хребет по трещине и ушла на запад, к реке Каме. Ледник сгладил и Каплинско-Сысертский увал, превратив его в локальное боковое водораздельное плоскогорье между Исетью и Чусовой. Так Чусовая ушла из Азии в Европу, храня свою древнюю тайну. **VC**

Фото Елены Поповой
и из семейного архива Елизаветы Китаевой

Уральский горщик

За всю историю освоения Урала горщики оставили о себе память в виде уникальных камнерезных изделий, огранок или находок известных уральских самоцветов. Мы хотим рассказать о почитаемом в узком геологическом кругу горщике — Г. Г. Китаеве, который долгое время жил и работал в Екатеринбурге. Он был очень увлеченным человеком и оставил о себе память в виде геологического музея под открытым небом.

Мы хотим рассказать о человеке, который оставил след в истории Урала в виде вечных памятников. Это то, что создала природа — наши уральские минералы и породы. Когда Григорий Григорьевич Китаев ходил по нашим горам, то ему захотелось показать нам, потомкам, их незабываемую красоту, богатство и разнообразие.

Самый известный и уникальный образец, оставленный в дар Г.Г. Китаевым городу Екатеринбургу (Свердловску) — это уникальная лимонитовая жеода. На данный момент ее смело можно назвать образцом №1 Уральско-

го Геологического музея. Размеры этого феноменального природного объекта впечатляют 2,5х1,6х1,0 м. А вес, около 10 тонн, немного шокирует, учитывая, что ее добыли и привезли в 1937 году и доставили в город на лошадиных подводах.

А сейчас дочь Григория Георгиевича Лиза расскажет о своем отце, вернее, о его жизни.

К 125-летию со дня рождения Григория Георгиевича Китаева

Уральский горщик, штейгер, коллекционер минералов, горных по-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фират Нурмухаметов

Директор Уральского центра камня.

Елизавета Китаева

Закончила Свердловский горный институт. Работала в полевых партиях Ново-Синеглазовской экспедиции.

▲ Адуй. Добытые аметисты. Китаев Г. Г. среди уральских горщиков. Фото в минералогии Ферсмана. 1926 г.

▲ Китаев Г.Г. 1906 г.

▶ Екатеринбург. Вольноопределяющийся Китаев Г.Г. 1912 г.

род и руд месторождений полезных ископаемых. Разработчик копей самоцветов и ломок поделочных камней, а также Журавлинского месторождения алунита и хромистых руд Учалинско-Миасского района. Первооткрыватель Вишневогорского месторождения редких металлов и Липовского месторождения родоновых вод.

Григорий Георгиевич Китаев родился 29 октября 1889 г. в Миасском районе Южного Урала, в семье горнопромышленника. Отец — Георгий (Егор) Авенирович Китаев (1861–1915), мать — Анна Васильевна (в девичестве Хохлова) (1864–1947).

Григорий Георгиевич является потомком старинного уральского рода Китаевых. Его прадед — Егор Артемьевич Китаев (1783 г.р.) был управляющим Верх-Исетского завода. Под его руководством в начале XIX века завод был полностью перестроен. Егор Артемьевич — изобретатель подвижного цилиндрического грохота первой отечественной золотопромывочной чаши. За ее создание Е. А. Китаев награжден Золотой медалью.

Свою трудовую жизнь Г. Г. Китаев — старший сын в многодетной семье начал в 1900 году. Под руководством отца он работал на золотых приисках в районах Миасса, Качкаря и Гумбейки, вначале промывальщиком на вышгерде, затем десятиником. До начала Первой мировой войны принимал участие в разных добычных рабо-

▲ Лимонитовая жеода около Уральского Геологического музея

▲ Калкан. Перевозка яшмы на тройках. Китаев Г. Г. в середине. 1925 г.

▲ Окрестности пос. Шабры.
Китаев Г. Г., Матвеев К. К. и др.
1948 г.

▶ Южный Урал. Осмотр глыбы
уральской яшмы. 1960 г.

тах. В его послужном списке значатся работы на хромитовых рудниках Учалинско-Миасского района по заготовке и отгрузке руды на экспорт в Англию. Затем работы в Ильменах в составе экспедиции горного инженера В. И. Горна. Позже — в составе радиоэкспедиции В. И. Вернадского и В. И. Крыжановского там же в Ильменах.

С 1908 года Г. Г. Китаев работал у Е. Н. Короткова в Екатеринбурге, в музее Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) по заготовке минералов для музейных коллекций.

Григорий Георгиевич с детства был очень наблюдательным, смекалистым, смелым и любознательным, обладал замечательной памятью. С юношеских лет, благодаря знакомству с такими людьми, как

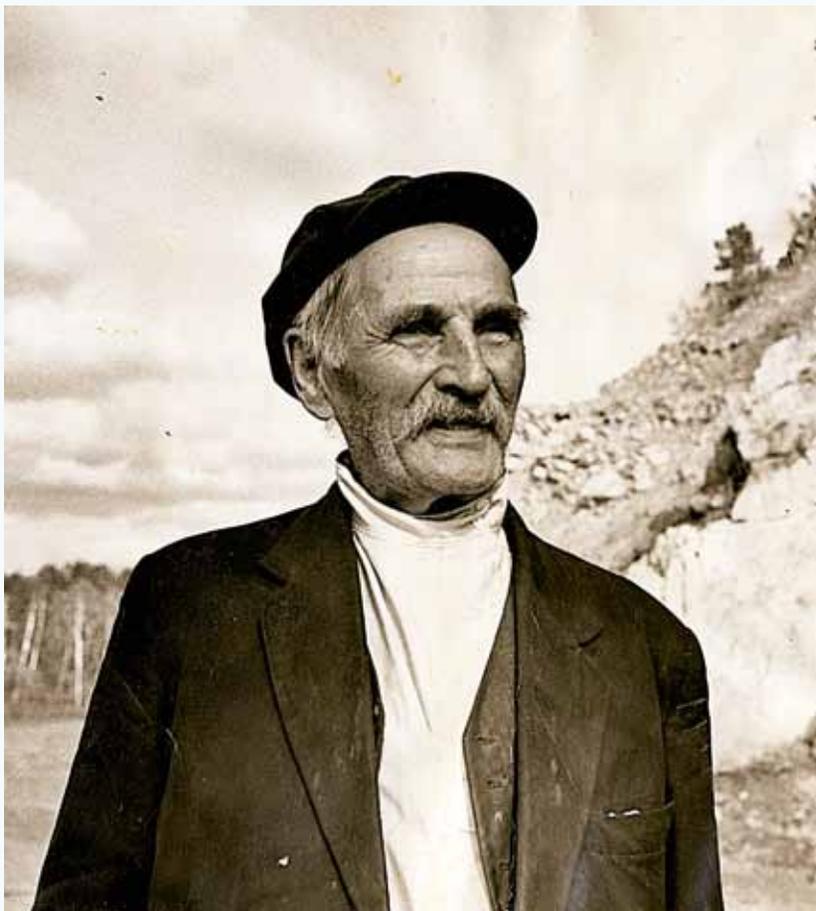
горный инженер Виктор Иванович Горн, горщик-рудознатец Андрей Лобачев, горный техник, химик-минералог, член УОЛЕ Евгений Никитич Коротков, у Григория Китаева проявился живой интерес к коллекционированию минералов, руд и горных пород. А будучи взрослым, к разработке месторождений камней-самоцветов, добыче поделочных горных пород, поиску рудного и нерудного сырья.

Г.Г. Китаев — участник Первой мировой войны.

▼ Свердловск. Г. Г. Китаев с аквариумом у шкафа. 1936 г.

▲ Кыштым. Ферсман и Г.Г. Китаев с Игорем. 1931 г.

и Адуе, разрабатывал знаменитую мокрушу, добывал штуфной материал и кристаллы нежно-голубого топаза, черного мориона, винно-желтого берилла, фиолетового аметиста. Крупнооскольчатое самоцветное сырье собиралось и отправлялось в Екатеринбург на гранильную фабрику.

В летние сезоны полевых работ в Мурзинском районе Г.Г. Китаев знакомится с приехавшим на Средний Урал Александром Евгеньевичем Ферсманом. Как известно, в эти годы А.Е. Ферсман продолжал собирать фактический материал по изучению особенностей геологического строения и минерального состава пегматитовых жил. С тех пор между А.Е. Ферсманом и Китаевым установились добрые, товарищеские отношения. Приезжая в служебные командировки на Урал, А.Е. Ферсман обязательно заходил в гости к Китаевым посмотреть новые находки самоцветов. По совету А.Е. Ферсмана Китаев начал отправлять самые лучшие образцы минералов в геологические минералогические музеи Москвы и Ленинграда.

◀ Г.Г. Китаев, 1970 год

В 1918 году Григорий Георгиевич собрал коллекцию уральских минералов для музея Геолкома. Коллекция была дополнена горным инженером — выпускником Женевского университета Борисом Владимировичем Дидковским, и в 1919 году отправлена в Москву, в подарок В.И. Ленину от имени Союза горнорабочих Урала. Долгое время коллекция уральцев хранилась в Центральном музее В.И. Ленина.

В период с 1920 по 1922 гг. Г.Г. Китаев работал в Екатеринбургском рудоуправлении «Райруда». Здесь он закончил курс техминимума и был аттестован на звание штейгера. Был назначен заведующим копиями самоцветов в Алабашке, Мурзинке

▲ На месторождении авантюрина. Соловьев, Г.Г. Китаев, Венько. Октябрь 1968 г.

◀ Осмотр глыбы доломита. Китаев Г.Г. и Игорь, 1967 г.

▶ Геологическая аллея в Историческом сквере, г. Екатеринбург

► Геологическая аллея в Историческом сквере, г. Екатеринбург. Мрамор с нижнетагильских месторождений

В эти годы Григорий Георгиевич знакомится с горным инженером, выпускником Петербургского горного института, страстным коллекционером, главным инженером рудоуправления «Райруда» (с 1924 года – Уральский медный трест) – Николаем Петровичем Калугиным, а также профессором Уральского горного института Модестом Онисимовичем Клером.

В 1924–1925 гг. Григорий Георгиевич принимал участие в восстановлении шахт и разрезов на Изумрудных копиях, занимался проходкой двух шахт на Липовском месторождении розового и полихромного турмалина в Режевском районе. Во время проходки шахт Г.Г. Китаев обратил внимание на грунтовую воду, просачивающуюся из трещин в змеевике и стекающую вниз по вертикальным стенкам шахтного ствола. «Вода, – пишет в своих записях Григорий Георгиевич, – была очень холодная и как-то своеобразно обжигала руки, выделяя

пузырьки газа». Об этом он рассказал приехавшему в Липовку А.Е. Ферману. По совету ученого, Григорий Георгиевич отобрал в бутылки две пробы шахтной воды и сдал их в Черемисскую больницу на химический анализ. Оказалось, что вода содержит небольшие концентрации радона. Намного позже, уже после кончины Г.Г. Китаева, его жена Вера Николаевна получила почтовое извещение, в котором сообщалось, что «согласно приказу Министра геологии РСФСР за № 368 от 4 июня 1973 г. Г.Г. Китаеву высылается денежное вознаграждение за первооткрывательство Липовского месторождения радоновых вод». До сих пор почтовое извещение хранится в домашнем архиве семьи Китаевых.

В первой половине 30-х годов прошлого столетия Г.Г. Китаев осуществил поиск крупных блоков розового родонита на старинном месторождении в окрестностях дер. Малой Сидельниковой и доставку их на гранильную фабрику, которая находилась у городской плотины по проспекту Ленина. Блоки родонита были использованы для изготовления памятника-надгробия Анри Барбюсу – французскому революционеру, писателю, коммунисту Французской рекомпании. За проделан-

◀ Геологическая аллея в Историческом сквере, г. Екатеринбург. Кварцит с месторождения «Гора Карвальная», г. Первоуральск

пича на Шабровском тальковом руднике.

С 1931 по 1935 гг. Григорий Георгиевич занимался проведением поисковых и эксплуатационных работ на месторождениях корунда в Кыштымском районе Челябинской области (Иртяшском, Кыштымском, Ергалдымском). На базе корундовых месторождений в городе Кыштыме построен завод «Шлифзерно» по переработке корундового сырья.

С 1936 по 1937 гг. Г.Г. Китаев работал в Свердловском доме техники, в отделе геохимии и минералогии, под руководством профессора Свердловского горного института К.К. Матвеева. Как известно, этот период времени непосредственно предшествовал созданию Уральского геологического музея.

Зимой 1936 года по всему Уралу геологи и горняки начали собирать уникальные образцы горных пород,

ную работу по доставке блоков родонита Григорий Георгиевич получил Благодарность от Президиума Свердловского Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

В период с 1926 по 1930 гг. Григорий Георгиевич работал в Свердловском отделении треста «Русские самоцветы» в должности заведующего поисковыми и эксплуатационными работами на полевой шпат и другие полезные ископаемые на Вишневых горах в Челябинской области. Здесь, наряду с добычей полевого шпата для нужд предприятий электротехнической промышленности РСФСР, он собирает уникальные штуфы горных пород и образцы редких минералов: красивые и крупные кристаллы циркона, сфена, эгирина и др. Г.Г. Китаев передает свои находки в геологические и минералогические музеи Москвы, Ленинграда, Свердловска, областные краеведческие музеи Челябинска и Перми. В городах Вишневых гор он обнаружил пирохлор, содержащий примеси

редкоземельных и химических элементов. Примеси были установлены по переданным Г.Г. Китаевым пробам в лабораториях Уральского университета и Горно-геологического института Уральского филиала академии наук СССР. В Уральское геологическое управление Григорий Георгиевич подал заявку на проявление пирохлоровой минерализации Вишневогорского месторождения редких металлов. 29 апреля 1969 г. решением Коллегии Министерства геологии СССР за открытие Вишневогорского месторождения редких металлов Григорий Георгиевич Китаев награжден Дипломом и нагрудным знаком «Первооткрыватель месторождения».

В годы работы на Вишневых горах Г.Г. Китаев знакомится с научными сотрудниками геологических институтов Москвы и Ленинграда И. И. Шафрановским, Э.М. Бондштедт-Куплетской, Амеландовым и др.

В конце 1930 года Г.Г. Китаев организовал добычу огнеупорного кир-

▲ Геологическая аллея в Историческом сквере, г. Екатеринбург

◀ Геологическая аллея в Историческом сквере, г. Екатеринбург. Тулитовое габбро, г. Первоуральск

руд и коллекционной ценности кристаллы и друзы минералов и прочие материалы к геологической выставке, иллюстрирующей достижения геологической службы на Урале за 20 лет существования советской власти. Эта выставка предназначалась для участников уральской экспедиции и зарубежных гостей, прибывших из Москвы в Свердловск в 1937 году после XVII сессии Международного геологического конгресса. Для будущей выставки Г.Г. Китаев оставил огромную жеоду бурого железняка с Бакальского месторождения железных руд на Южном Урале в Свердловск. Ее вес почти

10 тонн. До сих пор жеода красуется перед фасадом здания факультета геологии и геофизики Уральского государственного горного университета. Жеода стала местом встреч выпускников – геологов и геофизиков. Посетители Уральского геологического музея и гости города фотографируются у жеоды на добрую память. Возле нее в 1978 году сфотографировались Б.Н. Ельцин, Президент Академии Наук СССР академик А.П. Александров, председатель Президиума Уральского отделения Академии Наук СССР академик С.В. Воронцов. Известно также, что возле жеоды фотографировался Народный артист СССР Муслим Магомаев.

Как свидетельствуют документы, для предстоящей выставки, кроме жеоды, Г.Г. Китаев передал еще 130 образцов горных пород, руд и минералов, в том числе 25 штуфов.

В период с 1945 по 1967 гг. Григорий Георгиевич работал заведующим филиала по заготовке уральских минералов для Московской фа-

брики №14 «Природа и Школа». Фабрика выпускала учебные наглядные пособия для среднеобразовательных учреждений РСФСР.

Вместе с сыном Игорем Г.Г. Китаев принимал участие в создании Геологической аллеи на территории Исторического сквера в Свердловске.

Игорь Григорьевич Китаев был руководителем камнерезного кружка в г. Березовском, где занимался один из авторов статьи в 1973 году. Часто он рассказывал нам, начинающим камнерезам и любителям камня, как их отец каждой весной запрягал телегу, привязывал корову садил детей и до самой осени они путешествовали по Уральским горам...

Образцы, которые привезены в Исторический сквер (на плотинку), показывают, из каких пород состоят Уральские горы: мрамора, эклогиты, габбро, серпентиниты. Они тоже очень большие и тяжелые, опять удивляет, ведь давали под это технику, людей – значит, доверяли.

За свою трудовую деятельность в Комиссию по делам первооткрывателей при Уральском территориальном геологическом управлении Г.Г. Китаев подал порядка 30 заявок на участки проявлений рудной и нерудной минерализации, на выходы поделочных и абразивных материалов.

В домашнем архиве семьи Китаевых есть журналы и оттиски печатных статей известных в нашей стране и на Урале научных работников-геологов, минералогов и петрографов с авторскими дарственными подписями. Это А.Е. Ферсман, А.К. Болдырев, И.И. Шафрановский, Э.М. Бондштед-Куллетская, Е.И. Крылов, М.О. Клер, Г.Н. Вертушков, Б.В. Чесноков, В.Н. Авдонин и др.

На пенсию Г.Г. Китаев вышел в 1967 году. Скончался 22 октября 1971 года на 82-м году жизни.

Григорий Георгиевич Китаев и его жена Вера Николаевна воспитали шестерых детей.

Сын Георгий Григорьевич Китаев в 1936 году закончил Алапаевский геологоразведочный техникум. Во время Великой Отечественной войны, будучи раненым, попал в немецкий плен. В 1943 году немцы вывезли Георгия Китаева во Францию, в город Лендернау. Из концентрационного лагеря уралец бежал вместе с другими военнопленными и примкнул к отрядам Французско-сопротивления близ города Ар-

▲ Геологическая аллея в Историческом сквере, г. Екатеринбург. Кварц со Светлореченского месторождения

жентон. За активное участие в движении Французского сопротивления Георгий Григорьевич Китаев – командир взвода французских партизан – был награжден орденом «Военный крест с серебряной звездой» и ему присвоено звание «Почетный гражданин Французской республики». В городе Аржентон одна из улиц названа именем Жоржа Китаева. После войны работал на предприятиях Свердловска и Кыштыма. Был начальником геологоразведочной партии на Слюдоруднике в Челябинской области.

Дочь Людмила Григорьевна Китаева (по мужу Соловейкина) – работала преподавателем уроков труда в средней школе.

Сын Юрий Григорьевич Китаев окончил среднюю школу и добровольцем ушел на войну. Сражался в рядах Юго-Западного фронта. Служил в разведке. Под Воронежем был тяжело ранен. Полностью лишился зрения. Только через три года зрение частично восстановили. Награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу». Закончил курсы буровых мастеров и работал в Сысертской геологоразведочной партии.

Сын Игорь Григорьевич Китаев закончил Свердловское художественное ремесленное училище №42 по специальности «Резчик по камню». И.Г. Китаев работал в камнерезных предприятиях Свердловска и Березовского.

Сын Аскольд Григорьевич Китаев закончил Свердловское художественное ремесленное училище №42 по специальности «Огранщик камней самоцветов». А.Г. Китаев работал на заводе «Русские самоцветы». После армии работал руководителем камнерезного и гранильного кружков в Сысертском Доме пионеров.

Дочь Елизавета Григорьевна Китаева закончила Свердловский горный институт по специальности «Геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых». Работала в полевых партиях Ново-Синеглазской геофизической экспедиции. ☐

Обитель

Юний Горбунов

В очередном этюде «Обители» изложена художественная версия происхождения святого Симеона Праведного.

Сёма и Романов

В декабре 1611 года над волжским городком Романовом разразилась небывалая в этих краях сухая и морозная метель. До утра на обоих берегах пуржило и держало жителей взаперти. Ни дать ни взять очередная польская предтеча. А едва рассвело и улеглось, от избы к избе по непрерывной бабьей эстафете пошла по романовским холмам ужасная весть: в снегах застывшей Волги в полуверсте от городка нашли санную кибитку с четырьмя замерзшими телами. Пятое — труп кучера — лежало в стороне, видать, сбившись, кучер пытался найти дорогу.

Жертвой стихии стала семья романовского служилого дворянина:

он сам, его супруга и их дети — брат с сестрой. Не в пору и на беду свою, отправились они домой из гостевания в правобережной Борисоглебской слободе.

Однако на многолюдном отпевании в деревянном Крестовоздвиженском храме и на непышных в смутное время похоронах, собравших, однако, весь Романов и слободу, гробов оказалось только четыре: три господских и один скромный кучерской.

Разнеслось, что в девятилетнем мальце что-то трепыхалось еще. Завернутый родителями в медвежью полсть, он поначалу тоже не подавал признаков жизни. Но когда церковный пономарь начал эту полсть

▲ Н. Сверчков. Застигнутые бурей

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

разворачивать, то увидел, как шевельнулись пальчики на руке мальчика, и весь он оказался не скрюченным намертво, как прочие, а чем-то еще живым отзывался руке.

Крестясь на бегу, пономарь позвал иерея, а тот скорым бегом послал за знахарем. Скорняк Селиверст, рыжебородый насулненный мужик, приложился ухом к белой груди мальчонки и велел пономарю, что жил при храме, принести одеяло. Он молча завернул тело, накрыл, прижав к себе еще полами овчинной шубы, и унес в свою скорняжню. А слухи, погуляв еще по избам, улеглись, как и сама недавняя метель.

Некогда кишащая челядью господская усадьба словно бы вовсе обезлюдела и затаилась. И жила теперь неслышно под приглядом управителя. Начали зарастать мятликой и три могилки на романовском погосте. Метель пронеслась и сгинула, а вот последствия польских набегов огнем и разорением коснулись каждого двора, и их надобилось залечивать. Не до мальчика было.

Как возвращался Сема из небытия на свет божий, знает только романовский скорняк и знахарь Селиверст. Чем вращал, что шептал ночами, как стерег едва мерцавшее дыхание... Прошли дни, даже недели, когда Сема открыл глаза и, переждав туманное мельтешение, увидел, как в небольшом кругу копящей лучины танцует полуголый человек, с ликом, до самых глаз заросшим рыжей бородой. Вокруг пахло овсяно-ржаной гущей и мелом. Босыми ногами человек монотонно мял лоснящиеся шкуры.

Это тулупник Селиверст, узнал Сема. И вдруг ясно увидел все, чего не мог и не хотел видеть. Как его, уже коченеющего, отец, выстукивая зубами молитву Богородице, заворачивал в медвежью полсть, в которую они всегда прятали ноги в пути. Как потом стояли сани и билась в стены метель. Как пала вдруг тишина. Как чьи-то руки несли его, и плач поднимался под своды храма, и гробы стояли в мерцании свеч, и пели зауспокойную его матери, отцу, сестре Софье, кучеру Антону... Память была ясной, а свершившееся близким и мучительным до сердечной боли.

Прошли еще недели, даже месяцы, когда Сема встал и нетвердыми шагами вышел из дома-мастерской скорняка Селиверста. Стоял тихий извинительный сентябрь. Слабые еще ноги вели Сему вдоль обра-

▲ Романов-Борисоглебск

га к Волге. Вот и берег внизу, деревянный сход, лодки перевозчиков ждут очоких в Борисоглебку. А река словно и не помнит ничего, течет себе. Сема нашел глазами то примерно место, где тем декабрем замерла в метельной круговерти их кибитка, и не по-детски понял, что теперь будет искать его всегда.

Потянулись дни, месяцы и годы. В родительском доме Сема бывал редко, а ночевать не оставался никогда. Жил у Селиверста. Это было странное, почти что неземное бытие. Снаружи, плотью, руками учился он у скорняка и шубника шитью овчинной одежды, шапок, рукавиц и скоро мог справиться себе полушубок и начал дворцовую отцову рядить и обшивать. Когда бывали заезжие купцы с севера, жители оживающего после смуты городка заказывали Селиверсту то женскую бобровую шубку, то шапку-ушанку из лисьего меха, а то, глянь, и модное горностаевое украшение. Но первая «мода» была на знатную здешнюю овчину. Ей и Селиверсту, скорняку и тулупнику, не было равных — из Углича и Ярославля наезжали заказчики. И Сема, пособляя, тоже набивал руку.

А забредали в Романов и совсем неизвестные люди, из-за Камня, из сибирской стороны. Доставали невиданную в здешних краях чернобурку и, нагоняя цену, говорили, что добыть такую можно только по угоде Девы-птицы. А добывают тамошние вогулы-кумирники, которые вместо Бога держат истуканов. Отогревшись в селиверстовой избе, сибирцы рассказывали о русской крепости

и монастыре за Камнем, что мало там пока подвизается народа православного, потому как ведет к тому монастырю всего одна тропа...

Но это все снаружи, а жил-то Сема внутри себя. Там творилось его подлинное, никому неведомое бытие. Оно складывалось из вопросов и картин. Отчего произошел тот павший на его семью декабрь? И сразу — на тебе — картина.

...Новый князь-володатель объявился тогда в Романове — Владимир Старицкий, ни много ни мало двоюродный брат царя Ивана Грозного. Пришел со свитой, самолично набранной государем. Папаша в молодых его летах в той свите и подвизался. И свое немалое романовское поместье с землей и крестьянами получил, бойко соглядатайствуя за своим князем, коего царь подозревал в дворцовых интригах. (Грозный, как известно, всех и вся подозревал, а потворствующие ему служилые дети боярские этим кормились. Каждый из них знал, чем и как угодить своему государю). Папашино поместье тучнело новыми землями и крепостными, а неугодного родственника со всей его семьей московский самодержец извел-таки отравой.

И другое видение всплывало в Семиной зрительной памяти. Как отцов управитель из барских же крестьян порол кнутом прямо перед хозяйскими окнами в чем-то провинившуюся дворцовую девуку и мелькали в раскрытых окнах то мамашин чепец-повойник, то папашин бакенбард, то замешкавшаяся сестрица Сонюшка на выданье уже... Да ведь и он, Сема, любопытствовал, прячась за углом сарая. Па-

► С. Иванов. В Смутное время

инька был, любимец и баловень дворовой челяди.

А когда пан Гальбович с поляками и литовцами нагрянул? Ведь только отцова усадьба и открыла вора́м свои ворота, только она и уцелела. Горожане, «черные люди» соборно ополчились тогда на пришлецов и с трудом, но очистили город...

Еще и еще постыдные картины кто-то бесконечно оживлял ему. И это все, вопрошал себя Сема, есть образ и подобие!?

Немую укоризну Николая Угодника читал он в закопченном иконном лике, что стоял на поставце-божнице Селиверста.

А уже и другой мучил-терзал его вопрос: а он-то сам почто пощажён был в той метели? Почто ему, Семе, а не Сонюшке досталось то медвежье укрывало? На этот вопрос картин не следовало, а только стучало в висках и давила боль, угнездившаяся с того декабря во чреве. Маяга длилась часами, сутками, неделями, не давая сна и покоя. Молитва, то ли впитанная с молоком матери, то ли вымученная им самим, только и держала Сему на ногах и коленях перед ликом Угодника. Он не мог войти в родительский дом, не мог видеть коварную точку на водной глади или заснеженной пустыне Волги, не мог обнять собой могильный холмик матушки, хотя туда, туда и туда несли и несли его ноги.

Так в маяге и смятении проходили уже целые годы. И однажды, в мучительном полусне, лик явился ему живым, таким же рыжим и закопченным, как Селиверст. И Сема понял вдруг или услышал, что ответы заповедано ему искать в подвижничестве. На пути за Камень, туда, где заблудший люд, где кон-

чается Русь и вершится иная, куда одна ему только и есть дорога. Искать руками, посохом и молитвой. Не спастись ему одним страданием, а только богоугодным деланием. И нестяжанием.

Семен предстал перед Селиверстом, и тот своего питомца не узнал. Отрок был бледен и от мира будто бы отрешен. Он молчал, и только в глазах его стояли слезы. Большие, как романовские пруды. Стоял уже с посохом и сумой. Он ничего не взял из отцова наследства: крестьян отпустил, а недвижимость оставил на усмотрение Селиверста. Были с ним только посох и сума с задельем шубного промысла.

А Романов... Он навсегда остался в душе Семена родной незаживающей занозой.

Городка Романова мы не найдем на нынешней карте России, но есть городок Тутаев, районный центр Ярославской области — совсем недалеко от Пошехонья. У него русская невезучая, но по-человечески прекрасная судьба. Возведен в XIII веке угличским князем Романом на холмах левого берега верхней Волги, прямо напротив уже существовавшей рыбацкой Борисоглебской слободы, которая на берегу правом. Весь свой долгий век они друг на друга смотрят и беспримерными своими храмами состязаются.

Даже не будучи еще под рукой Москвы, Романов неизменно радел ее самодержавию. Держал сторону Москвы в удельной распре с Тверью, за Москву же был разоряем вечевым Великим Новгородом, а уж как стойко защищал московских государей в польско-литовском одолении! Великим князьям и царям московским Романов всегда служил этаким «букетом» — тому, кого надо улестить

либо поставить на место. Иван Грозный лукаво подарил его двоюродному брату, а потом поселил рядом с ним согласных татарских мурз, чтобы защищали рубежи Москвы.

В начале века XIX-го, насмотревшись друг на друга через Волгу, слобода и городок объединились и стали городом Романово-Борисоглебском.

Издревле славился Романов своим шубно-овчинным промыслом. Скорняки и шубники всегда держали здесь первенство в ряду других традиционных ремесел. В XVII веке, например, говорит документ, около 20 процентов городских ремесленников занимались обработкой кож и шитьем из них одежды на любой вкус и потребу. Романовские полушубки из романовской же густошерстной племенной овцы известны едва ли не всему миру. Они отмечены высокими наградами на всемирных выставках в Лондоне и Париже. Их и сейчас успешно производит Ярославская овчинно-меховая фабрика в 10 километрах от Тутаева.

А Тутаев... Это третье уже имя городок обрел в 1918-м — «в память героически погибшего при исполнении служебного долга» красноармейца Ильи Тутаева.

Что по-настоящему роднит Романов века тринадцатого с Тутаевом века двадцать первого, так это отсутствие моста через Волгу. Как и восемь столетий назад, предлагают свои услуги лодочники да еще паром. Отсутствие стабильной переправы стало уже для тутаевцев своего рода исторической достопримечательностью, как ныне говорят, брэндом. «Только у нас!» — с патриотической гордостью хвалятся горожане. **УС**

▼ Романов-Борисоглебск. Пристань

История России.

Река Чусовая

(Фотоэкспедиция)

Первоуральск:
Динас, пос. Первомайский

При поддержке

Рукотворные острова

Эти острова на Чусовой я снял с моста, находящегося между центром Первоуральска и Динасом. Кому-то этот вид покажется привлекательным, но меня он не умиляет. Дело в том, что Чусовая со времен появления на ней баронов Строгановых и заводчиков Демидовых была на несколько метров глубже. По ней в половодье сплавлялись барки, имеющие довольно глубокую осадку. Метрах в двухстах от этих островов вверх по течению в те времена была пристань, где строились и загружались эти самые барки.

Причин обмеления реки много. Это, прежде всего, массовый забор воды для нужд городов Полев-

ского, Екатеринбурга, Первоуральска и предприятий, таких как Северский завод, Первоуральский новотрубный, Хромпиковый. Еще одна причина — строительство плотин на реке и появление обширных водохранилищ: Верхне-Макаровского, Волчихинского, которые во много раз увеличили поверхность зеркала воды, что привело к усиленному ее испарению.

Вырубка лесов по берегам тоже открывает водную гладь для обогрева ее солнечными лучами. Осушение прибрежных болот не позволяет подпитывать реку в сухой период года. Примером может служить то же Бурково болото, расположенное в километре выше

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Святослав Кудрявцев

Родился на Урале в 1937-м. Окончил в Свердловске Сельскохозяйственный институт. Работал главным инженером совхоза, директором подсобных хозяйств, начальником цеха, преподавал. Увлекается рыбалкой, охотой, беговыми и горными лыжами, коньками, закаливанием. Инструктор в городской секции зимнего плавания. Живет в Первоуральске.

► «Острова» на Чусовой.
Фото автора

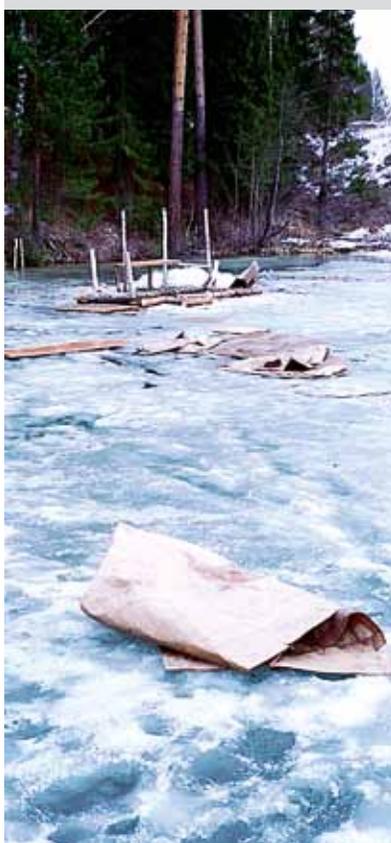

▲ Фотография датирована 14 июня 1937 года. Крайний справа в воде Виктор Георгиевич Немытов, 1919 года рождения. Участник Великой Отечественной войны. Был тяжело ранен в битве под Курском. Награжден орденами и медалями. На снимке ему 18 лет

по течению. Оно стало суше и меньше в размерах. В результате всего этого к середине лета река настолько мелеет, что байдарки местами приходится буксировать вручную, царапая днищами по дну.

В 60-е годы, когда деревянный мост через реку между Динасом и Перво-

▼ Стихийное бедствие.
Фото автора

уральском (см. снимок) стал окончательно разваливаться, а средств на строительство нового не было, администрация Динасового завода, чтобы не потерять связи с внешним миром, решила построить мост по упрощенной схеме. Вдоль реки были уложены трубы большого диаметра для пропуска воды, а сверху их засыпали камнем из карьера горы Караульной. Поселок вновь соединился с городом. Правда, в весенние паводки и во время ливневых дождей вода переливалась через мост и он становился непроезжим.

Так и мучились, пока не построили новый мост, который существует и сегодня. Трубы убрали, а камень, насыпанный сверху, оставили. Так появились искусственные острова, мимо которых в летний период даже на плотах и байдарках проблематично проплыть.

Острова естественным путем постоянно увеличиваются за счет нанесенного хлама, смывтого с загрязненных берегов реки. Примером такого «строительного материала» могут служить вот эти ошметки, оставленные после обряда купания в Крещение на левом притоке Чусовой — речке Шайтанке. Так может и запруда образоваться, в появлении которой, пожалуй, будут виноватить бобров — их за последние годы на реке расплодилось довольно много.

▼ Петропавловский храм
в Первоуральске. Фото автора

Могила отца Александра

История началась в начале девяностых годов, когда возрождали церковь Петра и Павла в Первоуральске. Руководил строительством отец Виктор. Вот он-то и рассказал мне эту историю.

Раскапывая землю на территории снесенной церкви, экскаваторщик наткнулся на кирпичный склеп, стены которого были выложены чугунными плитами. Не разобравшись, что это за кладка, он разрушил ее, зацепив ковшом клочок зеленой ризы и большой наперсный крест. Отец Виктор несколько растерялся, завернул крест в ризу и зарыл на прежнем месте. По кресту и по материалу было понятно, что это захоронение священника.

У меня его рассказ все эти годы не выходил из головы. Деда моей жены по отцовской и материнской линии — «колокольные дворяне», их род моя дочь проследила аж до времен Ивана Грозного. Все были репрессированы и почти все расстреляны или пропали без вести.

Когда мне в руки попала книга Александра Топоркова — настоятеля церкви Петра и Павла в Шайтанке — «О Васильевско-Шайтанском заводе», я проследил по ней всю историю нашего храма.

Отец Александр был всесторонне развитый человек, имел обширные интересы. Оставил после себя много ценных исторических сведений о прошлом Первоуральска и других городов Урала. Он был законоучителем в Шайтанском женском училище, преподавал Закон Божий в церковно-приходской школе, работал в Екатеринбургском отделе Императорского православного Палестинского общества, состоял чле-

ном церковного братства Симеона Верхотурского, сотрудничал в Пермском губернском статистическом комитете. В 1891-м принят в члены Уральского Общества Любителей Естествознания. Биографические сведения о нем скудны. Известно, что родился в Верхнем Тагиле в 1847 году. В начале 1875-го окончил Пермскую духовную семинарию и в том же году был назначен священником Петропавловской церкви Васильевско-Шайтанского завода. До этого какое-то время учил детей в Березовском заводе. 36 лет, с 1975 года до кончины в 1911 году, верой и правдой служил церкви Петра и Павла. За услуги по духовному ведомству удостоен камиллавки, наперсного креста и, скорее всего, набедренника, без которого эти награды не вручают. Награжден также орденом Святой Анны третьей степени.

Похоронили Александра Александровича Топоркова на территории храма, но где, никто не знал. В своей книге Топорков пишет, что у юж-

ного придела был захоронен только один священник — отец Иоанн (Ефимов), прослуживший в храме 31 год. Других захоронений после 1911 года не было. В советское время церковь закрыли. Чего только здесь не квартировало: и кинотеатр, и ресторан, и весовая мастерская, и музей, и колбасная фабрика. А в 1974-м году храм взорвали. Выходит, захоронений священников было два, но могила отца Иоанна — у южного придела, а найденное захоронение — у северного. Значит, это могила А. А. Топоркова.

Отец Виктор высказал пожелание установить памятник на месте найденного склепа. Хочется надеяться, что его слова воплотятся в жизнь.

▼ Ученики сельско-приходской школы. 1905 г. (фрагмент)
В верхнем ряду предположительно о. Александр (Александр Александрович Топорков).
Из архива семьи Пильщиковых

«Неразговорчивая» Первомайка

Сведения об этом чудовском поселении пришлось собирать по крохам, хотя солидным историческим возрастом оно похвалиться не может.

Поселок выбрал место в устье чудовского притока Пахотки. Вернее, ему его выбрали, когда был пущен и вошел в силу Шайтанский хромпиковый завод (ныне Первоуральский). Первые жители поселка трудились на Хромпике. А завод этот в годы Великой Отечественной сильно помог стране. Здесь был создан и пущен в производство препарат «2X» для «зажигалок», кото-

▲ Поселок Первомайский.
Фото Михаила Гимадиева

◀ Озерки.
Фото Михаила Гимадиева

▲ Дылдин Борис Александрович. Поселок Первомайка.
Август 1956 г.

на технология победитовой смеси для стержней бронебойных снарядов... До 1960-го завод единственный в стране производил хромпиковые соли. Первожители поселка ко всему этому основательно руку приложили.

Вспоминают нынешние жители Первомайки.

«Семья приехала сюда в 1944 году. Жили в бараке с печным отоплением. Здесь окончил начальную школу. Она располагалась на ул. Калинина ближе к Чусовой. Одноэтажная, деревянная, с одной классной комнатой. При школе был сеновал, где, вероятно, хранили сено для лошади.

Недалеко от ул. Черняховского в логу был небольшой кирпичный завод.

На окраине поселка был лагерь немецких военнопленных. Они построили для себя несколько больших барачков. Позже здесь разместилась воинская часть».

Н. Ф. Акимкин

«Прибыл сюда в 1966 году для прохождения срочной службы. Воинскую часть, которая специализировалась на гражданской обороне, перевели из-под Ленинграда. Один из барачков был за территорией воинской части, на Стройпоселке. Там размещалась школа №5 — учились дети Стройпоселка и Первомайки. На другой берег Чусовой переходили по узкому мосту на деревянных сваях — прямо напротив воинской части. За рекой были озерки, образовавшиеся на месте песчаных карьеров. Со временем часть ГО преобразовали в часть МЧС. Кстати, на Стройпоселке недалеко от железной дороги было кладбище. Сейчас на тех могилах гаражный кооператив».

В. В. Ашихмин

«Первомайка — моя родина. Жили по ул. Горького. Училась в начальной школе №5. А сестра Нина — потом на маляршукатура в училище, которое было на территории бывшего лагеря для военнопленных. Купаться бегали на озерки за Чусовой. Они имели номера: 1, 2, 5, 10... Любимые — 10-й и «Зеленка». В «Зеленке» вода была с зеленым оттенком, более плотная. Озерко под №10 потом стали называть «Солдатским». Мимо озерков пролегла узкоколейка. Одно из воспоминаний детства — посещение старьевщика. Его семья тоже жила в поселке. За сданное по весу старье давали шари, питки, свистульки. Иногда он развезжал на лошади. Для детворы это был праздник».

В. Ф. Ашихмина

рые эффективно применялись при защите Москвы и отражении танковых атак. На Хромпике же была разработа-

Журнал «Уральский следопыт» открывает новую рубрику «Фотолетопись». В ней будут представлены единичные фотографии или подборки из путешествий по Уралу.

Антон Селезнев

Старший научный сотрудник Коуровской астрономической обсерватории Уральского федерального университета. Член Астрономического общества, член Европейского Астрономического общества.

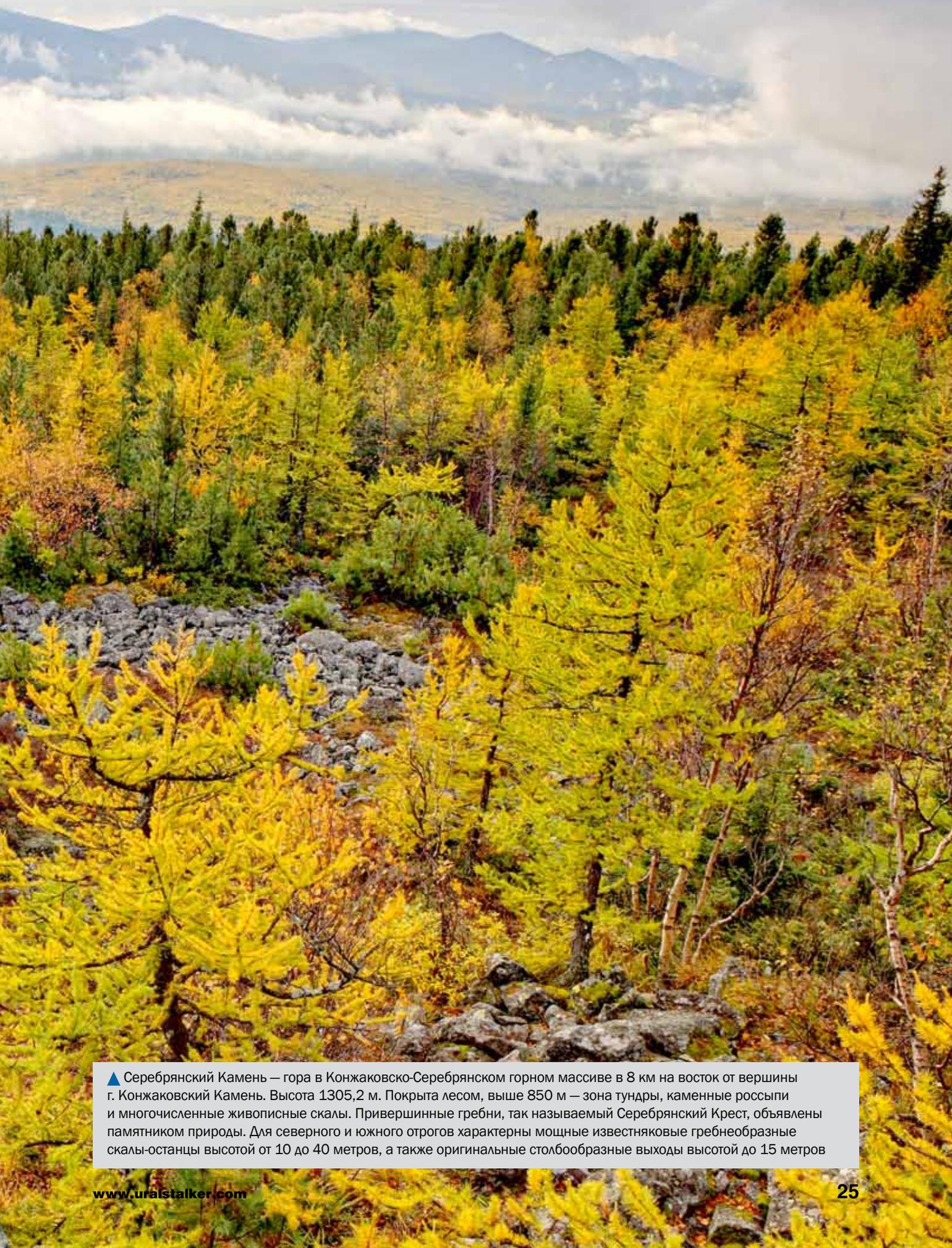
Автор портрета Константин Миронов.

▲ Цикл осенних фотографий с Серебрянского камня, Северный Урал, Свердловская область. Координаты места съемки $59^{\circ}36'N$ $59^{\circ}18'E$. Пока здесь девственная тайга, подступающая к древним Уральским горам. Еще недавно здесь планировали создать природный парк

Встречный ветер

▲ Серебрянский Камень — гора в Конжаковско-Серебрянском горном массиве в 8 км на восток от вершины г. Конжаковский Камень. Высота 1305,2 м. Покрыта лесом, выше 850 м — зона тундры, каменные россыпи и многочисленные живописные скалы. Привершинные гребни, так называемый Серебрянский Крест, объявлены памятником природы. Для северного и южного отрогов характерны мощные известняковые гребнеобразные скалы-останцы высотой от 10 до 40 метров, а также оригинальные столбообразные выходы высотой до 15 метров

▲ Скоро на Иовском плато Конжаковского массива начнется разработка дунитового месторождения. Сейчас здесь начинается вырубка леса для дороги, по которой многотонные самосвалы будут вывозить породу. Фотограф запечатлел, возможно, последний миг жизни уникального места. О Конжаковском массиве «Уральский следопыт» рассказывал в №3, 2013, №5, 2014

Копии фотографий передала краевед, Почетный гражданин г. Ухты Республики Коми Раиса Леонидовна Попова

Гибель шхуны «Ермак»

Аборигены Ямальской тундры в течение полутора веков передавали из уст в уста легенду о спасении оленеводом Сейчем Сэротетто команды моряков с погибшего во льдах Байдарацкой губы корабля.

Сенсацией стало обнаружение потопками Сейча документов, подтверждающих достоверность тех давних событий. Владимир Тангович Сэротетто (1960 года рождения) передал в Ямальский районный музей шкатулку с документами капитана шхуны «Ермак» — начальника экспедиции Павла Павловича Крузенштерна и фотографии царственных особ.

Высказывались различные версии о гибели шхуны и появлении шкатулки в чуме рядового оленевода-кочевника. Как его наследники смогли хранить тайну сто пятьдесят лет, в то время как в России происходили одна за другой смены государственных формаций? В недоумение привели и появившиеся в чуме, через 12 лет после встречи моряков, фотографии императора Александра II и его супруги Марии Александровны, датированные 1874 годом.

Чтобы понять, каким образом внук знаменитого мореплавателя Ивана Федоровича Крузенштерна попал на Ямал, следует начать рассказ с истоков событий, предшествующих гибели шхуны «Ермак».

Море Ледяное

1 августа 1862 года шхуна «Ермак» покинула деревню Куя на Печоре, где она семь лет находилась на отстое. На следующий день моряки увидели Северный Ледовитый океан. Их путь лежал на северо-восток, к проливу Югорский Шар, и дальше в Карское море, куда на протяжении последних тридцати лет не проникало ни одно судно.

Когда экспедиция находилась около Болванского Носа, нашлы густой туман. С большими трудностями в течение трех дней шхуна, искусно управляемая Крузенштерном-внуком, пробиралась между мелями. Затем разыгра-

лась непогода. Ветер усилился. «Ермак» укрылся за Черной Лопаткой, ожидая, когда стихнет буря. Дождь лил как из ведра. Раскаты грома сотрясали воздух. Зловеще сверкали молнии. Штормовой ветер на тысячи голосов завывал в снастях шхуны. «Волнение было столь велико, что поддавало почти до марсов», — вспоминал об этих днях Крузенштерн.

К утру 10 августа буря унялась и «Ермак», пользуясь ровным ветром, покинул укрытие. Вечером шхуна выбралась на чистую воду и отдала якорь у острова Варандея. Здесь экспедиция в ожидании благоприятного ветра простояла три дня.

14 августа в 3 часа дня экспедиция достигла Югорского Шара. В проливе, в особенности под берегом, густой массой держался лед. Крузенштерн спешил. Ему хотелось до наступления ночи выйти в Карское море. Часто измеряли глубину. Лот, снабженный храпами, не только удачно добывал грунт, но нередко приносил с морского дна ракушки, крестообразных и звездообразных моллюсков, которых Крузенштерн собирал и хранил в банках со спиртом.

В 7 часов открылось Карское море. Насколько мог видеть глаз, оно было заполнено ледяными полями, среди которых возвышались подобные горам торосы. Крузенштерн приказал подойти к берегу Вайгача и отдал якорь. Он рассчитывал дожидаться здесь расвета. Место стоянки казалось капитану удачным. Оно было защищено от ветра, и не заметно было сильных течений. Однако спокойствие оказалось непродолжительным. «Вода стала прибывать, — писал Крузенштерн,

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТНОМНЫЙ
ОКРУГ

▲ 4 сентября 1862 г. Шхуна «Ермак» во льдах Карского моря. Рисунок участника экспедиции художника Шаренберга

Сергей Пудов

Трудовую биографию начал в многотиражке «Звезда» на строительстве Серовской ГРЭС (Свердловская обл.). Работал в газетах Кемеровской, Свердловской, Тюменской областей. В пос. Комсомольском Советского района был главным редактором студии телевидения. Автор трех книг: «Радуга жизни» (2006), «Под небом Заполярья» (2012), «Без права на забвение» (2014). Живет в Югорске Тюменской обл.

— и сделалось весьма сильное течение из океана в Карское море; оно доходило до 4 узлов. Лед начал валить огромными массами через Югорский Шар».

Командир приказал поднять паруса. Маленький экипаж действовал быстро. Прошло несколько мгновений, и корабль оделся парусами. Выбрали якорь. Но ветер был весьма слабый. Течение несло судно к высоким торосам, что виднелись на востоке в Карском море. Огромная льдина подхватила державшийся за шхуну бот «Эмбрио» и увлекла его за собой. В продолжение нескольких минут в тумане виднелась мачта и затем исчезла. Со шхуны, окруженной льдами, не могли помочь товарищам, попавшим во власть льдов и течений. С трудом Павел Павлович вывел шхуну из потока льда на середину Югорского Шара, где лед был не так сплочен, как под берегом Вайгача.

15 августа судно снялось с якоря и направилось к острову Соколь-

му, расположенному вблизи материка. Крузенштерн надеялся отыскать удобную и безопасную стоянку. Однако, когда экспедиция была в четырех километрах от цели, ветер внезапно стих. Паруса безжизненно повисли. Шхуна оказалась во власти льдов, которые течением несло из Баренцева в Карское море. Надо было принять решение, от которого могла зависеть судьба экспедиции и жизнь людей. Стать на якорь в потоке несущихся с большой скоростью льдин или вместе со льдом и течением пуститься на восток? В том и другом случае судно и люди на нем подвергались серьезному испытанию. Лед мог или повредить шхуну, или раздавить ее совсем.

В то время, как командир предавался грустным размышлениям, вахтенные заметили в море парус исчезнувшего бота. Маленькое суденышко пробиралось к Югорскому Шару. Крузенштерн, пользуясь тем, что ветер немно-

го засвежел, приказал идти навстречу боту. Вскоре суда встретились. Бот в памятную ночь на 15 августа получил большую пробоину выше ватерлинии. Словно скорлупку, его «носило и терло всю ночь». И командир бота унтер-офицер Короткий, и четверо его помощников показали себя молодцами.

С фок-реи увидели неширокое разводье, которое имело направление на север, затем поворачивало на восток и уклонялось к югу в направлении материка. Крузенштерн рассчитывал этим каналом чистой воды добраться до удобной якорной стоянки, где бы можно было подождать улучшения ледовой обстановки. Но прошло несколько часов и надежды рухнули — разводье заканчивалось высокой стеной льда. Решили вернуться в Югорский Шар и подняться до Карских Ворот. Но при слабом ветре шхуна едва преодолевала сильное встречное течение из Югорского Шара. Тот-

► Руководитель морской экспедиции на шхуне «Ермак» в 1862 г. капитан-лейтенант Павел Павлович Крузенштерн (1824-1871)

да спустили шлюпки и решили буксировать шхуну с их помощью. Но и эта попытка оказалась безрезультатной. Лед окружил судно. Плотность его все увеличивалась. Вскоре не осталось ни одной полоски чистой воды. Шхуна вместе с большой льдиной дрейфовала к северо-востоку, между тем как бот «Эмбрио», благодаря своим небольшим размерам, сумел продвинуться ближе к материковому берегу.

Наплывший туман рассеялся только утром 16 августа, и то ненадолго. В это время со шхуны заметили на юго-западе, километрах в пяти, бот «Эмбрио». Но снова появился туман, он держался два дня при полном штиле.

Когда прояснилось, то моряки «Ермака», к немалому своему огорчению, обнаружили, что разлучились со своими товарищами на боте, у которых имелся всего лишь двухмесячный запас продовольствия.

Крузенштерн еще не хотел признавать, что его судно попало в ледовый плен. Он приказал поставить все паруса, надеясь, что шхуна носом раздвинет льдины и пробьется к чистой воде, Павел Павлович в этот день записал горькие строки в своем дневнике: «Наши усилия были бесплодными, не подвинули шхуны ни на один шаг, и я опять прикрепился к тому же месту».

«Ермак» продолжал дрейфовать вместе со льдами. На юге и юго-востоке виднелась береговая линия материка. Крузенштерн и его спутники были спокойны, занимались корабельными работами, промеряли глубины, брали пробы грунта с морского дна, определяли местоположение корабля.

21 августа начались подвижки льда. «Некоторое время я думал, — писал Крузенштерн, — что нас раздавит совершенно, но ледяные горы, столкнувшиеся за кормой и перед носом шхуны, спасли нас, хотя и оставляли нам свободным лишь небольшое пространство. Шхуну совершенно накренило льдом на левый бок, но не причинило важных повреждений».

На следующий день сжатие льдов возобновилось. Со страшным грохотом и треском льдины громоздились друг на друга. Шхуна неожиданно содрогнулась всем корпусом от сильного толчка, за ним последовал еще более сильный удар. Обшивка трещала и лопалась. Капитан ожидал, что в любое

мгновение судно может быть раздавлено, и распорядился о том, чтобы спустить на лед шлюпки, бочку масла и четыре бочки соленого мяса. Однако сжатие прекратилось. Полил дождь, который к вечеру сменился снегом. Поднялся ветер, и в снастях «Ермака» на разные голоса завывала полярная выюга...

Шхуну несло все дальше и дальше на восток. Подвижки льда не прекращались, каждый час можно было ждать гибели «Ермака». Крузенштерн распорядился: «Команде быть готовой в любой момент покинуть судно».

Начались морозы, шквальные ветры и снегопады. Шхуна легла на левый борт. В правом борту ее была боль-

шая вмятина. 26 августа, во время очередного сжатия, одна из льдин прошла под киль «Ермака» и повалила его с левого борта на правый. Торошение не прекращалось. С громом пушечных выстрелов лопались огромные льдины, обломки их нагромождали поблизости от шхуны высокие горы. Деревянное суденышко все чаще и чаще сотрясалось от сильных ударов, трещали и скрипели палуба и надстройки. Моряки среди ночи вскакивали и бросались со своими вещами наверх.

Крузенштерн держался мужественно. Он продолжал вести метеорологические и гидрологические наблюдения. 27 августа он определил, что суд-

но находится на 65059' северной широты и 64°30' восточной долготы. Команда хлопотала около корабля, разбивая острые края льдин, которые могли бы при сжатии пропороть деревянный корпус.

В последних числах августа несколько потеплело. Снег сменился дождем и туманом. На небе стали появляться сполохи полярных сияний. Но подвижка льдов не прекращалась. Вечером 30 августа лед поднял судно на 30 сантиметров из воды. При огромном сжатии были смяты переборки кают, а шхуна получила несколько ударов в подводную часть. Между тем ветер усиливался. Один шквал налетал за другим, сотрясал рангоут. С такелажа то и дело срывался покрывавший его лед и с грохотом разбивался на верхней палубе. Наконец, разразился настоящий шторм. Берег, ранее видневшийся на юге, исчез из виду. Кругом были льды, находившиеся в непрерывном движении. Крузенштерн каждую минуту ждал, что они раздавят его судно, и распорядился устроить на соседней льдине продовольственный склад и запастись дрова. Там же разбили и жилую палатку.

В ночь на 2 сентября шхуну приподняло на 150 сантиметров и повалило снова на левый борт. Раздался оглушающий треск. Вахтенный доложил, что вода в трюме прибыла на 2 фута. Морьяки, несколько часов назад веселившиеся по случаю празднования 1000-летия России, повскакивали с коек от сатанинского гула ледяной канонады и, нагрузив на плечи котомки с запасами провизии и белья, выбежали на палубу. Капитан отдал команду спускаться на лед. Но едва морьяки собрались возле палатки, как подвижки льда прекратились, наступила тишина. Очередной натиск стихии закончился. К глубокому огорчению, утром следующего дня запасное убежище — старую льдину — разорвало на две части.

«Итак, — писал Павел Павлович, — еще раз пришлось обмануться в своих надеждах. Я думал, по крайней мере, ежели шхуну сломают, иметь убежище на льду, но если в первый шторм эта, по-видимому, громадная и неразрушимая льдина ломается, то что будет с нею во второй и третий шторм?».

Ему начинало казаться, что в случае гибели шхуны едва ли можно благополучно перезимовать на дрейфующем льду. Он все чаще думал о необходимости покинуть судно и направиться с командой по льду к берегу, который хоть и не виден, но, по его расчетам, должен находиться еще не далеко.

Вечером 3 сентября, когда шхуна снова сжали льды, капитан приказал

перенести на лед инструменты и приборы для научных наблюдений, продовольствие, бочки с водой, дрова, паруса. Когда все снаряжение экспедиции было выгружено, чтобы освободить судно от лишнего груза, выбросили железный балласт, который находился в воде в кормовом трюме.

По воспоминаниям одного из участников экспедиции, «в эти дни морьяки ежеминутно ожидали, что масса льда раздавит шхуну: смерть смотрела нам в глаза со всех сторон».

В ясную, расцветченную сполохами полярного сияния, ночь Крузенштерн отправил матроса Молчанова и подштурмана Черноусова на поиски берега. Пройдя семь часов на восток через торосы и трещины, они, к немалому огорчению капитана, не обнаружили берега, хотя продвинулись более чем на 20 километров.

Положение экспедиции с каждым днем становилось более сложным. Но ее начальник и его подчиненные надеялись выйти по льду на берег. Морьяки сняли рангоут (мачты) с судна и соорудили большую палатку, накрытую в четыре слоя парусами. Одновременно готовили лодку, которую собирались взять с собой в поход к берегу материка. Становилось все холоднее, заметно уменьшились дни. Неистовствовали ветры и метели. Надо было искать выход.

Капитан созвал совет, на который, кроме старшего штурмана Матиссена, подштурмана Черноусова и боцмана Панкратова, он попросил выделить из состава команды трех матросов (были выбраны Молчанов, Попов, Резанов). На совете детально обсуждалось положение экспедиции. На шхуне был более чем годовой запас продовольствия, но дров могло хватить только на четыре месяца. Шхуна находилась в серьезной опасности, уже давно появилась течь. Льдина, у которой стояло судно, тоже оказалась малонадежной для жизни на ней в случае гибели шхуны.

Крузенштерн писал об этом совете: «Выслушав мнение всех и понимая вполне, что действительно единственное спасение наше — стараться достигнуть берега, я решился оставить шхуну и направиться к восточному берегу, оставляя все имущество с тем, что если обстоятельства позволят, то на оленях приехать к шхуне и вывезти на берег, по возможности, все инструменты и материалы, а также и провиант».

В тот же день 7 сентября начали готовиться к походу на восток, к берегам полуострова Ямал. В лодку, дно которой было специально обито медью, погрузили сухари, окорока, карты и жур-

налы. Каждый моряк должен был взять с собой в котомке 35 фунтов сухарей, 2 фунта шоколада, 1 бутылку рома, чистое белье, ненецкие малицы и пимы и вооружиться багром. На одного человека приходилось 28 килограммов. Для встречи с медведем захватили 4 винтовки, 3 револьвера, 2 пистолета, двустволку, порох, пули, дробь, а также пики.

9 сентября в четыре часа утра Крузенштерн поднял своих спутников. Поваром уже был приготовлен обед. Убедившись, что все взяли с собой самое необходимое и оделись, возможно, теплее и лучше, Павел Павлович приказал двигаться в путь.

Это было в 7 часов утра. Первым шел начальник экспедиции, держа курс на восток по компасу. Многочисленные торосы и трещины пересекали путь. Многие выкупались в ледяной воде. Лодка и двое санок, на которых везли дрова и часть провизии, сломались. Пришлось их бросить. Командир распорядился, чтобы каждый взял с собой сухарей на 20 дней, а повар приготовил обед и выдал каждому по стакану рома. В этот день морьяки в последний раз наелись досыта. Путешественники со свежими силами довольно быстро продвигались вперед. К полудню они уже потеряли из виду шхуну. К концу дня все чувствовали невероятную усталость. У некоторых матросов с неприятными кружилась голова, некоторые жаловались на тошноту, но продолжали идти на восток. Только там, за белыми торосами, ждало их спасение. Вечером встретилась огромная полынья. Пришлось повернуть на юг. Шли до темноты, но удобной переправы так и не нашли. Заночевали под защитой высокого тороса прямо на льду. Под утро все оказались промокшими. На завтрак были одни сухари.

Удалось организовать переправу через полынья. Паромом служила небольшая льдина, поднимавшая всего двух человек. Через час все путешественники перебрались через разводье. Полыньи и разводья встречались все чаще. Переправы на ледяных парамах весьма задерживали продвижение. Усталость сказывалась все сильнее. Многие бросали личные вещи. Дело дошло даже до полушубков, сапог, запасного белья и сухарей. Почти одновременно заболели старший штурман Матиссен и фельдшер Лычев; товарищи по путешествию взяли их оружие, часть вещей и помогали больным, чем и как могли.

После тринадцати с половиной часов похода остановились на привал. Некоторым казалось, что они видят землю. Но сколько ни рассматривал Павел Павлович горизонт в подзоро-

► Владелец шхуны «Ермак»
вице-адмирал Павел Иванович
Крузенштерн (1808-1881)

ную трубу, он ничего не мог обнаружить, кроме высоких ледяных торосов. По-видимому, у его спутников разыгралось воображение. До крайности изурнанные, они, все кроме часового, вскоре спали на холодном ледяном ложе. На рассвете Крузенштерн взобрался на торос, чтобы еще раз осмотреть дорогу, и вдруг на востоке — северо-востоке увидел красноватые утесы полуострова Ямал.

«Вид берега, — писал Крузенштерн, — подействовал на всю команду, как электрическая искра, и снова явилась надежда на спасение... Надо было видеть людей, с какою быстротою они взяли на плечи ноши, какими победителями они смотрели и с какою уверенностью шли вперед, не давая мне времени вступить на свое место».

Но идти пришлось недолго. Путь снова пересекала огромная польнья, а за ней полоса мелкобитого дрейфующего льда. Моряки с помощью багров перепрыгивали со льдины на льдину, проваливались в воду, выручали друг друга из опасных положений и снова устремлялись к манящим их на северо-востоке красноватым утесам. Все чаще приходилось преодолевать трещины. Однажды, когда вся экспедиция на небольшой льдине переправлялась через широкую польню, на моряков напали моржи.

«Я стоял на краю и смотрел хладнокровно на зверей. Когда они приблизились, я ударил одного пикой, но без всякого успеха; один клыками начал подниматься к нам, другие осторожно наблюдали за успехами или неудачами товарища. Положение наше было не завидное: удастся двум или трем зайти к нам, наша льдина, перегруженная уже людьми и багажом, должна или опрокинуться, или идти ко дну. Я быстро снял винтовку и, прицелившись, выстрелил. Огромное животное с всплеском опрокинулось в воду. Остальные моржи скрылись из виду».

К вечеру 11 сентября моряки совершенно выбились из сил. Особенно тяжело приходилось заболевшему старшему штурману Матиссену. Он второй день не мог ничего есть, но огромным усилием воли заставлял себя не отставать от товарищей. Матиссен спокойно говорил о том, что его больному телу не выдержать этого похода и, по-видимому, придется закончить свои дни на льду Карского моря.

Фото Павла Крузенштерна впервые найдено
ухтинским краеведом Петром Сухогузовым

Кроме сухарей, есть было нечего. Но и сухари нужно было беречь; неизвестно, сколько времени продлится поход, и придет ли кто-нибудь на помощь на берегу Ямала. Крузенштерн с грустью наблюдал, что многие плохо спали в эту ночь.

Утро не принесло ни надежды, ни облегчения. С востока дул сильный ветер, появился туман. Почти до полудня 12 сентября лежали в бездействии, ожидая улучшения погоды. В 12 часов начали переправу через широкую польню на маленькой льдине, которая с помощью лотлина была превращена в паром, Крузенштерн переправлялся последним. Когда очередь дошла до него, ледяное поле, на котором он находился, снесло. Лотлин оказался коротким. С обеих сторон его наставляли ремнями, шарфами, подвязками. Наконец, когда расстояние между паромом и командиром сократилось до полутора метров, он с помощью

багра перепрыгнул на паром. Впоследствии в своем рапорте в Морское министерство Павел Павлович особо отметил, что в эту трудную минуту его спасла неустрашимость, ловкость и сила матроса Резанова.

Этот драматический момент снял напряжение среди членов экспедиции. Моряки повеселели, оживились. Берег как будто становился ближе. Надежда, что они выйдут живыми из этого трудного испытания, крепла среди путешественников.

Через несколько часов новая польня преградила путь. Крузенштерн заметил, что льдину, на которой они находились, относит на запад. Берег был совсем рядом. Павел Павлович считал, что за разводьем до красных утесов было не больше четырех километров. Но переправиться через пространство воды не было возможности. Ледяной остров с путешественниками заметно дрейфовал на запад. Вокруг трещало,

грохотало, ломалось. Расстояние между ним и припаем увеличивалось. Берег исчез из виду. Лыдину с экспедицией со всех сторон окружало море.

«Мы согрелись с трудом, мороз был сильный, и ветер к вечеру дошел до шторма; я ежеминутно ждал, что нашу лыдину разобьет на мелкие части. Нас единственно спасало самоедское платье; не будь этого платья, замерзли бы все. Мы легли спать по два человека, ноги друг другу в малицы, убирая головы также в малицы, и таким образом спаслись».

Три дня продолжалось это опасное плавание. 25 членов экспедиции шхуны «Ермак», оказавшихся на обломке лыдины, с тоской наблюдали, как восточный ветер все дальше и дальше уносил их в море. Их обдавало брызгами и поливало дождем. Казалось, если ударит сильный мороз, то никто не выживет.

«Эти три дня, — вспоминал старший штурман Матиссен, — я никогда в жизнь свою не забуду, потому что, окруженные опасностью, мы ежеминутно ожидали неминуемой смерти».

Сухари у путешественников были на исходе.

Наконец, 16 сентября юго-западным ветром лед снова сплотило. Крузенштерн решил немедленно идти на восток. Их хлестал дождь, они проваливались в трещины, но все шли и шли. Вскоре увидели берег. Он находился в 15–18 километрах. Моряки, не останавливаясь, двигались к нему.

К полудню выбились из сил. Капитан объявил отдых на полчаса. И затем снова вперед. В пять часов только один километр отделял экспедицию от берега. Павел Павлович и сам не человечески устал, неприятная слабость разливалась по всему телу. Ломило грудь и плечи. Он едва держался на ногах.

«Последняя верста, — вспоминал Крузенштерн, — была необыкновенно тяжела для нас. Берег не дался нам без упорного боя, и я не знаю, как попали бы мы вообще на него без матроса Попова? Он шел передовым последнее время, и я любовался его неустрашимостью и находчивостью в преодолении всякого рода препятствий; все остальные довольно равнодушно смотрели на берег, как и на лед, у каждого из них было одно желание — лечь и отдохнуть».

Между ледяным полем с путешественниками и берегом была чистая вода, над которой кое-где возвышались сидевшие на мели стамухи (торос, ледяная глыба). В течение двух часов на небольших льдинах перебирались от стамухи к стамухе. Наконец, до берега осталось всего 100 метров. На неболь-

ших неустойчивых льдинах моряки в одиночку, по двое или по трое плыли к берегу. Льдины опрокидывались, люди оказывались в воде, но выбирались на льдины и продолжали дружно грести к берегу.

В восемь часов вечера все 25 человек были на твердой земле. На них не было сухой нитки. В темноте невозможно было разыскать дрова, чтобы развести костер и обсушиться. Но мысль о том, что под ними твердь Земли, они на берегу моря и их уже никуда не унесут ненавистные, непокорные льдины, согревала душу и тело. Почти никто не мог заснуть в эту ночь, которая, по словам старшего штурмана Матиссена, навсегда осталась в памяти всех 25 человек. В составе экипажа военных моряков парусника «Ермак» были штурман Матиссен, подштурман Черноусов, боцман Панкратов, кузнец Сит-

ников, лекарь Лычев, повар Павел Ларионов, матросы: Попов, Резанов, Молчанов, Григорий Вишняков.

«Утром 17 сентября, когда рассвело, камни под нами чуть ли не были теплее наших тел», — отмечал начальник экспедиции в своем рапорте. С наступлением дня были найдены дрова, и развели огромный костер на одном из холмов полуострова Ямал». Они еще не знали, что перед ними не материк полуострова, а остров Литке — родовые угодья богатого оленевода Сейча Сэртэто. Сварили кофе, немного подкрепились и обогрелись. В это время старший штурман Матиссен в зрительную трубу осмотрел горизонт. И вдруг он ясно различил чумы.

— Люди! — Крузенштерн схватил трубу. Действительно, километрах в пяти от привала виднелись конусы жилищ. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

Живое наследие Павла Северного

Английский мыслитель Томас Карлайль сказал так: «Из всех проявлений человеческого творчества самое удивительное и достойное внимания — это книги. В книгах живут думы прошедших времен; внятно и отчетливо раздаются голоса людей, прах которых давно разлетелся, как сон. Все, что человечество совершило, передумало, все, чего оно достигло, — все это сохранилось как бы волшебством на страницах книг».

Историко-краеведческий музей в Верхнем Уфалее Челябинской области существует уже более 45 лет. Накопил большой литературно-краеведческий материал, который, благодаря стараниям коллектива, не лежит «мертвым грузом» в хранилищах, а активно «работает» с учащимися и всем населением Верхнеуфалейского городского округа.

Уфалейцы знают и гордятся многими земляками-литераторами. Здесь родился и вырос сын заводского служащего Александр Гаврилович Туркин, первый профессиональный южноуральский писатель,

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Ирина Третьякова

Педагог-психолог, музейный педагог. Научный сотрудник Верхнеуфалейского краеведческого музея.

оцененный В.Г. Короленко и Максимом Горьким, автор множества рассказов из быта рабочего люда. Часто бывал в Верхнем Уфалее Павел Петрович Бажов (здесь жила его родная племянница). Красивейшие уфалейские места и исторические события описаны им в сказках «Золотой волос» и «Демидовские кафтаны».

▼ Историко-краеведческий музей

◀ Обложка повести «Леди», изданной в Китае в 1937 г.

го плена, в походе через заснеженную Сибирь, устеленную трупами замерзших людей. Он мог, наконец, утонуть в байкальском ледоходе при переходе от Иркутска в Забайкалье.

Как часто вспоминал он исход из России... Отступление белой армии от Екатеринбурга, переход ее остатков через Байкал Павел Александрович в конце жизни опишет в своем автобиографическом романе «Ледяной смех».

В начале 1920 года Павел Александрович переправился в Маньчжурию, где некоторое время работал на КВЖД. Но надолго там не задержался: на станцию, где он работал, напали хунхузы, речные пираты, грабившие пассажиров на железной дороге. У них были свои неписанные законы: к примеру, себе забирали ровно половину того, что везли с собой путешественники, и никого не брали в плен. Однако работникам КВЖД не было пощады. Павла спасло лишь то, что за него предложили выкуп руководители железной дороги.

А в 1900 году в Верхнеуфалейском заводе родился будущий русский писатель Павел Александрович Северный (фон Ольбрих), жизненный путь которого тесно переплелся с российской историей начала XX века, причем с самой кровавой и драматичной его частью — Гражданской войной. Сохранение и трансляция памяти о талантливом земляке — одно из главных направлений литературно-краеведческой работы нашего музея.

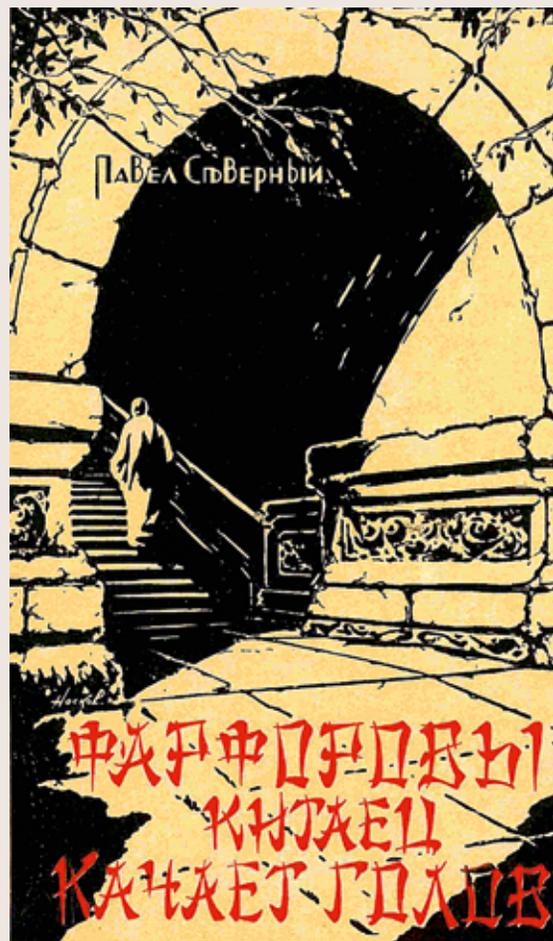
Павел Александрович фон Ольбрих (Северный) родился 27 сентября в семье горного инженера барона Александра фон Ольбриха, который был направлен товариществом Сергинско-Уфалейских горных заводов в 1899 году управлять Верхнеуфалейским чугуноплавильным и железодельным заводом.

С 1903 года семья кочевала по уральским заводам. Перед революцией Ольбрихи жили в Невьян-

▶ Обложка сборника повестей «Фарфоровый китаец качает головой», изданного в Китае в 1937 г.

ске, а в 1919-м Александр с женой и дочерью были расстреляны большевиками.

Павел — юнкер армии Колчака, поручик, командир роты 25-го Екатеринбургского полка 7-й Уральской дивизии — отступал со всей белой армией, проплыв на одном из последних пароходов с беженцами из Тавды до Тобольска. Потом — кратковременное пребывание в Омске, бегство от наступающих дивизий Красной Армии через Новониколаевск (Новосибирск), Красноярск, Бирюсинск, Иркутск. Он не раз должен был умереть на том гибельном пути — от сыпного тифа, от пули при невероятном по дерзости побеге из красно-

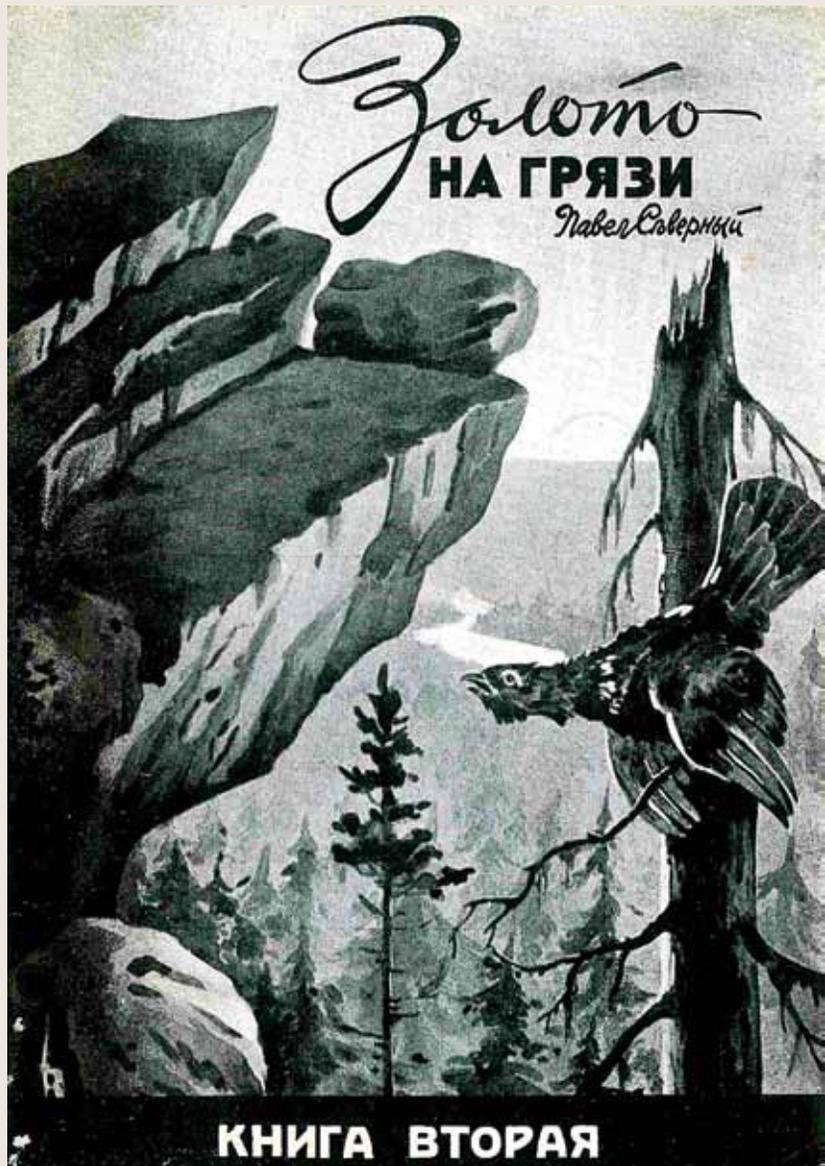

► Обложка романа «Золото на грязи» (книга вторая), изданного в Китае в 1941 г.

После освобождения Павел Александрович отправился в Китай. Из Харбина в Шанхай пешком почти через всю страну — с севера на юг. Европейец, путешествующий по Поднебесной на своих двоих, — это сенсация. Самые богатые и знатные китайцы считали за честь предоставить ему ночлег.

Едва ли когда-то и кому-то удастся восстановить полностью всю биографию писателя. Даже самым близким друзьям и родственникам не суждено было знать всех подробностей его жизни...

Живя в эмиграции, Павел Северный был очень дружен с семьей Рерихов, глубоко уважал Николая Константиновича и сетовал, что тот много сил вложил в изображение Гималаев, древнерусский же цикл его работ при этом много недополучил. А вот что писал Н.К. Рерих о произведениях Павла Северного: «Сердечно благодарю Вас за книги Ваши, посвященные Пушкину и Тургеневу. Прочел их с большой радостью, ибо такие характеристики наших великих людей, по моему мнению, совершенно необходимы. Помимо отличного слога Вы умеете так бережно выявить все прекрасные стороны великих характеров, что для молодого поколения Ваши книги будут ведущими вехами...». Был дружен Северный с Александром Вертинским, с его дочерьми — Марианной и Анастасией, с Сергеем Лемешевым, Федором Шаляпиным, Рабиндранатом

Тагором, Рихардом Зорге, Индирой Ганди...

В двадцатых-тридцатых годах XX века Павел Александрович познакомился со своей будущей женой Тамарой Александровной Купер, дочерью крупного торговца пушниной. Будущая супруга писателя училась на косметолога у известного в то время профессора Крамайера в Берлине, стажировалась в Париже.

«В Шанхае, — вспоминал сын писателя Арсений Северный, — у родителей был свой особняк с садом, собакой, но тогда я был еще совсем мал (род. в 1939 г.). Позднее жили уже в двухкомнатной квартире. Правда, прислугу имели. Отец работал в Американской библиотеке (1944–1948 гг.), в советском торгпредстве (1948 г.), в газете «Новая жизнь» корректором,

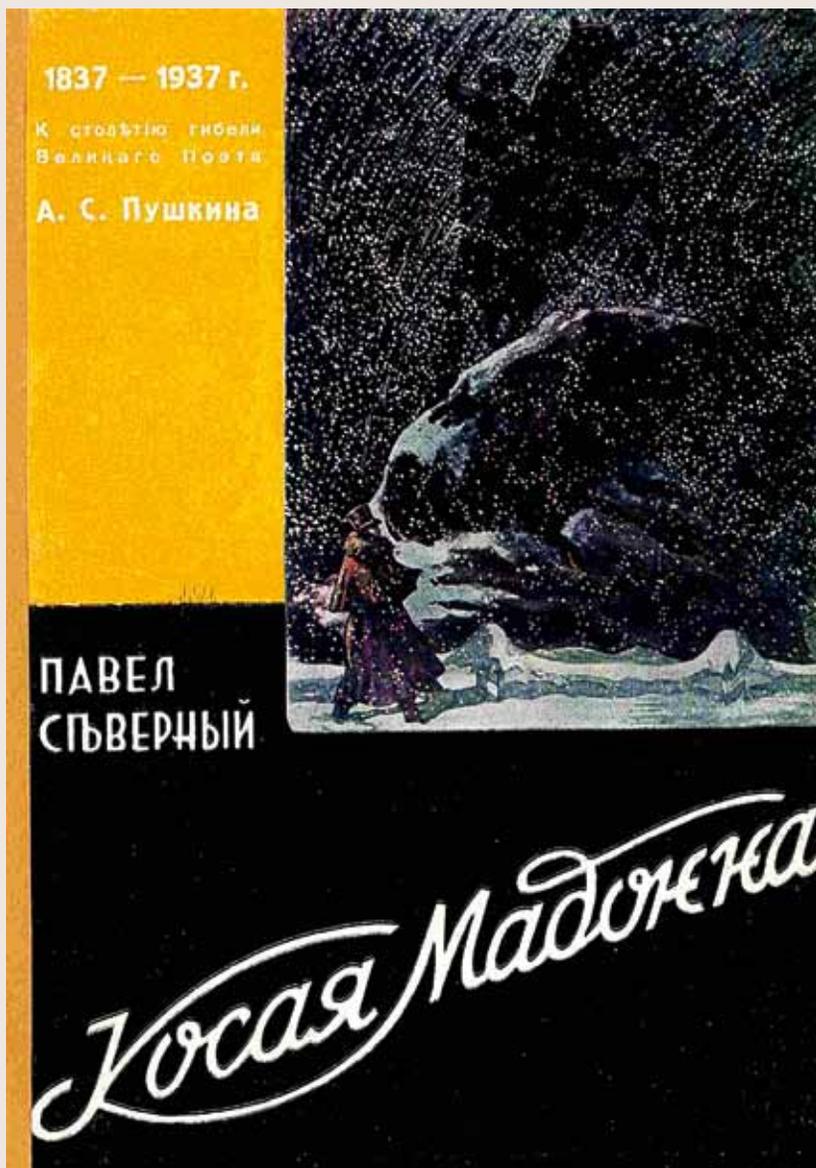
затем редактором (до 1954 г.), преподавал вплоть до отъезда русский язык, русскую и советскую литературу в Шанхайском институте русского языка, в Футанском университете (1944–1954 гг.).».

Но писателя мучила ностальгия. Та самая тоска по Родине, что не давала покоя многим россиянам за рубежом. Павел Северный рвался на родину, но пыл его останавливала жена. Тамара Александровна понимала, что ГУЛАГа ему не избежать. На возвращение в СССР решились только летом 1954 года.

Из воспоминаний Арсения Северного: «Досталось нам изрядно. Во-первых, сама дорога. По Китаю... ехали с вещами в вагонах второго класса. Китайские пограничники отнесли к переселенцам лояльно, особенно нас не трясли. На границе всех переместили в теплушки. На следующей станции с советской стороны репатриантов встречали

◀ Павел Александрович Северный

◀ Обложка романа «Косая мадонна», изданного в Китае в 1941 г.

К сожалению, первые тиражи книг Павла Северного постоянно урезали из-за его белоэмигрантского прошлого. И только с выходом трилогии «Сказание о старом Урале» Павла Северного приняли в Союз писателей СССР (1964 г.).

Последний роман писателя «Ледяной смех» увидел свет в 1981 году. Павел Александрович успел подержать книгу в руках, подарить родным и близким.

Умер писатель 12 декабря 1981 года, оставив после себя большое литературное наследие — 153 произведения (данные на октябрь 2013 г.)! Неизданными в России остаются романы «Кровь и фарфор», «Связанный гнев», «Роса и пыль», «Шамбала», повесть «Сказки пчелиного дедушки» и многое, многое другое. Рукописи бережно хранятся у сына писателя Арсения Северного. Благодаря его стараниям, в Екатеринбурге готовится к переизданию в подарочном варианте «Сказание о старом Урале», а также «Ледяной смех». Несколько рассказов П. Северного были напечатаны в журнале «Уральский следопыт». Нужно сказать, что роман «Косая мадонна» (Издательский дом «Сократ», г. Екатеринбург) в 2011 году стал лауреатом издательского конкурса «Книга года» (г. Екатеринбург) в номинации «Лучшее издание для юношества».

Близится 115-летие со дня рождения Павла Александровича Се-

солдаты с автоматами и собаками — в шеренгу, через каждые двадцать метров. Теплушки приказано было задрать, выходить по одному. Само название той станции чего стоило: Отпор! При осмотре вещей сразу отобрали ящики с папиными книгами (у нас с собой была огромная библиотека в три тысячи томов), дали расписку. Книги вернули только через полгода. Нас сразу предупредили — повезут на целину, в Чкаловскую область (сегодня — Оренбургская. — Авт.). Местом жительства для нашей семье определили совхоз Бурлыкский, Первую ферму. Отцу сразу предложили должность заведующего библиотекой, в которой оказалось аж двести книг! Но затем ее библиотеку передали дочке директора совхоза».

Помогло довольно резкое письмо Молотову — министру иностранных дел, которое Павел Александрович переслал с оказией

из Свердловска. Ответ пришел через пару недель — с назначением на должность технического редактора в Чкаловское книжное издательство.

А путь семьи Северных все-таки лежал в центр России. Первой нелегально переселилась в Подольск Тамара Александровна. Она блестяще сдала экзамены и в кратчайший срок получила советский диплом о высшем образовании, работала переводчицей на Всемирном фестивале молодежи и студентов (1957 г.), преподавала английский язык детям сильных мира сего. Она понимала, как жизненно необходимо и важно Павлу Александровичу быть ближе к Москве, и сделала все возможное, чтобы семье удалось перебраться в Подмоскovie.

▶ Тамара Александровна Северная (урожденная Купер)

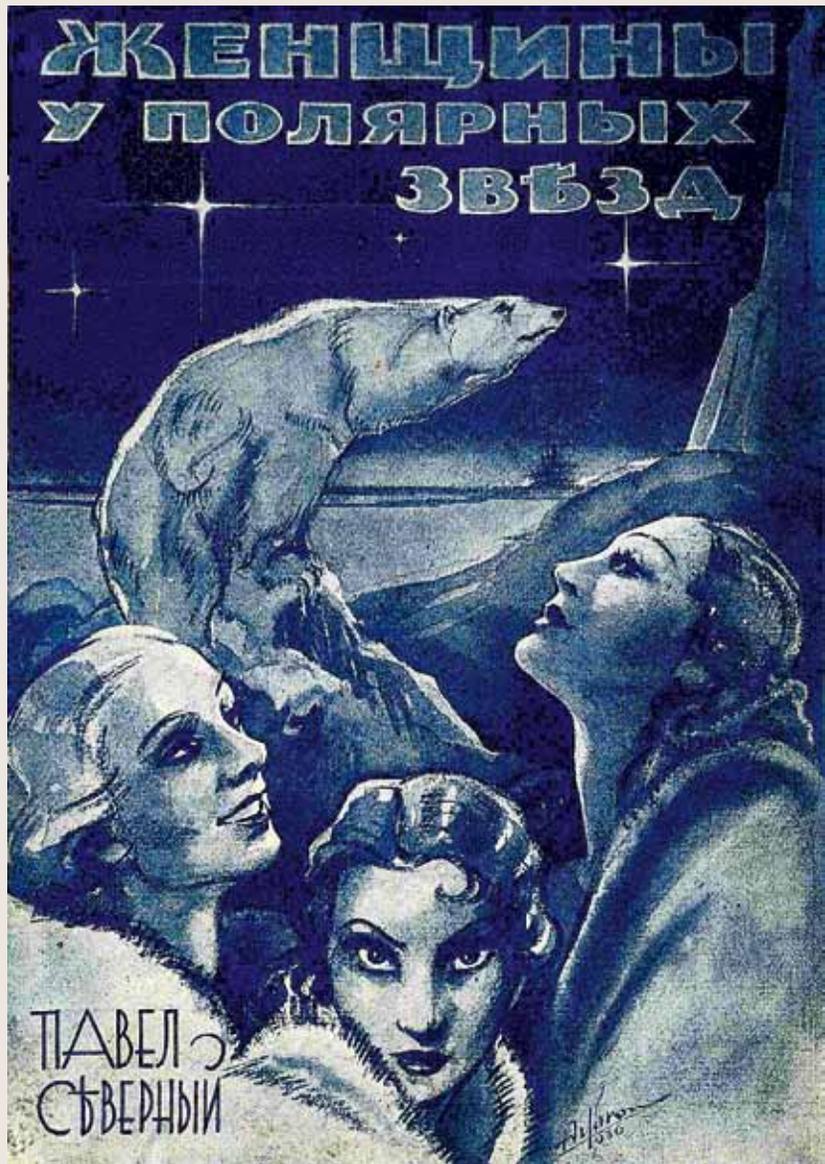

► Обложка романа «Женщина у полярных звезд», изданного в Китае в 1936 г.

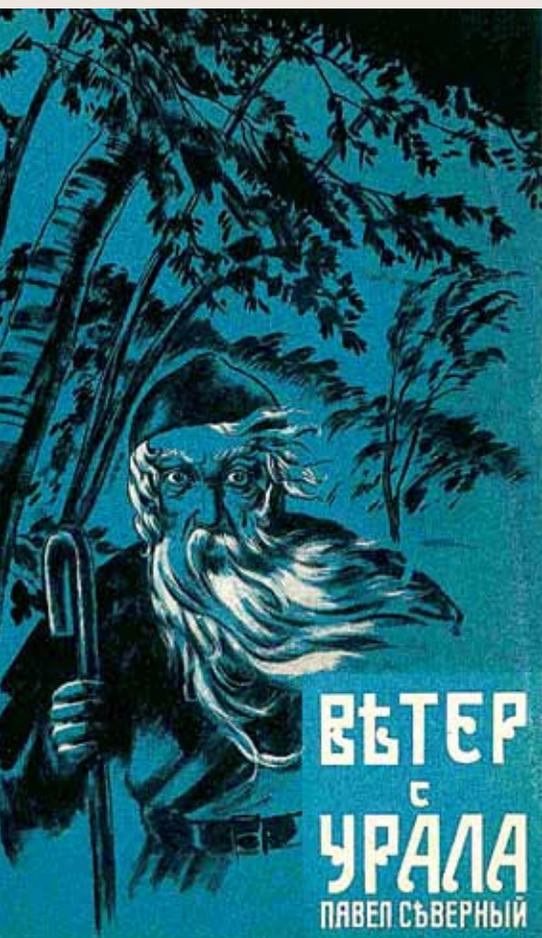
верного. Коллектив музея готовит план юбилейных мероприятий, который обещает быть очень насыщенным.

И сегодня Верхнему Уфалею тоже есть чем гордиться. Писатель Сергей Поляков, автор пяти книг, в 2013 году стал лауреатом престижной «Южноуральской литературной премии» в номинации «Проза». Несколько драматургических произведений Алексея Зевакина легли в основу театральных постановок на сценах различных театров Челябинска. Книга Маргариты Кельвер «Не люблю – не слушай» послужила сценарием для нескольких постановок уфалейского театра «Вымысел», первой сценой которого стали музейные залы.

Научный сотрудник музея Валентина Черных стала автором уже двух книг по истории Верхнего Уфалея – «Завод на речке Уфалей», готовится третий том, а также ждет своего часа книга «Уфалейские заветушки (фольклор и топонимика)», собравшая образ-

◀ Обложка книги «Ветер с Урала», изданной в Китае в 1939 г.

цы непередаваемого уфалейского говора, местных речений, всего того, что, к сожалению, уже «кануло в лету»... К стати, Валентина Александровна в 2014 году также стала лауреатом «Южноуральской литературной премии» в номинации «Литературное краеведение и публицистика».

Такое богатое литературно-краеведческое наследие дает музею обильный материал.

Ежегодно, начиная с 2007-го, в его стенах проходит краеведческая игра для старшеклассников образовательных учреждений Верхнеуфалейского городского округа «Урал в его живом слове», в основу которой положены биографии и творчество уральских и уфалейских поэтов и писа-

телей. В 2014 году игра преобразилась, т. к. был выбран формат телешоу «Своя игра».

К Международному дню родного языка (21 февраля) разработаны новые музейные занятия, на которых школьники знакомятся с историей книгопечатания, старославянской азбукой, азбукой Брайля, а также «испытывают» на себе многообразные оттенки родного языка.

Уже традицией стали музейные моноспектакли основателя уфалейского театра «Вымысел», а теперь челябинской актрисы Марины Шмидт, созданные на краеведческом литературном материале. «Не люблю – не слушай», «Литературная кухня», «Голоса революции», «Какого цвета война?». Эти спектакли, шуточные они или пронзительно-безжалостные, не оставляют равнодушными ни школьников, ни педагогов, ни сотрудников музея. 📖

Интурмаркет – начало сезона туристских выставок

Многолетняя традиция — участие «Уральского следопыта» в начале года в российских выставках. В 2015 году свой выставочный марафон «Уральский следопыт» начнет с Международной выставки «Интурмаркет».

Чем запомнилась нам прошлогодняя выставка?

«Интурмаркет» — ключевое весеннее событие для туристической индустрии России. Ежегодно в ней принимают участие более тысячи ведущих компаний и национальных представительств в сфере туризма из почти полтора десятка стран и регионов мира. Подводя итог прошедшего 2014 года, необходимо отметить, что именно на Интурмаркете удалось в короткий промежуток времени пообщаться с руководителями туристической индустрии, органов власти и непосредственно туристами со всех регионов Урала и Западной Сибири. Так, Свердловская область очень ярко представила программу «Самоцветное кольцо Урала». Коллеги из Ямало-Ненецкого автономного округа и Республики Коми широко и масштабно презентовали проекты Крайнего Севе-

Встречный ветер

ра. Здесь и снегоходные туры, и поездки на оленьих упряжках в обустроенные селения коренных народов, знакомство с их бытом и творчеством.

На стендах можно было увидеть все многообразие народов России: национальные костюмы, предметы старины, широкий спектр изделий мастеров народных промыслов, песни и танцы. Все это поражает, восхищает и удивляет — как огромна, разнообразна и красива наша Родина!

После таких встреч появились новые темы и авторы журнала. И в прошедшем году была реализована экспедиция к самой восточ-

ной точке Европы на границе Коми и ЯНАО! Следом читатели журнала открывают для себя новые направления для путешествий, формируют межрегиональные маршруты. Продолжает развитие концепция «Большой Урал», позволяющая обмениваться информацией и согласовывать проведение мероприятий событийного туризма соседних областей. Гостям Урало-Сибирского региона становится легче ориентироваться в многообразии достопримечательностей, планировать свой отдых или экспедиционную деятельность.

На «Интурмаркете-2015» «Уральский следопыт» будет представ-

лять не только Свердловскую область, но весь Урал: Южный, Северный, Полярный, Приполярный. Поскольку на страницах журнала в прошедшем году было много публикаций об уральском туризме, в наступающем году мы планируем расширить географию.

До встречи на выставке! **УС**

Видно ли горы на бегу?

В июле 2014 года на Южном Урале прошел первый этап уникального международного многодневного горного ультрамарафона «ТрансУрал».

В чем уникальность «ТрансУрала»?

«ТрансУрал» — это единственная в мире беговая многодневная гонка, которая проходит по границе двух частей света — Европы и Азии. На каждом этапе участники преодолевают маршрут, проложенный по живописным уголкам Уральского хребта. Таким образом, за четыре года участники гонки побывают на Южном, Среднем, Северном и Полярном Урале.

Никто в мире еще не проводил этапные многодневные гонки. «ТрансУрал» четыре года будет проводиться на разных участках Уральского хребта. Результаты каждого года будут учитываться в общем рейтинге участника.

«ТрансУрал» будет проводиться один раз с 2014 по 2017 год, поэтому у всех участников есть только единственный шанс преодолеть весь маршрут гонки.

В отличие от всемирно известных европейских многодневных гонок, где даже опытным и квалифицированным бегунам нужно очень постараться, чтобы успеть зарегистрироваться, принять участие в «ТрансУрале» смогут не только высококлассные бегуны, но и любители походов и активного отдыха. Правила гонки предусматривают возможность поучаствовать только в одном или нескольких (на выбор) днях гонки.

Финиш четвертого, заключительного этапа «ТрансУрала» планируется на побережье Северного Ледовитого океана.

В итоговый протокол по сумме четырех дней попали 134 человека (из них 26 женщин).

Всего в гонке поучаствовали более полутора сотен человек. В многочисленных отзывах — преимущественно позитив, благодарность организаторам и заслуженная гордость — «Я сделал это!». Чем же стал первый этап «ТрансУрала» для участников — только ли пресловутым самопреодолением, возможностью испытать себя в новом формате соревнований? Знакомством с интереснейшими и просто замечательными людьми, связанными общим увлечением? Открытием самых красивых районов Южного Урала, где названия хребтов звучат как мелодия — Ирмель, Уреньга, Зюраткуль? Были, конечно, среди бегунов и те, кто не раз уже ходил по горам Южного Урала, но для основной массы участников это было именно открытие.

Да полно, скажет читающий эти строки — что там можно увидеть на бегу? Надо же смотреть под ноги, чтобы не споткнуться, на часы и пульсометр, чтобы держать нужный темп, на разметку, чтобы не сбиться с тропы? Но даже самые быстрые участники в своих рассказах не обошли молчанием то, что увидели во время пробега.

День первый, хребет Нургуш. 55 км, набор высоты 1230 метров.

Гора Большой Нургуш (1406 м) — высочайшая вершина Челябинской области. Красивейшее горно-

Фото Олега Чегодаева

И ради чего ты оставил свой дом — Отчаянья, ссадин и пота? Что могут увидеть глаза за горбом Последнего дальнего взлета?

(Владимир Ланцберг)

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Татьяна Хасанова

Путешественница с большим стажем. Участница пеших и лыжных походов высокой категории сложности. С 2008 года активно занялась горным бегом и пробежала несколько горных марафонов: Конжак и Ирмель. Призер первого этапа многодневки «ТрансУрал» в 2014 г.

тундровое плато площадью 9 км² тянется почти по всей протяженности хребта Нургули. Его название переводится с башкирского языка как «лучистая, сияющая птица», возможно, аборигены называли так Нургули за сверкающие на солнце белые кварцитовые гребни, а возможно, потому что часто жители видят ночью летающие огни неизвестной природы в районе этого хребта (из Википедии).

Суров оказался «батюшка Нургуш», отгородился от бегунов хлопаящим болотом, а тех, кто задержался на подъеме, встретил дождем и градом – но потом все-таки выпустил из-за туч солнышко, чтобы промокшие участники согрелись и порадовались окружающей красоте – альпийским лугам на хребте, сочной зелени лесов и сверкающим озерам внизу.

Подъем. Хребет. Ветер. Невероятный вид на лес и озеро. «По горам надо ходить, а не бегать!» – слышу я от кого-то из очень уставших участников. «Нет, – отвечаю я, – бежать». Раскинув руки, я бежала навстречу ветру. Я смеялась. Кто бы посмотрел со стороны – сумасшедшая. Но мы там все такие собрались!

Каждый ищет и находит свое, устраивая себе такие испытания. Я в движении познаю мир. Я впитываю его с эмоциями и переживаниями на трассе. Каждый камень, на который я залезла, каждая дорожка, по которой я пробежала, – это часть моего мира.

(Наталья Неццет, победительница первого и четвертого дня, Челябинск)

...На уровне границы леса достаю камеру и начинаю снимать спортсменов, взбирающихся вверх, на фоне озера Зюраткуль и горных хребтов. Проходим первую ступень горной тундры, выходим на вторую, вот уже и вершина, на которой сто-

ят контролеры... Внимание привлекает тьма, клубящаяся на севере, из ее чрева до нас раскатами грома. Туча идет прямо на вершину, и такой момент я упустить не могу, жду, когда мы окажемся в ее эпицентре. 15 минут, и потемневший мир ложится под натиском ураганного ветра, горизонтальные потоки дождя, адский танец молний вокруг нас и град размером с двухрублевую монету – все в один момент обрушивается на вершину. Волонтеры прячутся в палатку, зовут меня, но я остаюсь снаружи и снимаю людей, не знающих, куда укрыться от бури на плоскости вершины.

(Олег Чегодаев, бегущий фотограф, Уфа)

...И вот уже пошел подъем на вершину Нургули. Вокруг буйная зелень и разнообразные древесные грибы. Тропинка лезет круто вверх, народ переходит на шаг. Довольно быстро лес заканчивается, и открывается Нургули во всей своей красе: вытянутый, как хребет дракона, зеленый с серыми пропелинами на подъеме, полностью серый от курдумников и украшенный скальными гребешками вверху. В это время наползает неслабая такая грозовая туча и утробно погромыхивает. А вот и первые капельки закапали. Спасибо мудрым организаторам, обязавшим всех иметь с собой непромокаемую курточку с капюшоном! Пока достаю ее из рюкзака, дождь переходит в ливень, а через минуту – в град, хороший такой град, полноразмерный... Умные и осторожные люди собрались в кучку за большим камнем, побросав в отдельную кучку палки, в которые может «шарахнуть». У меня палок с собой нет и вообще я в этом месте фаталист – уж если суждено мне помереть от молнии, так она меня хоть где достанет.

(Татьяна Хасанова, Екатеринбург)

День второй, хребет Уреньга. 42 км, набор высоты 910 метров.

Погода в этот день благоприятствовала всем – даже тем, кто большую часть дистанции шел пешком. К сожалению, промежуточное контрольное время не позволяло остановиться на узком каменном хребтике и неспешно насладиться яркой, пронизывающей, дикой красотой Уреньги. Но ведь можно будет вернуться сюда потом – с палаткой, с друзьями, не спеша...

...Неожиданно легко для меня дается подъем по курдумнику. Открыв-

шие виды впечатляют, красота нереальная и погода замечательная. Очень понравился вид на Уреньге!

(Татьяна Трушнина, Челябинск)

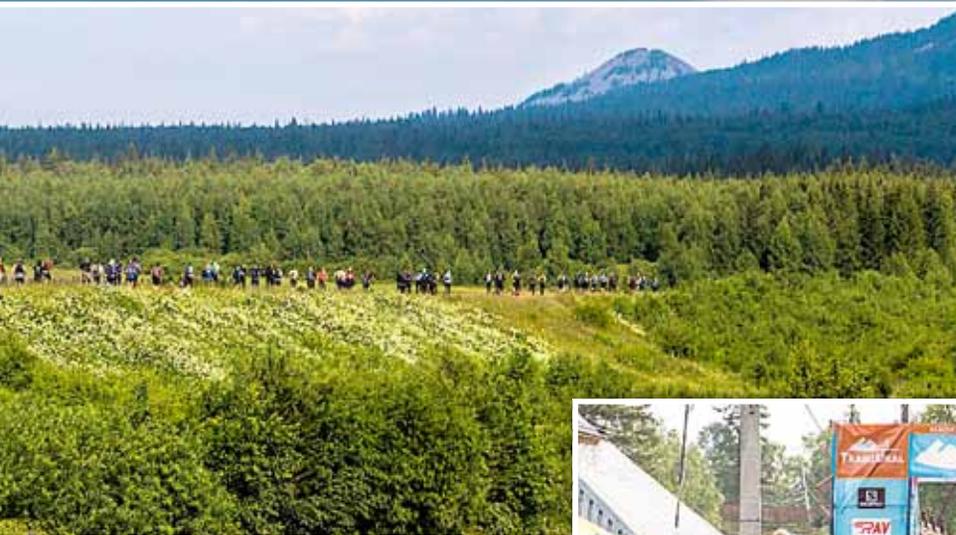
...На вчерашнем брифинге организаторы веселым тоном сообщили, что трасса первого дня – ерунда по сравнению с сегодняшней. Километру к восьмому, приближаясь к хребту, проползая на карачках вслед за разметкой, прямо сквозь плотно растущие низкорослые колючие деревья и цепляясь всеми выступающими частями за сучья (особо приятно было цепляться рюкзаком), стало ясно, что имелось в виду. Вертя головой по сторонам, двигаясь дальше... Как же красиво! Путь идет по вершине хребта. Слева и справа открываются потрясающие виды. Дух захватывает. Но останавливаться нельзя. С камня на камень. С камня на камень...

(Виталий Жиров, Екатеринбург)

...Наверх я более-менее вскарабкалась в общем темпе, а вот дальше предстояло четыре километра по разнообразному курдумнику. Вдали маячила вторая, тоже каменная, вершинка – нам туда. И дистанция проложена не где-нибудь там сбоку, а по самому гребню. А где не камни – там приходится проскребаться сквозь заросли невысокого, но частого и цеплючего леса, непрерывно следя за маркировкой, чтобы не потеряться. «В гостях у Бабы-Яги», – метко характеризует обстановку кто-то из участников... Эх, а какой пейзаж вокруг! С одной стороны, было жалко, что не взяла фотоаппарат и что нельзя остаться здесь подольше. С другой стороны, поджимало контрольное время и надо было шевелить конечностями...

(Татьяна Хасанова, Екатеринбург)

День третий. «Вертикальный километр», гора Большой Ирмель. 13+13 км, набор высоты 1020 метров.

Из-за того, что курумник стал мокрым и скользким, восхождение на одну из вершинок заменили «добавкой» на финише. Казалось бы, что может запомниться и обрадовать в такой день? И тем не менее...

Я никогда не получала от бега такого удовольствия, как в этот день! Интересная трасса, замечательные виды и невероятные ощущения! Утром лил дождь... На хребет опустился туман, и лес превратился в сказочный. Дорога, заросшая травой, темные деревья по краям, и все это ку-

И здесь погода сделала нам подарок. А условия забега – финиш на вершине, а на спуске надо только уложиться в шадящее контрольное время – позволили всем участникам постоять на вершине, любуясь окружающей красотой, неторопливо, с удовольствием пройти по освещенному солнцем, жизнеутверждающе зеленому предвершинному плато, восхититься чьими-то умелыми руками, которые поставили на тропе настоящие «избушки на курьих ножках» и деревянные скульптуры.

Погода прекрасная! Чувствуется атмосфера праздника! Отсчет хором!!! Старт! Бежим!.. Добираюсь до курумника! Вид замечательный! Облака нереально красивые! Яркие краски! Каждый день необычен и уникален! Цель – дойти!.. На вершине счастливая Катя, участница из Чехии. У нее третье место! Хотя ей дался

подъем тоже тяжело. Погода позволила нам полюбоваться красотами, немного побыть на вершине. Катерина в восторге от красоты, по ее лицу читается настоящее счастье. Она решила с другом пройти поход от Зюраткуля до Иремеля. Как раз есть еще неделя на все эти прелести!

(Татьяна Трушина, Челябинск)

День четвертый. Хребет Зюраткуль, 35 километров, набор высоты – 1020 метров.

В ночь перед стартом пошел дождь, и утром палаточный лагерь оглашался разнообразными высказываниями, которые здесь лучше не приводить.

пается в белом тумане. Бежишь и не знаешь, что там – впереди. А впереди ветви деревьев, осторожно выступающие из облака. Они совсем рядом, это их территория, но они не трогают, зная, что ты просто пробежишь мимо, не причинив им вреда... Резкий поворот налево, и мы оказываемся у подножия скал, пробегаем вдоль и снова выныриваем из зелени на дорогу. Потом снова резкий поворот, и на этот раз мы на песчаном карьере. На самой вершине и на самом краю. Я, видимо, с таким увлеченным и очарованным видом бежала впе-

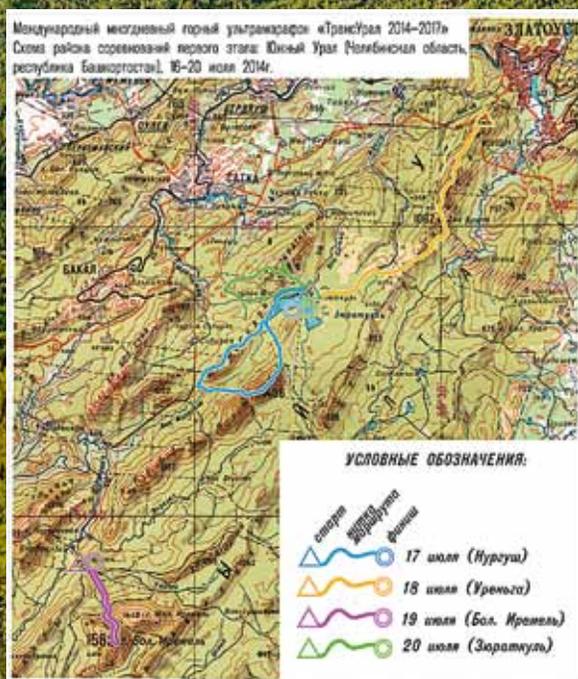
ред, к краю, что волонтер, который указывал дорогу, встал на моем пути и руками и словами указывал, что бежать надо налево по краю!) Да... если побегать прямо, то можно взлететь.

(Наталья Нецерет, победительница первого и четвертого дня, Челябинск)

И еще несколько впечатлений не о том, как «я бежал-бежал-бежал и прибежал», а об увиденном

вокруг во время этого замечательного и действительно уникального забега:

Я рада и благодарна за то, что за эти четыре дня нам, участникам, показали во всей красе лучшие места Южного Урала. Каждый новый день, несмотря на усталость, приносил новое ощущение вдохновения, вос-

хищения и наполнял гордостью за красоту родного края. Навсегда запомнится Нургули с неожиданным градом, сотки на Уреньге с удивительной тайгой и необходимостью быстро ориентироваться и передвигаться по курумнику, Большой Ирмель с возможностью отдохнуть на вершине под лучами согревающего солнца и приятным общением участников и, конечно же, хребет Зюраткуль, карьер Карелка.

(Елена Рахманкулова, серебряный призер, Челябинск)

Всегда приятно знакомиться с новыми местами нашей Родины. В рамках соревнований удалось охватить большой район Уральских гор. Это здорово! Каждый день новый маршрут со своими «приколюхами», новые горы, с которых открывались очень красивые панорамы, горные реки и озера. Погода добавляла драйва: то солнце, то грозы с градом, то бег в облаках. Особо стоит обратить внимание на грунт – здесь были и асфальт, и грунтовые, и гравийные дорожки, и заросшие альпийские луга, и ку-

румники, и лосиные тропы, и болота, и низкорослый ельник...

(Михаил Климов, Москва)

Так что и на бегу можно получить удовольствие не только от самого процесса, но и от окружающей природы. Чтобы потом, разглядывая фотографии, вспоминать, как было здорово на «первом ТрансУрале», а может быть, еще не раз вернуться в эти края, чтобы снова получить мощный заряд позитива, глядя на Южный Урал с высоты Нургуша или Ирмеля! **УС**

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

январь 2015

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ГЕННАДИЙ ЯДРИХИНСКИЙ
Звезды ждут героев

50

69 **Координаты чудес**

НИКОЛАЙ ЗАЙКОВ
Княжна-путешественница

69

Звезды ждут героев

Геннадий Ядрихинский

Родился в 1988 г. в бывшей Азербайджанской ССР, ныне Республике Азербайджан, в городе Сумгаит. Еще в младенчестве переехал с родителями в Беларусь, где проживает и сейчас. Работает в правоохранительных органах, заочно получает историческое образование. Публикаций пока не имел. Участвовал в некоторых сетевых конкурсах, иногда побеждал.

Что может дать один человек другому, кроме капли тепла. И что может быть больше этого...

Э.М. Ремарк

Корабли

Из щели между балками и криво расставленными листами фиброгласа показалась лысая голова. Тысячи листов сверхпрочного стекла отразили грязное лицо подростка, который бегло оглядел строительную площадку небоскреба. Вслед за первой из укрытия высунулась вторая голова. Мальчишка быстро поднес палец к губам и тихо шикнул на появившийся алый бант. Бант ответил коротким кивком.

Парень ловко вынырнул из-за железобетонных конструкций. Его гибкое худощавое тело в дешевой синтетической одежде скользнуло в тень нависавшего здания. Глаза привычно смерили мрак. Никого.

Подросток подал знак рукой той, что осталась за нагромождением стекла и камня. Стелась вдоль стройматериала, в направлении юноши двинулась тонкая фигура в легком платье из термоселка. Когда она достигла стен здания, сработали первые фотореле, строительную площадку залил светло-зеленый свет прожекторов. На стене здания нарисовался черный прямоугольник входного проема. Оставив позади блики бесконечно отраженного искусственного света и глупую охранную автоматику, подростки шагнули в разинутую пасть небоскреба.

В отзвуке неровного шага девочки мягкую кошачью поступь мальчишки услышать было почти невозможно. И парня пугало, что мягкий шелест гусениц охранного киберга услышать будет так же сложно. Не слишком приятная встреча — напороться сейчас на киберга с высокозарядным шокером. Нет, если не бежать, бить он, конечно, не станет — шокер в основном на случай нападения дроида, но кто говорил, что им на руку вместе с роботом дожидаться, пока явится патруль, которого уже давно не существует. Машине не объяснишь, что ее программа давно бесполезна.

Впрочем, они благополучно пересекли холл и достигли стальной вертикальной лестницы у дальней стены. Далее путь простирался вверх. Парень смело начал подъем. Девочка почти так же смело последовала за ним. Если бы не было так темно, то, пожалуй, она бы не согласилась.

Лезть пришлось долго, а защищали от падения лишь тонкие стальные обода вокруг лестницы, но мрак помещения скрывал расстояния.

Наверху мрак сменился полумраком. Из-за покатога угла напротив лился слабый поток уходящего дневного света. Парень решительно двинулся туда, уводя за собой девочку. Через полсотни шагов они вышли к конечной точке своего маршрута.

Сквозь огромные, от пола до потолка, неостекленные проемы окон на них смотрело вечернее розовеющее небо. Вернее его кусочек, волшебным образом выхваченный из частотола высотных зданий. Узкая дорожка чистого света. Здания, стоявшие на обочине этой дороги, светились металлическим блеском миллионов искаженных отражений. Солнце ускоренно скрывалось там, где яркая полоса света ставила черту между землей и небом, и бесконечные поля солнечных батарей поглощали энергию убегающей звезды. Мир стремительно падал в алюю краску, чтобы после раствориться в неоне ночного города.

— Это... это прекрасно...

Женя промолчал. Он поглядел на девочку и немного ей позавидовал. Он сам уже давно перестал замечать эти закаты и восходы.

— Дорога в небо! — воскликнула девочка, назвавшаяся Алисой.

— Так и есть. Там за горизонтом космос.

— Красиво...

— Всего-то светоотражающая способность поверхности стекла.

Девочка несколько обиженно отвела глаза от «дороги». Как можно было назвать это «светоотражающей способностью»?

Жека продолжал смотреть в сторону заходящего солнца. Его новой подруге было непонятно, думает он сейчас о космосе, любит играть светом или размышляет о том, где сегодня переночевать. Он шурился и что-то искал взглядом у черты недоступно далекого горизонта. Он повернулся, и Алиса прочитала в его глазах разочарование. Что-то огорчило ее нового знакомого в красках уходящего дня.

— Запустили зонд. Сегодня стартуют корабли, — пояснил он.

— Здорово! Мы их увидим?

— Да, конечно, но я рассчитывал на завтра. Я бы ответил тебя в лучшее место.

— А отсюда плохо?

— Хорошо, но не так.

Он сел на краю бездны горящих огней и свесил вниз ноги.

— Ты не боишься упасть? — спросила девочка, с опаской заглядывая вниз.

— Я боюсь упасть, но не сидеть на краю.

— Нет, я, пожалуй, сяду подальше, — произнесла Алиса и села на строительный блок в нескольких метрах от края.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она через некоторое время.

— Бывает. Работа такая.

— Ты уже работаешь? — с неподдельным удивлением поинтересовалась девочка.

— А ты, что, думаешь, что я из приюта?

— А разве нет?

— Странная ты. Ты вообще не боишься, что я сделаю с тобой что-нибудь?

— Что?

— Ну, черт возьми, то, что делают плохие парни в темных местах с молодыми девушками.

— Что-то плохое?

— Да, подумай, что потенциально могло бы с тобой произойти, если бы на моем месте оказался какой-нибудь из уличных отморожков.

— Меня могли убить?

— Ой ли?

— Нет?

— Ты что, телик никогда не смотришь?

— У меня специальная выделенная линия, ограничивающая жестокость.

— Все ясно...

— Что?

Женя безнадежно вздохнул. И откуда она только взялась?

— Забудь.

Девочка лишь пожалала плечами.

— Ладно. А где ты работаешь?

— Здесь.

— А что...

Жека повернулся и в упор посмотрел на Алису, отчего та передумала задавать вопросы. Она опустила глаза и увидела испачканную ткань своего любимого платья. Если отец заметит...

— Мне попадет, если узнают, где я была, — произнесла она.

— Есть доля вероятности, что случится именно так.

— Около сорока процентов...

— Откуда такая точность?

— Это вероятность умереть ночью на улицах в этом районе города.

— Ага, значит, все-таки смотришь новости?

— Мне нужно было знать, на что я иду.

— Тебе сорок процентов показали достаточным риском, чтобы посмотреть на закат?

— Плата за чудеса всегда велика.

Алиса неотрывно смотрела на небо. Восторг первых мгновений утих, но чудеса не приедаются.

— Ты веришь в чудеса? — спросил парень.

— Бывает. Работа такая.

— И много платят? — не преминул съязвить Женья.

— Да.

Женья искренне позавидовал. Оплачиваемая работа, в конце концов.

Небо озарили сиреневые всполохи. Горизонт залило zároveň ослепительной яркости. От края до края видимого небосклона пробегали радужные кольца. И внезапно в ярком снопе красок ввысь стремительно врезалась черная дуга.

— Межзвездный, — прошептал Жека.

Угольно-черная дуга разошлась едва заметным серым туманом, а небо все взрывалось и взрывалось огненно-яркими красками.

— Обновляется взлетный туннель, — пояснил Женья.

— Я знаю.

Мальчишка не показал ни тени удивления, лишь произнес:

— Сейчас будут стартовать межпланетники...

В тот же момент небо прошли тонкие бледно-голубые иглы стартующих кораблей. Среди них иногда появлялись более грубые бордовые полосы, оставляющие после себя мерцающие огни.

— Рейсовики. Всегда красиво уходят.

— У старых грузовых кораблей часто расшатана система связи с туннелем.

— А я думал, в топливо добавляют нитроглицерин.

— Конечно, нет, — возмущенно произнесла Алиса.

— Это была шутка, — вздохнул Женья. — В бункере уже не шутят?

— Шутят. Не так.

Небо продолжало рябить от стартующих кораблей.

— Спасибо, — произнесла Алиса.

Женья плонул вниз и проследил, как белая точка ушла в бездну.

— Все, что я делаю, имеет смысл и цену. Благодарности излишни.

Алиса промолчала. Откуда-то издали донесся глухой хлопок и чей-то возмущенный окрик. После затихающий звук тяжелых шагов и грубая ругань.

— Кибер, — снова пояснил Женья.

Алиса прислушалась. В сумраке внешнего города шла своя внутренняя жизнь, игра, правила которой были ей не знакомы. Этот контраст заветной пляски света взлетающих кораблей и чуждых грубых звуков смущал. Не было слышно воя стартовых дюз. Защитный экран вокруг космодрома не пропускал звуки. Но слышались другие, более близкие и неприятные.

Между тем, неторопливо небо стало успокаиваться, приобретать свой нормальный желтый ночной оттенок.

— Женья?

— А?

— Ты никогда не хотел стать пилотом?

— Не знаю. Наверное, хотел... когда-то в детстве.

— А сейчас?

— Чтобы стать пилотом, надо учиться. А у меня денег на то нет.

— А я, когда вырасту, обязательно стану пилотом.

— Тебе не разрешат.

— Почему же?

— По состоянию здоровья.

— Но я здорова!

— Нет, у тебя редкая болезнь крови. Ты скоро умрешь.

— Что ты говоришь?!

— Я читаю болезни. У меня редкая мутация.

— Это неправда! Они сказали, просто нехватка витаминов!

- А ты что, поверила?
- Но...
- Доктора всегда врут.

Алиса встала, открыла рот, но не нашла, что сказать. Жека обернулся. Наконец она спросила:

- Ты что, параспих?
- Нас и так называют.
- И то, что ты говоришь, правда?
- Я не ошибаюсь.

В голове у Алисы проносился рой каких-то бессвязных мыслей. Вспомнился вчерашний разговор с доктором, и дорогая клиника на прошлой неделе, и глаза отца... Мозаика собиралась и, когда, наконец, собралась, она бросила пустой взгляд на темный силуэт на фоне потухающего неба и пошла прочь.

— Не уходи! Сейчас будут еще запуски... — окликнул ее Жека.

Небо и в самом деле озарили новые вспышки.

— Какая разница...

Она повернулась и заспешила туда, где всполохи взлетающих кораблей тонули во мраке железобетонных стен.

Киберы

Некоторое время они молча стояли друг напротив друга. Потом Алиса произнесла:

- Покажешь мне еще раз то небо?
- Того неба уже нет. Будет другое.

Она опустила взгляд. Почему-то ей было неловко глядеть ему в глаза.

Прошла неделя. Раньше ей понадобилось бы больше, чтобы снова решиться на это. Однако то, что стало теперь ей известно, меняло все. Но сегодня у нее было не самое плохое настроение и она решила не вспоминать о своем недуге.

- Ты долго ждал меня? — спросила она.
- Да нет, я же параспих.
- А, ну да... — ее романтический настрой несколько поубавился.

— Пошли?

Не дожидаясь согласия, он повернулся к ней спиной и мерно зашагал.

- Почему ты не сказал, что ты... такой... раньше? — спросила она, глядя ему в спину.
- В этом была необходимость?

— Я могу попросить, чтобы тебя перевели во внутренний город.

— В бункер? Зачем? Это лишние неприятности и тебе и мне.

— Такие как вы всегда нужны.

— Да, я знаю. Это вы нам совсем ни к чему, а вы в нас всегда нуждались.

Дождь лил несколько дней подряд, и на улицах не просыхали лужи. Впрочем, Жека обещал чистое небо. Если он тот, за кого себя выдает, то можно не сомневаться, что так оно и будет.

Через четверть часа они вышли к движущемуся тротуару, одному из последних во внешнем городе. Бегущая дорожка пробегала через центр города, и тут было более всего опасно. В центре располагались в основном недостроенные или просто заброшенные небоскребы, куда после чумной эпохи уже было некому возвращаться. Здесь жили изгои — по большому счету больше бандиты, чем больные. Но здесь были самые высокие здания.

Жека хорошо знал город или просто чувствовал опасность, но всех прохожих им удавалось обходить стороной. В конце концов, они остановились у одного из недостроенных небоскребов. Их здесь было много, когда-то правительство собиралось перестроить весь центр города.

Охраны не было, и они вошли. Внутренняя отделка здания была вполне не дурна. Если бы не осознание того, что они во внешнем городе, Алиса подумала бы, что это холл одного из супермаркетов. Под высоким куполом приглушенно светили лампы слабо запасенным за дождливый день светом.

— Что здесь должно было быть? — спросила Алиса.

— Какое теперь это имеет значение...

Внезапно пол под их ногами засветился ровным зеленым светом.

— Светоидный пол! — изумленно воскликнула Алиса.

— Вот невидаль! Сейчас прикатит кибер. Бежим!

И они побежали по светоотдающему полотну холла.

Замороженная стройка. В принципе, ничто не выдавало того, что это мертвая стройка. Здесь нечему ветшать, нечему крошиться и приходить в негодность — технологии позволяют простоять недостроенному каркасу не один век. Роботы-уборщики усердно вытирают пыль со сверхпрочных материалов исполина.

Но запустение ощущалось. Охранных киберов еще не отключили, но, кажется, забыли про них. Или просто у хозяев не осталось денег даже на их обслуживание. Впрочем, что более вероятно, не осталось и самих хозяев.

Роботы. Осевшие грудой металла, в коридорах стояли их некогда грозные силуэты. Впрочем, Алисе даже мертвые киберы не казались безопасными. Она поделилась своими опасениями с Женей.

— А они и не мертвые. Погляди, — произнес он, останавливаясь возле одного. — Видишь его глаза?

Женя отвел луч фонаря в сторону от металлического корпуса сторожа.

— Глаза? — Алиса заглянула в фотоэлементы машины.

В глубине зрительной структуры робота едва заметно мерцали алые всполохи.

— Осторожно! — Женя отдернул Алису от кибера. — Он в режиме энергосбережения. На этом месте его батареи сели, но, даю гарантию, он сохранил немного для последнего разряда. Оперативная память питается от отдельного аккумулятора. Его хватит на годы. Он еще смотрит, и, скорее всего, передает. Сейчас сюда сбегутся те, что еще немного двигаются. Пойдем отсюда.

— Они передадут властям!

— Каким? Всем плевать, что мы здесь. Мало ли бродяг во внешнем городе?

Коридор воткнулся в пустую шахту лифта. Сам лифт установить здесь так и не успели. Пришлось лезть по небольшим металлическим скобам, вмонтированным в стену шахты. Взбираться пришлось лишь один пролет, Жека посчитал это слишком опасным. После недолгих поисков они нашли нормальную лестницу, по которой поднялись на самую крышу.

Здание было относительно невысоким, но Алиса на такой высоте была впервые. Сильный ветер пробирал до костей. Одета для стандартной температуры внутреннего города, Алиса поежилась от холода и присела на кирпичную кладку, вдали от края здания.

Женя подал ей свою куртку.

— Простудишься.

— Ха, смешно.

Женя мысленно к ней прикоснулся. Его обжог удар непереносимо чуждого льда.

— Это вирус? — спросил он.

— Нет. Редкая форма рака.

— Но рак же лечат.

— Наш, не их.

— Но...

— Зачем ты меня спрашиваешь? Ты же сам все прекрасно знаешь.

Он промолчал.

— Они меня убьют.

— Не обязательно.

Алиса закрыла лицо ладонями и уткнулась головой в колени. Она плакала.

— Извини, я не это хотел сказать. Я имею в виду, что еще не конец. Я парапсих, я вижу.

Он неловко положил ей руку на плечо. Она подняла голову.

— Ты всегда говоришь правду?

— Нет.

— Ты говорил, что доктора врут. Чем же ты лучше их?

— Я могу дать надежду.

— Какую?

— Я могу убивать болезни.

— Ерунда. Некоторые из вас могут лишь притуплять боль.

— Я могу большее. Вчера я оживил дохлого таракана.

— Я что, похожа на таракана?

— Ну, однажды я оживил еще и бабочку. И, в конце концов, может, они ошиблись с диагнозом?

Ей хотелось ему поверить, но они оба знали, что это неправда.

— Ты лишь изгой, который решил заработать на больной девочке.

— Пусть так. Но я знаю, что тебе со мной лучше, чем в бункере. Парапсихи чувствуют чужие страхи...

— Чего боюсь я? — вдруг спросила она.

— Того, что когда-нибудь изменишься.

— Правда.

В глубине пустого здания гулял ветер и пел что-то невеселое.

— Отвратная погода, — произнесла Алиса.

— Осень, однако.

Мимо прополз робот-уборщик. На мгновение он остановился возле них, оценил своими датчиками и отправил-

ся дальше. Алиса пожалела машину. Она готова годами бесшумно перемещаться по коридорам никому ненужного здания, выполняя уже бесполезную запрограммированную задачу.

Ветер дул все жестче. Небо оставалось свинцово-серым.

— Закат когда-нибудь будет?

— Будет.

— А корабли?

— И корабли.

— И звезды на небе зажгут?

— Нет, не зажгут.

— Почему?

— Я сегодня занят.

Алиса натянуто улыбнулась.

— Я обманываю тебя. Мне с тобой и в самом деле лучше.

— Тогда приходи еще. Я зажгу для тебя пару звезд.

— Кому они теперь нужны?

Город

В третий раз убежать из бункера было уже не страшно. Все, о чем говорили, на поверку оказалось не таким ужасным. Более пугало то, что ее переводят вглубь города.

Конечно же, отец желал для нее только лучшего, скрыл от комиссии настоящий ее эпикриз, перевел в другой сектор города. Иначе Алису поместили бы под усиленный карантин, а возможно, и разделали бы на запчасти для дроида какой-нибудь опасной сверхпороговой планеты. Но для нее это ничего не меняло, лишь отсрочивало конец игры.

Был теплый субботний вечер, возможно, последний в этом году. Из ее группы никто не мог его видеть, а она могла прочувствовать всю его прелесть, всю прелесть свободы. И пусть ее обнаружат за тем, как она, возвращаясь назад, будет пробираться старыми заброшенными шахтами, минуя карантинный контроль. Ей было безразлично. У нее был целый осенний вечер. Она наслаждалась этой властью.

Город, казалось, был мертв. По пустым улицам некогда могучего мегаполиса ветер гонял обрывки бумаг. Но город жил, шептал на ухо своей полужизнью. И не было в нем ни силы, ни гордости, а была только надежда на скорую гибель. И эта надежда жила в каждом его обитателе.

Существовал и другой город, тот, который желал выжить, тот, что смеялся в лицо всем болезням. Когда возник-

ла опасность, он ушел под землю, и тысячи людей сейчас там работают, учатся, любят, живут и умирают. Они уже давно привыкли к мертвому отфильтрованному воздуху, но мерно тянут свою лямку в надежде, что что-то изменится. Межзвездные крейсера постоянно прошивают космос, связывая планеты паутиной межзвездных трасс, но ничего не меняется.

Внезапный порыв ветра заставил втянуть голову в воротник, сухая дорожная пыль взметнулась в воздух и вихрем пронеслась мимо. К лицу приклеился прилетевший из дальних мест листик. Алиса взяла его в руку, это был безрезвый лист, маленький желтый странник, гонимый ветром.

— Провалилась крыша старой оранжереи, — произнес появившийся из ниоткуда Женя.

— Привет, — она спрятала листик в карман. — Пойдем сегодня туда?

— Ты хочешь туда? Деревья — переносчики многих болезней.

— Ты боишься?

— Конечно, нет, — фыркнул Женя.

Они двинулись в путь, прошли район приоттов и вышли на главную улицу города. Здесь еще было достаточно много людей. Это, само собой, вовсе не означало, что тут была жизнь. Скорее, сюда приходили умирать. И то, что они шли по центральной улице, гарантировало им относительную безопасность. Редкий дурак рискнул бы нарваться на двоих, идущих в самом заражном месте города. Кто знал, набор каких болезней они несут?

Жека полагался на свои ощущения. По слухам воздушно-капельные болезни уничтожили, но он старался избегать тех, что еще двигались на своих двоих. Лучше уж идти вдоль шевелящихся зеленых масс — не то еще людей, не то уже инопланетных грибов-паразитов. Каждый день прилетают «Шмели», которые чистят район, но от этого ничего не меняется.

Женя посмотрел на Алису. Ей становилось плохо от вида полуразложившихся людей. Он еще не понимал, зачем он возится с этой наивной девчонкой, но как парасих не мог ей не помочь. Почти механически он мысленно дотронулся до нее. Если выразить словами то, что он сделал, то он просто пожелал ей здоровья. Хотя чего еще мог пожелать парасих? Разве что смерти.

— Им нельзя помочь, — произнес он, почувствовав мысль Алисы.

Своей рукой он взял ее руку и не отпускал, пока они не вышли в другой квартал.

Спустя четверть часа они добрались до широкого приземистого здания, в котором располагался бывший музей естествознания. На верхнем этаже была оранжерея, где когда-то до чумы были высажены растения со всех уголков исследованной вселенной.

Через разбитые стеклянные двери они вошли в холл здания. Наверное, еще с тех пор, как объявили эвакуацию, здесь моргала красная лампа, предупреждая об опасности, которая, в общем-то, сохранялась по настоящее время.

Здесь еще работали лифты — существовало резервное питание от солнечных батарей, но Жека предпочел им обычную лестницу. Неизвестно было, сколько осталось тех батарей в исправном состоянии. Если они застрянут в лифте, никто их доставать не будет и город улыбнется усталой улыбкой, записав на свой счет еще двоих покойников.

Перила лестницы, по которой они поднимались, были покрыты сантиметровым слоем пыли. Киберов не было. Видимо, на службе в музее раньше находились настоящие люди. Здесь все было настоящим. И все потому казалось старым, забытым, ненужным. Печать смерти была наложена даже на предметы — они уже не почувствуют тепла человеческих рук.

Путь на верхний этаж был разрушен, несколько лестничных пролетов обрушилось. Пришлось идти другой дорогой. Они проходили экспозицией птиц. Повисшие на перекосившихся нитях, как марионетки, они мертво застыли за стеклом. Жизни не было ни в чем, и лишь какая-то отстраненность ощущалась за границей стекла.

Чтобы подняться к оранжерее, пришлось воспользоваться пожарной лестницей. Металлические ступени вывели на крышу. В ее центре зияла дыра, обнажая маленький осенний лес. Некоторые верхушки деревьев этого леса уже поднимались выше уровня крыши. Они подошли ближе. Осыпавшееся стекло, которое раньше закрывало оранжерею, скрыла листва, и лишь огромным пауком над ней нависала несущая конструкция из тонких перекладин.

По вскрытым венам водопроводной системы они спустились вниз.

Алиса огляделась. Тут все было иначе. Гуляющий по крыше ветер не стих, но несколько угас. Изредка он оживал и, поднимая в воздух разноцветные хлопья опавших листьев, осыпал землю пестрым дождем. И везде в этом лесу жило какое-то неуловимое движение. Стволы могучих древ уходили ввысь и там обеспокоенно качали своими полуобнаженными кронами, о чем-то своим шептались листья, устилавшие кровом землю. Чувствовался их незнакомый запах, запах подгнившей сырости.

Во внутреннем городе такого не допускают. Листья убирают, ветер заменяют вентиляцией. Полуужизнь. Альтернатива полусмерти.

— Осторожно, — предостерег Жека, — не поскользлись.

Он раскидал листья и обнажил искрящиеся элементы мозаики, которой не суждено никогда быть собранной. Каждый осколок — хранитель опасного заболевания, неподвижный мертвый убийца.

Алиса и сама слышала, как под листьями неприятно скрежетали осколки стекол упавшей кровли. Она подошла к наклоненному стволу мутированной ивы и села на гладкий бледно-голубой ствол. Дерево оказалось вопреки ожиданиям теплым и немного шершавым на ощупь. Оно не умирало, оно приспосабливалось к новым условиям. Алиса улыбнулась уголками глаз. Если бы люди могли приспосабливаться точно так же, как растения.

Жека скептически покачал головой, глядя на то, как Алиса беззаботно гладит ствол инфицированного дерева голой ладонью. В его памяти еще жили картинки недавнего прошлого. Но он не чувствовал явной опасности со стороны растений, находящихся поблизости, и мысленно махнул рукой. Вслух он произнес:

— Возможно, через несколько лет они выйдут на улицы.

— Возможно, через несколько лет не останется улиц, — произнесла в ответ Алиса.

Жека пожал плечами.

Алиса развивала мысль:

— Учитывая настоящее положение дел, пожалуй, скоро введут полный карантин. Город зарастет травой и деревьями. В нерушимых небоскребах будут жить инопланетные паразиты и мутированные люди, сумевшие приспособиться, — такие как ты. А город утонет в лесе оранжевых тополей и фиолетовых березок. — Она выдержала паузу. — Ты бывал когда-нибудь в лесу?

— Да.
 — Вне города?
 — Само собой.
 — А я никогда не видела настоящего леса. И вне города не бывала. Как там?

— Маленькие дома, везде растут деревья. Небо у них красивое. Днем лазурное, а ночью звездное. Воздух чистый, и на языке не остается привкус.

— А животных ты видел?
 — Ага, в зоопарке! Животные просто так у дороги не сидят. Они прячутся.
 — Ты думаешь, они еще остались?
 — Думаю, да. Они гораздо гибче нас.

Жека плюнул на осторожности и растянулся на листве. Он заложил руки за голову и устремил взгляд в бледно-голубое небо. Позади остался спокойный тон засыпающих деревьев, тихое дыхание умирающего города, две легкие незначительные фигуры — его и ее. Сознание Жеки уходило все выше в небо, и с каждым новым метром его самоконтроль терял силу. В поле зрения оставалось все меньше фигурок, за которые можно было уцепиться, опереться, а когда остался лишь слабый фон всего города, серые облака полностью рассеяли выпущенный им щуп и отбросили обратно на сырую листву.

Ему еще ни разу не удавалось дотянуться до звезд. Жека знал, что без специального оборудования этого нельзя сделать даже теоретически. Лишь мощные передатчики могли протыкать пространство в определенных точках так, чтобы мыслеволны достигали точно настроенных приемников.

— Знаешь, наверное, я больше не приду, — произнесла Алиса.
 — Почему?
 — Меня переводят в другой сектор.
 — Да ну? Неуж-то лечить решили?
 — Отец решил меня спрятать.
 — Ну что ж, твой отец — не дурак, хотя и, скорее всего, медик. Зачем он это делает? Я склонен полагать, потому что он тебя любит. Я рад за тебя.

Алиса молча выслушала ироничную тираду Жеки.

— Какая у тебя обида на них? — спросила она, когда он умолк.

— Они забрали у меня маму.

— Извини...
 — Это было давно.

Алиса смущенно опустила взгляд. А Жека продолжал:

— Она заболела, когда мне было четыре. Тогда еще лечили инопланетные вирусы. Ту заразу, что прицепилась к маме, называли изумрудной чумой. Это оттого, что больные принимали после смерти зеленый оттенок. Ее можно было вылечить, но это стоило таких денег... Ее использовали на строймат для дроидов или на какие-то исследования... А все доктора при этом говорили, что она поправляется...

Жека умолк. Он поднялся и сложил руки на коленях. Алиса подумала, что сейчас, наверное, нужно что-то сказать. Сказать что-то доброе, утешающее. Но на ум ничего не приходило, и она решила, что лучше всего промолчать.

— Знаешь, врачи раньше давали специальную клятву, — каким-то слишком серьезным недетским голосом продолжил Жека. — Они клялись, что ни при каких обстоятельствах не повредят больному. Это уже потом они перерешили, что гуманно, а что нет. А тогда врачи лечили, а не заседали в правительстве. Это было еще в дозвездную эру. Говорят, тогда умирали от гриппа, но врачи не решали, кому жить, а кому нет. Некоторые люди еще умели думать.

— Тебя за это исключили из программы? За то, что думал? — не удержалась Алиса.

— Исключили? Это так называется? Нет, меня не исключали, из бункера я ушел сам. Не хочу, чтобы меня учили палачи.

— Зря ты так. Мы обязаны им своим существованием.

— А те, кого с нами нет?

— И они...

— Ты ведь сама все понимаешь. И понимаешь, что если болезнь усилится, тебя... исключат. Почему ты их защищаешь?

— Когда никто не мог нам помочь, пришли на помощь они.

— Это их работа!

— А работа технарей была в том, чтобы каждый межзвездный корабль прошел дезинфекцию!

— Не в этом дело. Просто опасность давно миновала, а мы живем по каким-то диким законам военного времени. Это в чумную эпоху можно было без разбора ссылать лю-

дей на карантинную планету, где они гнили заживо. Хотя можно ли?..

— Не было такой планеты. Это сказка, которую рассказывают непослушным детям.

— Сказка то, что все считают это сказкой. Эта планета и поныне где-то существует, только там не осталось людей, теперь это лишь заповедник всех возможных болезней вселенной. Ну ладно, тогда это было необходимо. Но сейчас же все иначе. Так почему при намеке на чуждую инфекцию — смерть, ненормальная болезнь — тело на детали? Они скоро разучатся лечить!

— Они это делают во благо живых, а не таких, как мы...

— А мы, что, полуживые? Или полумертвые?

— Не люди.

— Мы люди! Больные, покалеченные, но люди.

— Тебе так кажется. Там никто так не рассуждает — как ты, как я.

— Где там?

— Там, — Алиса неопределенно махнула рукой, — в бункере.

— Ну и иди в свой бункер, скрывай свою болезнь, делай вид, что такая, как все.

И она повернулась и пошла. Он не стал с ней прощаться. Во внешнем городе не прощаются. Он знал, что она еще вернется. Жека пожелал ей на дорогу удачи и здоровья.

Он нырнул сознанием в листву, проскользнул сквозь тонкий слой земли, протиснулся через металл. Здание шептало и плакало. Бесконечный, полный боли и мучений стон. Печаль здесь въелась в стены, а время застыло, как насекомые в древесной смоле.

Жека поспешил оставить позади стены музея. Убегая, он, неожиданно для себя, вынырнул где-то высоко над городом. Над умирающим гигантом, жалким и беспомощным. Жека попробовал найти сердце этого поверженно-го титана. Его не было — ни во внешнем, ни во внутреннем городе. И больше всего напоминал он одного из тех старых киберов, что по заданной программе выполняют приказ, не способные ни принять смерть, ни выполнить исходную задачу.

Этот город не был жив. Этот город не был мертв. Этот город...

Жека решил, что город тут вовсе ни при чем.

Камни

Они встречались почти каждый день уже в течение месяца. Дни становились короче, а вечера длиннее. И каждый вечер становился праздником. После перевода в другой сектор уходить из внутреннего города стало, конечно, немного сложнее, но это того стоило. В мертвом городе оказалось куда больше жизни, чем в живом. Теперь уже новый день никогда не казался продолжением прошедшего.

Каждый день Алиса отодвигала в сторону дверь с покосившейся табличкой «Карантин. Смертельно опасно». И чем более опасными теперь становились их прогулки, тем более интересными. День ото дня происходило что-то новое, что никогда бы не вошло в расчетный порядок жизни бункера.

В их встречах прослеживалась лишь одна закономерность. К концу дня они обязательно смотрели, как в лучах заката уходят в космос звездные крейсера.

— Сколько человек может перенести каждый из них? — спросил Жека.

— Около сотни.

— Почему же они не эвакуируют нас?

— Что, всех?

— Ну не всех, тех, кому противно.

— Всем противно. И все терпят.

— Они не терпят, они привыкают. Человек быстро ко всему привыкает.

Алиса подумала, что, возможно, он и прав. Это ей совсем не понравилась.

— Когда-нибудь мы улетим, — произнесла она.

— На других звездах свои проблемы.

— Там лучше. Я это чувствую.

— А я не чувствую. Я вообще не слышу звезд! Иногда мне кажется, что их вообще нет. Есть только этот город, эта планета и все. Все остальное нам только кажется.

— Разве ты не слышишь, как дышат звезды? Как они шепчутся? Они зовут нас.

— Глупая романтика.

— Ты... Ты мертвый!

— А ты живая? Ты когда-нибудь слышала, как поет весенний ручей на камнях?

Она опустила глаза. Он тоже.

— Ты строишь слишком большой корабль. Ему никогда не уйти в небо, — тихо произнес он.

— Пусть. Нет другой надежды, кроме мечты. Жека молчал. У него тоже была мечта.

Алиса почти беззвучно перебирала губами:

— Я почти вижу их. Чувствую, когда им радостно и когда больно. Каждая звезда здороваётся со мной по-своему. Тебе кажется, что я дура?

— Нет. Мне кажется, что ты — параспих, — ответил Жека. — И даже сильнее, чем я. Специфика у тебя иная. Не для города.

— И какая?

— Дальний контакт.

— Правильно.

— Почему тебя не отобрали в спецгруппу?

— Я хочу стать пилотом, а контакт привязывает меня к людям. Без них моей силы нет.

Жека вспомнил, как сам иногда пытался оторваться от города.

— Ты мне нравишься, — произнес он.

— Что?

— Все в бункере хотят быть либо медиками, либо спецами-параспихами. А ты мечтаешь стать пилотом. Ты — другая.

— А о чем мечтаешь ты?

— Я хочу стать человеком.

Она подняла глаза.

— Такие параспихи, как я — уже не люди, — пояснил Жека. — Мы ощущаем чужие эмоции, переживания, боль, все чувства находящихся рядом. С этим невозможно жить. Особенно здесь.

— Я тоже все это ощущаю. Наверное, не так сильно...

— Ты не можешь им помочь, и потому на тебе нет ответственности. А я могу.

— Когда мы вырастем, мы что-нибудь придумаем. Все изменится.

— Невозможно что-то изменить. Мы хотим что-то менять, пока еще дети.

— Так считают взрослые.

Жека пожал плечами.

— Считай тогда меня взрослым, — произнес он. — Быстрота, с которой мы забываем, удивительна. Вспомнишь ли ты свои слова через год?

— Да.

— Хм, а вспомнит ли кто-нибудь тебя через год? Никто. Умри сейчас, и завтра тебя забудут.

— Неправда.

— Правда. Просто я не заглядываю в такое далекое будущее, как завтра. Жить и мечтать в этом мире, по меньшей мере, глупо.

— Ну, что ж, существование — тоже форма жизни... Жека немного удивился. Он никогда не ставил разницы между этими понятиями.

Как село солнце в этот день, они не заметили, оно упало за горизонт под прикрытием темно-серых осенних облаков. Защитный экран космодрома пару раз сверкнул ракетоносителями мелких спутников. Ночь мягко распылила по городу полумрак и прохладу.

— Алиса, что-то произошло? — вдруг спросил Жека.

— Нет, — вздрогнула она.

— Не обманывай меня.

Она опустила голову.

— В нашей новой группе есть мальчик... У него такая же болезнь, как у меня. Его положили в стационар. Сегодня я слышала, как доктор говорил с моим отцом и сказал, что если терапия не поможет, он будет вынужден отослать в центр соответствующую директиву.

— Мертвых лечить проще, — криво усмехнулся Жека.

— Я обещала ему помочь.

— Как?

— Еще не знаю.

— Забудь, он уже мертв.

К горлу Алисы подкатил тяжелый ком. Она резко встала, в глазах замельтешили серые точки.

— Мне пора, — сказала она, уходя в темноту.

— Поверь, это того не стоит, — кинул он ей вслед. Она обернулась:

— Ты — камень!

— Постоянно ощущая чужую боль, приходится быть камнем.

Она помолчала, ей совсем не хотелось его обидеть. Просто все было так просто и так жестоко.

Алиса произнесла:

— Даже камни бывают теплыми.

— Когда вокруг тепло, отчего ж им не быть такими?

А когда холодно, они не таят в себе чужое тепло.

Зверь

В тот день выпал первый снег. Мокрый и липкий.

Середина ноября — самая отвратная погода. Зимы еще нет, но и осени уже конец. Слякоть и противная холодная морось вызывают хандру и насморк. В такую погоду даже бродячие псы не высовывают носа наружу и прячутся в серых промозглых небоскребах.

Женя сидел на краю полукилометровой пропасти, свесив ноги за парапет, качал ими, как в прошлый раз качала она, и думал, что Алиса не придет.

В лицо снегом и холодом бил жесткий ветер. Каждый день эти двое поднимались все выше, будто это могло их приблизить к звездам. Это было по-детски глупо. Глупо и опасно. А погода с каждым днем все портилась и портилась.

Ну какие, к черту, сегодня запуски, не говоря о том, что заката не видно уже две недели и по всему только далекий март сможет разорвать тяжелую завесу грязно-серых облаков.

Ее приближение он ощутил издалека, как бездомный голодный пес издалека чувствует запах пищи. Сквозь бетон и железо он потянулся к ней. Для Жени ее силуэт светился голубыми и серебряными льдинками инея. Почти любую болезнь он воспринимал как жар, и потому холод его привлекал, притягивал, как бабочку огонь.

Женя знал, что этот холод однажды его сожжет. Он спешил растопить этот лед. Впервые он боялся просто забрать чужую болезнь. И от своей трусости ему становилось стыдно.

Он не стал ее ждать и спустился вниз. Сегодня наверху делать нечего, а ей и без того холодно.

Жека, нервничая, всматривался в снежный туман, и девочка, наконец, как цветок расцвела среди серой уличной блеклости. Яркая пестрая курточка ударила взрывом света по бесцветной тишине красок мертвой улицы.

Алиса подошла и сняла с рук мягкие пуховые варежки.

— Ты опять знал, что я приду? — шурясь от сыпшопшей мороси, спросила она.

— Ожидать можно чего угодно, знать наперед — ничего.

— Ха! Философ...

Он смерил ее насмешливо-серьезным взглядом. Она улыбнулась.

Снег становился колочим, сыпал мельче и мельче, пока окончательно не превратился в дождь. Мир Жени и Алисы стал похож на рисунок акварелью, на который нечаянно разлили стакан воды. Только красок было две: серая и цвета асфальта.

— Даже не знаю, зачем ты пришла.

— Неужели всему, что мы делаем, всегда надо искать объяснение? Женька, мне так страшно. Владу становится все хуже. Мне кажется, он...

Она не смогла договорить и уткнулась лицом в его плечо.

— Но лекарства...

— Лекарства?! Ты знаешь, что это за лекарства? Это не совсем лекарства. То есть это совсем не лекарства! Они просто маскируют болезнь под обычную простуду.

Женя не нашелся, что ответить.

— И если ты убиваешь мою боль, то у него лишь есть надежда подвергнуться безболезненной эвтаназии.

Он продолжал ее слушать, и на подсознательном уровне его стала наполнять неприятная едкая злость. Ему захотелось прекратить этот разговор.

— Пойдем. Здесь холодно.

Алиса отстранилась, и они пошли в никуда.

На асфальт тончайшим стеклом лег лед. Тихим хрустом он фиксировал шаги подростков. Серый проспект спал. Из тела города угрюмо торчали кирпичи домов. Между зданий ветер тянул бесконечный блюзовый мотив.

И внезапно этот же ветер принес совершенно неуместный тонкий звук.

Они остановились. В то же мгновение город будто устыдился, что кто-то нарушил его мрачную осеннюю симфонию и снова завыл низким гулом ветра и дребезжанием витражей. Но звук повторился. Есть вещи, которые не нужно объяснять. Все делается сходу, становится ясно с одного взгляда. И они побежали туда, откуда раздавался жалобный крик.

Они оказались в узком проулке меж зданий. Здесь строгая графика городской архитектуры потерялась в нелепых надстройках времени и обветшалости. Мусорные баки, несколько автомобилей, превратившихся в нелепый хлам, стены и асфальт, покрытые моховидным наростом.

Жека прошел вперед. Пробежался обычным и внутренним зрением вдоль улочки. У одного мусорного бака

в угол жался кто-то маленький пушистый и серо-голубой. А вокруг него важно разгуливала огромная ворона. Женя махнул рукой Алисе и направился к ним.

Увидев приближающегося подростка, ворона недовольно прокричала, но не улетела, а лишь отошла в сторону. Надменная тварь. Вслед за Женей подошла и Алиса и увидела то, на что смотрел Жека. Это был котенок. Она взяла на руки беззащитное создание, отливающее синевой. Ворона снова прокричала, понимая, что ее лишают добычи. Парень запустил в нее камнем, и птица, вспорхнув, поднялась в воздух, села на пожарной лестнице на безопасном от него расстоянии.

— Нужно отнести его кошке, — произнес Женя.

— А если птица снова найдет их?

— В городе каждый день может что-то случиться. Больше, что мы можем сделать — пустить все на самотек.

Лаская котенка, Алиса кинула на Жеку укоризненный взгляд.

— Не думаю, что взрослая городская кошка — самый беззащитный зверь, — пояснил он.

— Надеюсь, ты прав.

Они отправились вглубь переулка. Где-то недалеко остервенело орали вороны. Через пару минут они наткнулись на их подвижную серую массу, галдящую на тысячу голосов. На этот раз Женя не стал швыряться.

— Вон! — произнес он пугающе тихо.

Волной разошелся импульс страха. Серый клубок замер на месте и разлетелся в стороны от парапсиха. А на асфальте осталось выпотрошенное тело небольшого животного.

Девочка вскрикнула и закрыла лицо ладонями.

— Ты можешь ее оживить? — прошептала она.

— Нет. Жизнь соткана из весьма непрочного полотна.

И его не заштопаешь.

— А тараканы?

— То — тараканы. Пойдем. Незачем на это смотреть.

— Может, стоит ее похоронить...

— Город сам уберет за собой.

Темнело. Они медленно побрели назад, к полоске света между зданий.

— Что-то вернуть уже нельзя.

— Я понимаю.

Но Жене отчего-то хотелось оправдаться.

— Я не волшебник. Я лишь редуцирую болезнь, потом ее забираю. А себя уже лечить легче, чем кого-то.

— Ты не боишься, что однажды не сможешь себя вылечить?

— Чаще я боюсь, что не смогу вылечить других.

Они снова вышли на проспект. Совсем стемнело, ветер стал задувать жестче. Алиса заботливо укрывала котенка. Женя указал на него взглядом. Только теперь Алиса поняла, что проблема никак не разрешилась.

— Я могу за ним присмотреть, — выдавливая из себя слова, произнес парень.

Девочка молча смотрела на живой комоч шерсти у себя в руках.

— Только не говори... — начал Жека.

— А почему нет? Я скажу отцу, что мне подарила его Маришка. Степень доступа ее и моего отца предполагает работу с животными.

— Иногда я тебя не понимаю.

— Я тебя тоже. Но котенка я заберу.

И хоть разум Жеки был против этого, парень с облегчением вздохнул.

Похоже, наступила пора расставаться, и Женя решил напоследок пожелать ей здоровья. По его сознанию вновь полоснул мертвенный холод чуждой болезни.

— Ты отдаешь лекарства Владу? — скорее констатировал, чем спросил Жека.

— Половину... Я же говорила, это совсем не лекарства.

— Возможно, некоторые и масксети, но не все.

— Чего ты хочешь? Я не могу, как ты. Я не умею жить по-другому!

— Ладно, делай, как хочешь. Только приходи тогда чаще.

— Как получится. Усилили контроль по периметру города.

Они посмотрели друг другу в глаза.

— До встречи.

— До встречи.

Она ушла. Снова пошел снег.

Впереди зима и сто дней льда и снега. Впервые он ненавидел зиму.

Ее болезнь не даст ей прожить так долго.

А был еще карантинный контроль, где ее могли остановить всякий раз, когда она идет к нему. Еще был Влад.

Женя понимал, что она отдает ему не половину и даже не три четверти. И не мог ей ничего сказать. Потому, что сам поступил бы точно так же.

Ветер все усиливался. Это город пел свою бесконечную печальную песню. Он был болен, и песня ему давалась с трудом. Из истории его болезни можно было бы составить библиотеку. Но вряд ли кто-нибудь согласился бы приобрести абонемент хоть на одну из ее книг.

Где-то справа слабо билось судорогами сполохов небо. Женя заставил своего призрака нестись туда с удвоенной скоростью. Кирпичики домов слились в нечеткие размытые полосы. Огни, уходящие в синеву космоса, были уже совсем близко, когда Жеку вдруг ударила непроницаемая стена силового щита. Он снова бросился на преграду.

Опять и опять он бился о бесплотный барьер, а где-то в вышине, за свинцовым покрывалом облаков, презрительно смеялись звезды.

Новый год

Новый год. Это праздник, это время для чуда. Это, когда ты уже весь промок, замерз, но идешь на штурм вражеской снежной крепости. А мама зовет тебя домой, и ты идешь домой, потому что дома можно наряжать елку. Елкой пахнет с прихожей, за елкой ты ходил с отцом, и елка, конечно, лучше, чем у соседского Вовки. А еще пахнет мандаринами, пахнет выпечкой. Мама готовит что-то вкусненькое, и ты украдкой что-то стягиваешь со стола.

Ну и что, что ты умираешь от голода, и что у тебя давно нет чистой одежды, и что душа по ночам рвется в полет, а ты мерзнешь в железобетонном гробу и считаешь, что тебе еще повезло? Но это Новый год, и ты по старой привычке загадываешь желание. Ведь это праздник, это время для чуда.

Но чудес не случается, и Жека это знал. Плохие времена прошли, хорошие не настали. Он не умирал от голода и холода, как пару лет назад, но и жизнью это назвать было нельзя.

И лишь иногда, разбавляя яркими красками бесцветное существование, на его улице появлялась наивная девочка из бункера.

Сегодня впервые он увидел ее смеющейся.

- Ты не представляешь, какие у меня новости!
- Не представляю.

— Я улетаю! — Алиса светилась переполнявшей ее радостью.

— Куда? — задал совсем бесполезный вопрос Женя.

— Куда? А куда же можно улететь отсюда? Только к звездам.

— Вот как. И когда?

— Весной.

— Я рад за тебя, — произнес он вполне искренне, но что-то неприятное царапнуло его в глубине.

— А я тебе подарок приготовила.

Подарок. Она достала из кармана маленький хрустальный шар. Внутри его над миниатюрным космодромом кружились золотые и серебряные кусочки серпантина.

— Держи. С Новым годом.

— Симпатичная безделушка. Спасибо.

Он рассеянно повертел шар в руках.

— По правде говоря, я уже давно отвык получать подарки.

— Привыкай. И, кроме того, это совсем не безделушка, а джонт-генератор.

— Круто. А мне даже нечего тебе подарить.

— Достаточно того, что ты даришь мне возможность жить.

Женя промолчал.

— Сыграем в снежки? — спросила девочка.

— Это слишком по-детски. Да и снег не лепится.

— Ну тогда просто пройдемся.

— Можно.

Они побрели по заснеженному проспекту. Все мысли Жени крутились вокруг весны. Ведь весна когда-нибудь наступит, и она улетит.

— Тебя беспокоит, что я улечу? — поинтересовалась Алиса. Жеке совсем не нравилась ее парамутация, он с трудом скрывал от нее свои страхи.

— Есть такая тема, — сдался он. — Но это не из-за того, что я завидую. Просто... Это во мне от парасиха. Какое-то дурное предчувствие, а я привык верить чувствам. Это все...

Женя вдруг остановился и умолк.

— Подожди! Кому-то плохо.

— Этот город... Здесь всем плохо.

Сознание Жеки втянулось в энергополе города. Дребезжащие волны эфира привычно опалили его чужим стра-

данием. Тысячи невидимых нитей хлестали разум чужой болью. Но каждая нить несла свою маркировку. И словно тонко поющий голос оборванной струны звучала одна из них очень знакомым зовом.

Не ощущая ног, Женя отстраненно побрел в сторону. Все быстрее и быстрее, пока не перешел на бег. Жека бежал и плакал. Он еще не видел его, но уже знал, что это он.

Артур лежал посреди улицы, раскидав руки в стороны, как брошенная марионетка. Женя опустился на колени возле него.

— А, это ты? Ты как всегда вовремя, — Артур улыбнулся. Как сложно улыбаться, когда изнутри тебя точит почти непереносимая боль.

— Что случилось?

Но он и так видел, что произошло. Артур умирал. Он был изрезан лучевиком.

— Это все новые «Шмели». Уходи, брат, они и вас выследят. А девочка—то у тебя ничего!

Женя почти не слушал, питая его своей энергией.

— Кончай это. Твоей батареей здесь не хватит, мне нужен новый корпус и хороший адаптер. Так что зови уже ее.

— Что?

— Эту старуху с косой. Она же всегда где-то поблизости.

Женя что-то забормотал, глотая слезы. Он лучше остальных знал, что смерть всегда приходит неожиданно. Даже если она вокруг и ждешь ее с минуты на минуту.

— Давай, Жека. Ты умеешь это.

И он пожелал ему скорой смерти. Хотя чего еще мог пожелать парасих?

Потом он медленно встал, и в нем не оставалось ничего. С размаху он запустил бластер Артура в ближайшую витрину, но оружие лишь отскочило, а по стеклу продолжала пробегать уже давно никому не нужная реклама. Алиса посмотрела Жене в глаза и увидела там лишь отсвет уличных фонарей. А Жека вскинул голову к небу и смеялся громким передиращим смехом. И в тот момент он совсем не казался человеком. Чего было больше в этом смехе: боли или злого сарказма?

Играть во взрослую жизнь не так и легко. И он всегда знал, чем все это кончается. Жека не стал прощаться с Артуром и пошел прочь. Город примет его тело.

Алиса молча шла рядом с ним.

— Это и есть твоя работа? — спросила она наконец.

— Да.

— И ты не лечишь, а убиваешь?

— Да.

— Мне жаль тебя.

Они прошли еще несколько кварталов молча.

— Все будет хорошо, — прошептал Жека.

Алиса улыбнулась. Улыбка получилась немного неуверенной.

На уличных витринах вели истеричную пляску света обреченные на вечность огни бесполезной рекламы. И все вокруг было красиво. И наступал Новый год. А мимо все так же неслась беспокойная песня мертвых городских дорог, пробиваясь сквозь шорох полуживых киберов и стоны полумертвых людей.

Наконец Алиса решилась. Она остановила Женю и посмотрела в его пустые глаза.

Он ответил на ее вопрос, проскользнувший немой просьбой:

— Никогда.

Дроид

На тротуары с шумом падали огромные сосульки. Многим из них помогал это сделать Женя. Это была весна, и любое ребячество не казалось глупым.

Зима поспешно пятилась, петляя по темным проулкам, забывая там грязный снег и лед. Она бежала за город, пряталась в лощинах, стекала холодными ручьями в реки и озера. Над головой чистое голубое небо царапали белоснежные клочья избитых ветром облаков. Ветер был теплым и приятно ласкал тело. Яркий весенний день вызывал предвкушение неизбежного светлого свершения.

Жека доверился планете, позволил ей править своими чувствами. Он парил над городом, и под его крылья ложился не воздух, а радость жителей города. Уже давно он не чувствовал в себе такой легкости. Сила, питающая его, снова родилась во внешнем городе. Она витала в воздухе, разливаясь пьяным ароматом. Жизнь. Женя растворился в ее сиянии.

Все-таки это была настоящая весна.

Зима, лето, осень, весна. Только внутренний город не знал этих понятий. Потому что он не доверял переменам, потому что он не радовался жизни, потому что

он хранил и оберегал ее. И Алиса не могла сказать, что в этом он не прав, но весеннее солнце тоже звало ее к себе.

Иногда Женя называл девочку Алькой, хотя это и было сокращением другого имени. Но она его не поправляла.

— Алька, ты совсем слаба.

— Все нормально. Это видимость.

Жека укоряющее на нее посмотрел.

— Ах, да. Забыла... — усмехнулась Алиса.

— Как Влад? — спросил Женя.

Алиса отвела глаза.

— Его перевели.

— Куда?

— Наверное, в другую клинику... Видимо, пошел на поправку.

— Видимо.

Они помолчали.

— Ты знаешь, мой кот — парапсих. Он меняет цвет, — сменила тему Алька.

— Хамелеон?

— Ну да. Когда мне хорошо, он становится ярко-голубым, когда кажется, что весь мир против меня, — серым.

— Обычное дело для котов.

Они лежали рядом и смотрели в небо. Глубина и бесконечное спокойствие наполняли его.

— Ты побываешь в космосе... — произнес Жека.

— В качестве груза? Я буду в анабиозе.

— Вам будут сниться красивые сны о звездах.

— Сны о звездах мне снятся всю жизнь. Звезды — это только густки высокотемпературной плазмы.

— Странно от тебя такое слышать.

— Это судьба. Быть или тут или там. Это символ.

Даже не важно, космос это или нечто другое. Просто нам хочется того, что мы еще не пробовали. Нам хочется быть там, где еще никто не был.

Бездонность неба рвала сознание на части.

— До сих пор космос больше забирал, чем давал, — сказала она.

— Это не космос, это люди.

— Знаешь, теперь я намного лучше слышу звезды. Я пытаюсь с ними говорить, но они меня не по-

нимают. Мне кажется, что нас для них не существует. Что-то не так.

— Когда ты улетаешь?

— Недели через две. Как только прибудет судно.

Невысоко над улицей пролетел военный вертолет. Жека проследил за внимательными взглядами двух человек в камуфляжной форме.

— Что-то меняется в городе, — произнес он.

— Это хорошие перемены?

— Здесь все перемены к худшему.

Внезапно Женя вскочил на ноги. Он застыл и прислушался к чему-то. Алиса тоже поднялась, и он рванул ее за руку.

— Бежим!

Девочка не стала ничего спрашивать. Они помчались вниз и ворвались в сети лестниц, окутывавших монорельсовый вокзал. Над головой раздалось злое жужжание «Шмеля».

Сбежав вниз, они побежали вдоль несущих конструкций вокзала. Через пару минут они выбежали к ближайшей станции метро. Лестница уводила в глубокий мрак, туда, куда никто не спускался уже годы. Они побежали по ступеням.

Тем временем робот-чистильщик вырос позади неясной тенью. Цвет его обшивки сливался с цветом окружавшего его металла. Со звуком резко сдувшегося шарика стволы пневматических орудий робота выпустили в пространство две тонкие иглы.

Возможно, Алису спасло то, что выгорел поисковый контур робота, возможно, то, что был поврежден ствол одного ружья. Так или иначе, обе иглы впаялись в тело Жеки. «Шмель», тем временем, привычно считал биополя подростков. Позитронная цепь его мозга, отвечающая за логическое мышление, воспроизвела синоптическую реакцию, аналогичную человеческому удивлению. Ни один из живых не проявил ожидаемой реакции. Женя на ходу вытянул дробинки из тела. Приятных ощущений мышечный релаксант не добавил, но и повлиять на такого парапсиха, как Жека, не смог.

Через мгновение подростки уже скрылись во мраке метрополитена. Их шаги гулким эхом разлетались по пустым коридорам. Внутренним зрением Женя прокладывал себе дорогу. Ему приходилось смотреть

за двоих, так он делал впервые. Как это у него получается, он не понимал, но совсем не это волновало его в тот момент. Жужжание за их спинами вовсе не утихло, «Шмель» двигался следом.

— Он нашел нас интересными, — поделился мыслями Жека. — Хочет, наверное, живыми взять.

Еще какое-то время они петляли коридорами, спускались давно застывшими эскалаторами, пока не выбежали к путям. Состав на этой станции не оказалось, и они помчались по рельсам, обросшим полуфутовым слоем неприятно вязкого мха. «Шмель» себя долго ждать не заставил и тоже появился у платформы. Обнаружив ровный путь, он ускорил преследование.

— Дверь! — крикнул Женя.

В стене туннеля обнаружился вход в служебное помещение. Нырнув в проем, они захлопнули дверь и налегли на нее спинами.

— Биться в дверь он, конечно, не станет, — улыбнулся Жека и мрачно добавил: — Но какое-то подобие импульсного оружия у него имеется.

— Он не пролетит сквозь проем. Давай туда, — Алиса указала взглядом на изгиб, который делало помещение.

Одновременно они сорвались с места, и спустя миг вспышка за их спинами разорвала темноту. Там, где были двери, остался лишь дыра с оплавленными алыми краями. Но подростки уже затаились за углом.

— И это импульсник?! Да это же бластер!

— Ну да, похоже, их перепаяли.

— И что нам делать? Сам он не уйдет?

Шмель ожидал их на путях. Проскользнуть в двери он не мог, пропалит стену — тоже.

— Нет. Слишком умен. Это не автомат.

— Автомат, — раздался глухой голос из глубины помещения.

Мальчик с девочкой одновременно обернулись. Алиса вскрикнула. У противоположной стены, покачиваясь, стояла тень человека. Именно тень. Потому как человеком его было назвать тяжело. Жека сообразил, кому могло бы принадлежать это тело.

— Не бойся. Это дроид, — шепнул он Алисе.

— Дроид?

— Угу, кусок человечины.

— А он нас не...

— Не думаю. Это просто рабочий. Они все без мозгов, но довольно добрые.

Дроид странной качающейся походкой пошел к ним навстречу.

— Стой! — крикнул Жека. — Приятель, ты кто?

— Ты кто, — без выражения повторил новый приятель Женя, остановившись в нерешительности.

— Тебя как звать, я спрашиваю?

— Я спрашиваю...

— Придурок, ты что, издеваешься?

— Издеваешься...

Жека безнадежно вздохнул, хотел было что-то спросить, но передумал. А дроид с обычной бессмысленной улыбкой подошел к подросткам. Остановившись в шаге от них, он протянул руку — очень странный жест для города. Алиса машинально отстранилась. Жека бравурно пожал его бледную ладонь без двух пальцев, но даже и он поморщился:

— Приятель, от тебя несет за версту. Из чего тебя сделали? Лучше не отвечай.

— Здраваться за руку — не самая умная идея, — произнесла Алиса.

— Не обращай внимания. Она из бункера, — пояснил Женя.

— Да? И я оттуда, — не живым скрипучим голосом снова заговорил дроид.

— Да откуда ж тебе еще быть, тупая ты башка?

— Я не тупая башка.

— О, разговорился. И как тебя зовут? Идиот?

— Нет. Иван.

— Меня — Алиса, — произнесла девочка.

— Что ж, Ванька, спасибо. Только что ты тут забыл? — Женю этот чурбан из человеческого мяса чем-то насто- роживал.

— Пройти мимо открытых дверей, не заглянув в них — значит не быть человеком. И хотя дверь была не очень-то и открыта, а я — не очень-то и человек, любопытство заставило меня зайти.

Жека приоткрыл рот.

— Ни хрена себе! Любопытный дроид? Да еще такой болтливый. Что-то новенькое. Ты не больной? — коряво пошутил он.

— Просто я хочу быть лучше.

— Зачем?

— Разве для этого нужны причины?

Женя не нашелся, что ответить. Этот парень явно не тянул на дурачка. Больше он напоминал продвинутого самообучающегося кибера.

— Ну, ты не прост. Под что тебя прошили, дружище?

— Прошивы у меня нет, но мозг есть. Чей-то. Хочешь узнать, из кого меня сшили?

Это уже не лезло ни в какие ворота. Дроид изволил шутить. Жека полностью потерял чувство превосходства над ним. Это была личность.

— Смешно, — криво улыбнулся парень. — Лучше выведи нас отсюда.

— Идем, здесь есть другой выход.

Дроид нырнул во мрак. Жека пожал плечами и расцветил тьму, наложив на пространство волокно парапсихического восприятия. Алиса последовала его примеру.

Короткий коридор вывел троицу к новым путям, еще более запущенным и мрачным.

— Я знаю, ты из новой волны, — обратилась Алиса к дроиду.

— Да, нас и так называют.

— Что за волна? — поинтересовался Женя.

— Новая программа. Универсалы для города.

— А homo теперь не в счет?

— Нас давно списали.

Боль

Ее не было ровно месяц.

Она пришла на закате.

— Завтра я улетаю. Насовсем.

Он не обернулся. Стоя одной ногой на лесах, держась рукой за прут из сверхпрочного пластика, он свесился над километровой бездной.

— А ведь здесь тоже никогда не было людей, — произнес он.

Так высоко они были впервые. Здесь было холодно, ветрено и опасно.

Он спрыгнул к ней на бетон, глянул в глаза, хотел что-то сказать, но промолчал. Он сел на камень у ее ног.

— Хочешь помолчать со мной? — спросил он.

— Хочу, — ответила она и опустила голову. Они сидели и просто молчали. Сначала ни о чем, а потом о закате, о кораблях, о всяких жизненных мелочах, обо всем на свете.

Через минуту или через несколько часов ночь тихо обьяла их тела.

— Пора, — произнес Женя. — Тебе еще надо отдохнуть.

— Я все равно скоро умру. Но знаешь, я никогда не хотела стать старой.

— Нет, ты умрешь старая и некрасивая. А я сохраню твою мечту, я умру раньше, чем постарею.

— Жека, ты меня пугаешь.

Алиса почувствовала, как Женя легко прикоснулся к ее руке. В ее тело влилось приятное дурманящее тепло, а может просто исчез холод, живущий вместе с ней последние несколько лет.

— Что ты делаешь?

— Забираю твою болезнь.

— Не смей! — она вяло дернулась в попытке отстраниться от него, но силы куда-то пропали.

— Все нормально, Алька. Я уже так делал. Мне ничего не будет.

— Я знаю: будет. Я читала про такое. Тебе будет плохо.

— Не так, как тебе.

— Такие болезни, как у меня, парапсихически не лечатся. Ты должен беречь свою мутацию, ты сможешь помочь многим... другим...

— Я не хочу помогать другим. Я хочу помочь тебе.

И он помог ей и выпил ее болезнь до дна. И это был не бокал с ядом, поскольку у него не было роскоши оставить хоть каплю на дне. Пошатываясь, он встал. Чужой холод съедал его изнутри, разрастался тонкими иглами льда, пробуя на вкус нового хозяина.

— Ты дурак, дурак... Женька, зачем... — сквозь слезы шептала Алиса.

— Все хорошо, — шептал Женя, обнимая ее.

Они долго стояли обнявшись, шепча друг другу какие-то глупые обещания.

— Жека, мы станем пилотами?

— Да, возможно. Атмосферными.

— Ну почему ты всегда такой?! — она хмуро свела брови и легко ударила его в грудь кулаками.

— Звезды ждут героев, Алька. Какие мы с тобой герои?

Женя последний раз вымученно улыбнулся и отстранил девочку от себя.

— Уходи.

— Я не хочу уходить! Женя...

Она опять почти расплакалась, но не могла дать волю злой обиде. Иначе запомнятся лишь слезы. И он тоже стоял и держал в себе ее боль, улыбаясь и нежно глядя ее мягкие волосы.

— Уходи.

— Я обязательно вернусь.

— Я знаю.

Их руки разомкнулись. Не отрывая от Жени взгляда, Алиса сделала два шага назад. Потом она повернулась и изо всех сил побежала прочь. Девочка навсегда растаяла в сумраке ночного города. Вдали затухали ее шаги по лестнице.

Жека упал на грязный бетон, там, где еще мгновение назад стояла она. Казалось, что в венах пульсировала стывшая вода с царапающими кусочками льда. Боль фантомная, но от этого не менее мерзкая, становилась все сильнее. За этой болью он не сразу понял, что что-то изменилось. Наступила тишина. Непривычная, пугающая. Женя подумал, что оглох, но шум города был еще с ним. Не было постоянного фона чужих страданий, быстрых вспышек радости и долгого эха разочарования. Мир без обрывков чужих чувств.

Где-то внизу раздался простой человеческий крик. Сорок процентов оборвали чью-то жизнь.

Он прикрыл глаза. Пустота. Не слишком ли большая плата за чудеса? Ничего не осталось. От нее ничего не осталось, кроме никому не нужной боли.

Жека впервые почувствовал холодное дыхание звезд.

Эпилог

Человек в белом халате махал рукой. Он звал Женю.

Петля между беспорядочно расставленных коек, Жека направился к зовущему. Сегодня в «санатории» было много народа. Большинство с лучевыми и огнестрельными ранениями — новые мусорщики основательно подчищали город. Насколько это могло помочь, Жека не знал. Время от времени бункер проводил подобные эксперименты.

Человек, который звал Женю, был настоящим человеком, не бродячим дроидом новой волны. А еще он был доктором, самым что ни на есть настоящим доктором. Женя не стал спрашивать, что он тут забыл.

— Помоги мне, — произнес врач.

Чем теперь он мог помочь ему? Он больше не парапсих, не волшебник, который поможет всем. Лишь по старой привычке он взял больного за руку. Жека понимал, что все бесполезно. Его силы больше не было, и почувствовал он только пульсацию вен умирающего.

Человека, которого лечил доктор, спасти было невозможно. Только чудо могло спасти его. Но врачи не верят в чудеса, а чуда не произошло. Спустя несколько минут он умер.

Смерть одного — трагедия. Смерть миллионов — лишь статистика.

— А ты не из робких, — заметил врач.

— Большое ли нужно мужество, чтобы просто подойти и узнать, не нужна ли здесь твоя помощь?

— Не многие рискуют идти на тактильный контакт с больным.

— А, это... Ерунда.

Доктор накрыл тело простыней. Теперь с койки свисала лишь старая сморщенная рука с потемневшей кожей и выпирающими венами. А ведь, скорее всего, этой руке было не больше двадцати лет. Новое время учило жить быстро.

— И всегда у вас так? — спросил врач.

— Это все «Шмели». Их хорошо перепаяли.

— «Шмели»?.. Ну да, верное название... Но они только защищаются. Изучают и защищаются. Остальное все — люди, люди — начало. Человек по своей натуре — жестокое создание.

Доктор вытер руки полотенцем и устало вздохнул. Выглядел он неважно.

— Вам не мешало бы отдохнуть, док.

— Отдых для меня — недопустимая роскошь, сынок. Но вот друга пора проведать.

Они направились к выходу. Врач по пути осмотрел самых безнадежных пациентов.

— Зачем вы этим занимаетесь?

— Профессия — все, что у меня осталось. Она придает моей жизни подобие смысла.

Жека молча следовал за доктором. Через полчаса они все-таки вышли из здания.

— Ты считаешь, все это зря?

— Теперь — да.

На город напознала ночь. Жека запрокинул голову. Полотно небосвода дырявили звезды. Они не несли ни тепла, ни холода. Да и света от них было мало. И потому он чаще стал смотреть под ноги. Чтобы не споткнуться. Доктор вел его куда-то к периметру.

В конце концов, они вышли к городской стене.

На три четверти она была разрушена. Перебравшись через каменные навалы, человек в халате оказался на травяном ковре.

По траве рассыпались огоньки летних цветов, люминесцирующих в вечернем полумраке. Эта планета создавала не только уродцев.

Женя стряхнул пыль с осыпавшейся кладки стены. Под его рукой обнажился сиреневый ночной мох. Красота живет и под слоем грязи. О том, что тот же мох подточил периметр, думать не нужно.

Доктор уселся на траву. Его примеру последовал Жека.

Врач был занят своими мыслями. Видимо, продолжив вслух некую внутреннюю дискуссию, он произнес:

— Нет, самая смертельная болезнь — это жизнь. Что есть жизнь? Билет в одну сторону, листок с твоим именем, гонимый к костру, бессмысленная игра с надуманными правилами...

— Нет, док, все проще. Жизнь — это то, ради чего стоит жить.

Женя встретился взглядом с доктором. В этих глазах в равных долях смешались растерянность, печаль и звездная глубина.

— Порой наша жизнь напоминает скучную книгу, которую нет сил дочитать до конца, и мы оставляем ее открытой на самой неинтересной странице.

Доктор запрокинул голову и уперся взглядом в небесное блюдце. Продолжил мысль:

— Мир лучше не становится. Иногда нам кажется, что мы в состоянии что-то изменить, сделать что-то хорошее для человечества, ну или, на крайний случай, для своих близких. Но это чувство силы длится очень

недолго. Мы снова сердимся на свою наивность и стараемся забыть то мгновение силы, когда могли все.

— Кончайте, док. Уже ничего не вернуть, и, право, в том не наша вина.

Но док, похоже, был на своей волне и Жека не мог его за это судить. В этом мире все были чуть сдвинутые. Как и сам мир.

— Открой двери и за ними ты обнаружишь новые. Когда я понял это, было слишком поздно, — сокрушенно качал головой доктор. — Да! Да!.. Лучше ничего не трогать. Но раньше я этого не понимал.

— Нет. Всегда надо что-то менять.

Мяу! Это сзади, от стены. Жека оглянулся и понял, почему доктор привел его сюда. Кот.

— Вот, обещал присматривать за ним.

Огромный пушистый котяра валяжно подошел к Женке. Обтерся о колено.

— Странно. Обычно чужих терпеть не может.

Взгляд доктора снова пересекся с Жекиным, но в этот момент небо взорвалось красками. Ну, конечно. Корабли. Женя и забыл, когда в последний раз видел все это.

Корабли, звезды и она. Другого ассоциативного ряда не существовало. Она, корабли, звезды.

В конце концов, они помогли друг другу. Они оба дотронулись до мечты. Пусть мечта перестала существовать, но ведь короткий миг они были на вершине, и это оправдывало все.

Лишь несбывшаяся мечта выпаливает душу до самого дна.

— Ты что-нибудь слышал про Заповедник? — нарушил тишину врач.

Жека пожал плечами:

— Гнойный нарыв на теле галактики. Полный карантин. Корабли, которые там садятся, больше никогда не взлетают. И космодром их — совсем не космодром, а крематорий. Эту черную сказку знают все.

— Это наша сказка.

Жека в ответ промолчал. Он всегда знал это.

Они молча смотрели на пестрое от красивейших красок небо, и Жека изо всех сил желал Алисе счастья. Хотя чего еще мог пожелать человек?

А по стене периметра важно гулял огромный кот яркосинего цвета.

Княжна-путешественница

Николай Зайков

Родился в городе Черемхово Иркутской области в 1953 году. Четвертый сын в большой шахтерской семье. В 1975 году окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, филолог. Три года работал учителем в сельской школе, затем полтора года по призыву служил в армии, в Хабаровске и на Кунашире. С 1980 по 1985 год работал в Искитимской городской газете «Знамя коммунизма». В 1985 году перевелся в ежедневную городскую газету «Вечерний Новосибирск», в течение 15 лет — с 1992 по 2007 — возглавлял ее в качестве главного редактора и генерального директора. С 2007 года — свободный журналист. Живет в Новосибирске. Женат, двое взрослых сыновей, двое внуков. Фантастические рассказы автора публиковались в альманахе «Фанданго», в сборнике «Антология МиФа — 2013».

Ясная Поляна. Хмурый осенний день. Моросил дождик — мелкий, как пыль. Лев Толстой в тяжелом драповом пальто, в высоких ботах молодо прыгал через канавы и лужи — гулял. Старику слегка за семьдесят. Его сопровождал Максим Горький — высокий, худой, в крылатке и в шляпе, угловатый, по-городскому неуклюжий. Горькому слегка за тридцать.

Совсем недавно истекли последние месяцы золотого для русской литературы девятнадцатого века.

Алексей Максимович удивлялся резвости старика и его причуде — гулять в ненастную погоду. Толстой декламировал:

— Грибы сошли, но крепко пахнет в оврагах сыростью грибной! — здорово сказано.

— Да, у Бунина зоркий глаз и чуткое ухо.

— Разве Иван Алексеич? Мне казалось, Фет.

Вообще-то речь о запахах, — усмехнулся Толстой. — Зрение и уши тут ни при чем.

Старик что-то хотел спросить у Горького, но тут ему под ноги, под могучие боты-мокроступы выкатился мокрый заяц. Толстой мгновенно подпрыгнул и свирепо, по-охотничьи гикнул — заяц стремглав бросился в кусты.

Писатели возвращались к барскому дому, наблюдая за матерым коршуном: тот кружил над скотным двором; делает круг и покачивается на крыльях, не решаясь напасть на жертву. Оба прикрыли глаза ладонями, Толстой шептал:

— Злодей целит на наших кур. Вот... вот... вот сейчас... Эх, боится, стервец! А, да там ему кучер мешает. Надо позвать кучера...

Он осторожно пробрался ко двору и помахал конюху, крикнул ужасным шепотом:

— Уйди!.. Петруха, зараза, уйди! Убью, кому говорят — уйди со двора!

Конюх топтался на месте, не понимал манипуляций графа и, наконец, громко спросил:

— Чевой-то, барин?

Коршун мгновенно взмыл в воздух, метнулся в сторону, исчез.

— А... — расстроился Толстой, — болван, раззява! — плюнул с досадой в траву, повернулся к Горь-

кому и вдруг спокойно заявил: — А Чехов бы не испугался. Ударил бы. Отчаянный он — истинный коршун.

— Почему Чехов? При чем здесь Антон Павлович? — изумился Горький. — Какой же он коршун? Милейший человек, доктор.

— А посмотрите...

Среди водяной пыли в конце аллеи эффектно стоял мужчина: без головного убора, стройный, высокий, в длинном кожаном пальто. Пенсне вспыхивало зелеными и красными искрами.

— Истинный коршун! — любовно повторил Толстой.

— Разве это Антон Павлович? — растерялся Горький. Он как бы слегка струхнул. — Да разве он приглашен сегодня?

Толстой словно не слышал Горького — уже широко шагнул по аллее. Чехов спокойно его поджидал.

— Что ж вы, Антон Палыч, — вот так, на пороге сада изволите стоять?

— Да я, Лев Николаич, извините великодушно, не совсем один. Точнее вовсе не один. Вот и жду разрешения... э-э-э... перешагнуть порог сада с незнакомой дамой.

— Так познакомьте. Экая проблема!

— Дело в том, что я и сам не знаю эту женщину.

Чехов с Толстым и подбегавшим следом Горьким подошли к экипажу: два черных коня, мокрая кожаная карета, дверцы распахнуты. На сиденье лежала женщина, небрежно накрытая дорожным пледом, но заметно было, что под пледом она совершенно голая. Кучер, привезший Чехова, выглядел подозрительно: был странно одет, странно смотрел и все ходил вокруг экипажа, заглядывая под колеса, оглаживал лошадей.

— Вот, извольте, — смутился Чехов, — едва не раздвали, варвары. А что — лежит на дороге, в грязи, без сознания, в чем мама родила. Слава богу, лошади учуяли.

— Что с ней? — испугался Горький. — Дело полицейское? Ограбили, изнасиловали?

— Глубокий обморок. Организм здоровый. Все в норме; однако — обморок. Ни черта не понимаю.

Даже заподозрил — притворяется. Но столь искусно? Хотя и такой обморок бывает, когда человек сильно напугается. До смерти. Или, скажем, из огня да в полымя, точнее — в полыню, то есть из огня в ледяную воду. Если вы, Лев Николаич, позволите, я отнесу ее в дом, надо бы растереть спиртиком и вообще... обследовать, так сказать.

— А вы меня не разыгрываете? А? Вы ведь известный шутник. Это не ваша личная барышня? Вы ведь, кажется, до сих пор в женишках гуляете, а? Обследуете кандидаток? Ну-ну, ладно, сейчас людей пришло.

— Да что вы, зачем же? Я сам.

Чехов легко, как ребенка, вынул завернутую в плед женщину, аккуратно укутал ее ноги и понес — свободно, прямо шагая, не сгибаясь. Толстой и Горький едва поспевали за ним.

— Сюда, сюда! В дом несите! — командовал хозяин.

В тот момент, когда Чехов вошел со своей ношей в открытую дверь, из-под пледа выглянул внимательный ярко-желтый глаз.

Навстречу бросился сын Льва Толстого. Андрей Львович забрал у Чехова неподвижное тело и быстро скрылся с ним в комнатах. Мужчины шумно раздевались, отряхивали плащи, шляпы, снимали боты. К ним вышла невестка Толстого:

— Антон Палыч, здравствуйте, но что с ней делать?

— Да ничего особенного, голубушка. Переломов нет, сердце работает четко. Первым делом пусть Дуняша протрет ее всю водочкой, особенно грудь и спину. Умыть тщательно. Как очнется, немедленно дать горячего вина. Вот и все. И пусть отдыхает. А я после ужина ее осмотрю подробнее на предмет гематом и психического состояния.

Софья Андреевна глядела на мужчин сердито, но говорила тихо, ласково:

— Ну вот, ну вот, промокли, грязи натащили. Давайте вот по рюмочке портвейна — и к столу.

Мужчины дружно двинулись к небольшому столу, на котором теснились графины, стаканы, фрукты, что-то еще. Открылась дверь, и кучер Чехова

внес ящик с импортным пивом, спросил глухо: куда? Софья Андреевна молча указала в угол.

— Вы опять с гостинцами, Антон Палыч? — Толстой нежно приобнял Чехова, смотрел на него с любовью. Тот смутился, прокашлялся:

— Да в Ницце, помнится, пил такой сорт, весьма рекомендую.

Писатели разлили вино по бокалам. Горький произнес баском:

— Сия ваша дама, Антон Павлович, напоминает мне лисицу из русской народной сказки. Ту самую, что притворилась мертвой на дороге, да и похитила у мужика всю рыбу с воза.

Чехов рассмеялся:

— Возможно, возможно. Только ведь рыбы-то у меня и нету. Вот женюсь на миллионерше, тогда в пору будет и меня грабить, а пока гол как сокол.

Толстой, хитро шурясь:

— А что? Есть миллионерша на примете?

— Да сватают, Лев Николаич, все сватают, только я сомневаюсь: если она настоящая миллионерша, почему не замужем? Может, порченная? Да и как-то привычней мне одному-то, избалован я свободой.

Толстой, озорно:

— А я про баб правду скажу, когда одной ногой в могиле буду. Скажу, прыгну в гроб, крышкой прикроюсь — возьми-ка меня тогда!

Неловкое молчание: в дверях стояла Софья Андреевна, смотрела обиженно — слышала слова мужа. Поджала губы:

— Пожалуйте к столу, господа. Только вы, Антон Палыч, с моим бирюком рядом не садитесь — опять он постную кашу трескать будет да разглагольствовать попусту. У него желчь от худой пищи, без мяса да масла, разливается. Вы с Леопольдом рядышком, поближе к растегаям, хоть покушаете вдосталь.

После ужина Чехов бесшумно вошел в комнату. На кровати лежала чистая, аккуратно причесанная женщина редкой красоты. Огромные медовые глаза ее слегка косили, но несколько не портили удивительного впечатления свежести и молодости. Антон Павлович медленно приблизился к постели, сел на стул, взял руку больной и начал считать пульс.

— Кто вы? Писатель Чехов?

— Вообще-то мне первому надо бы задать такой вопрос — кто вы? Что делали в луже на дороге, изображая жертву разбойников; надо сказать — искусно изображали. Актриса? Или обморок настоящий?

— Вы ведь врач, Антон Палыч. Есть средства, если хочется.

— Но зачем? Аферистка?

— Не надо обижать меня. Я княжна Тараконова.

— Тараканова? — в первую секунду Чехов изумился, затем снисходительно улыбнулся. — Да ведь сия самозванка померла в каземате при Екатерине Второй.

— Девочка просто вышла погулять. Ей офицеры нравились; усы, комплименты, сабли; роскошь. А несчастной княжне политику приписали. Впрочем, я не Тараканова: меня зовут Елизавета Тараканова.

— Ага! — заинтересовался Чехов. — Значит, комедия? Авантюра? Или легкое повреждение рассудка? Предпочел бы первый вариант.

— У меня случаются короткие периоды амнезии, но это почти нормально. В палате номер шесть, слава богу, не лечилась.

— Так что же это все значит? Дорога, грязь, нагота. И ведь видно, что вы дама не из простых, возможно, и вправду княжна. Хотя князей Таракановых не имею чести знать.

— Вы ведь сочинитель, Антон Палыч, фантазер.

— Ни капли не фантазер. Я писатель, а не какой-нибудь там Матвейка Комаров. Пишу о том, что видел. Никаких привидений и басен.

— А Герберт Уэллс?

— Что Герберт Уэллс? Я с этим джентльменом не знаком. Хотя кое-что из его теорий читал... без энтузиазма.

— И «Машину времени» прочли?

— Да. Неубедительно. Нежизненно. Героя нет. В придуманную им эволюцию не верю. Вроде научной статьи про электричество. И язык английский... суконный.

— Суконный? Лучшие научные труды и лучшая фантастика написаны на английском. Это самый точный и лаконичный язык.

— Вот как? Вы говорите по-английски? А русский?
— Английский знаю. Русский богаче, искристее, глубже. Английский — точнее.

— Есть хотите?

— Я бы выпила еще вина. С вами. И отведала жареного цыпленка.

— Увы, я поужинал. Софья Андревна из-за стола голодным не выпустит. А вина и цыпленка для вас я спрошу. Но за это с вас плата — не лукавить. Говорить правду. Не люблю вруш. К тому же вы мне объяснили: лежали бы сейчас не здесь, а в холодной луже.

— Когда вы смотрите на меня так строго, я млею. Где уж тут врать!

— Кокетничаєте? Это хорошо, — Чехов машинально откинул со лба каштановую прядь.

— За бокал вина и цыпленка я расскажу о себе всю правду, и только правду. Но она проста: я устроила балаган, чтобы познакомиться с великим писателем Антоном Чеховым.

— С вами интересно болтать, — серьезно произнес Антон Павлович и вышел из комнаты — распорядиться насчет ужина для незнакомки.

Длинная, от края до края, проселочная дорога петляла среди полей. Кое-где виднелись березовые колки. Солнечное утро. Вдоль дороги уныло шагали грачи: по-хоже, махать крыльями они ленились. А может быть, надеялись ненароком подхватить в траве какого-нибудь жучка-червячка. В экипаже сидели Чехов и вчерашняя дама. Верх кареты опущен, кучер возвышался на козлах.

— Допустим, вы хотели встретиться со мной.

Но как вы узнали, что именно в этот час и по этой дороге я еду в Ясную Поляну?

— Очень просто: я следила за вами. Ехала сзади верхом. Затем обогнала по лесочку, разделась, вещи привязала к седлу, а коня прогнала в рощу. Если бы вы меня не подобрали, пришлось бы мне одеваться и придумывать что-то другое. Но вы ведь рыцарь?

— Зачем же так сложно? Почему просто не подойти и не познакомиться?

— Вы знаете, кого зовут антоновками? Поклонниц Антона Чехова. Их в обеих столицах и в Крыму — как яблок в осеннем саду. Быть в толпе мне зазорно. Не забывайте, я княжна.

— И где же ваш конь?

— Должно быть, местные мужики забрали. А может быть, пасется в том лесочке.

— Эй, Фрол! Остановись, как доедем, там, где вчера нашли эту даму, — крикнул кучеру Чехов. — Поищу коня.

— Вряд ли он вас подпустит. Он не стреножен и норовист.

— Мой отец в молодости был прасолом, перегонял скот в степи. Это с виду я холеный да в парижском галстуке. Однако не родилась в России еще лошадка, способная выкинуть меня из седла. В детстве я сопровождал отца, часами скакал без передышки, ночевал под открытым небом, одной спичкой разжигал костер. Буря в степи — моя сестра, коршун — брат. Впрочем, что это я хвост распустил? Ведь вы же рядом — вместе пойдем за вашим коньком.

— Пожалуй. Если не боитесь с хорошенькой дамой прогуляться среди березок.

Спустя час экипаж продолжал катиться в прежнем направлении; следом, привязанный к повозке, бежал рослый конь с длинной сухой головой.

— Ну что ж, иногда вы не лукавите, Елизавета. Конь ваш, платье ваше. В таком случае продолжим — до Мелихова далеко. Итак, вы называете себя княжной, хотя князей Тараконовых на Руси я не знаю. Впрочем, я-то сам не голубых кровей, мне это простительно. Но как же вы, юная и вполне обворожительная, оказались в наших краях одна? Без спутника, без прислуги? Прилетели на машине времени, придуманной смекалистым англичанином?

— Глумитесь, сколь душе угодно. Я стерплю. Не впервой. Но помните: есть многое на свете, друг мой Чехов, что и не снилось вашим мудрецам. Кстати, я уверена, что любую машину, которую в состоянии придумать человеческий разум, можно сделать. Иначе бы человек ее не смог выдумать. Если хотите, я развлеку вас. Вообразите мир через восемьсот лет. Вообразили?

— Нет.

— Хорошо, подсказываю. Первым делом, в нем совершенно нет писателей. Ни одного.

— Куда ж они, господи прости, подевались?

— А разве они существовали всегда? Три тысячи лет назад сказителей было раз-два и обчелся, Гомер да Гесиод. Книг не делали и не читали. Вот и в будущем человечество перешагнет через книги, как через паровозы, дирижабли и синематограф. Бумага станет таким же раритетом, как ныне папирус. Люди разучатся водить пером по бумаге, забудут чернила.

— Как интересно! А письма, а телеграммы? Или общение пойдет исключительно по телефону?

— Телефон в нынешнем виде тоже отомрет. Откроются иные способы связи. Скажем, человечество уподобится пчелиному рою. На коротких расстояниях станут пользоваться... э-э... как бы телепатиями. А для больших расстояний изобретут... В общем, в любую вещь — серьги, расческу, воротничок — будет вмонтирована крохотная штучка, которая всегда и любому доложит, где вы есть.

— А если, извините, я наслаждаюсь одиночеством в ватерклозете?

— И что в этом стыдного? Пчелы — вы пропустили слово «рой». Некоторые навыки стеснения и ложной культуры отойдут, как детская корь. Говорят, китайцы и ныне человеческой природы не стыдятся.

— Смешно, голубушка. Занятно сочиняете. Но при чем тут книги? Разве люди перестанут читать?

— Какой же вы наивный, Антоша Чехонте! К тому времени наворочают такие горы так называемой художественной литературы, что не останется ни одной фавулы, которая бы на миллион ладов не пересклонялась изворотливыми талантами. В конце концов, специальные машины систематизируют эти горы мусора и выдадут классические варианты мировой поэзии и прозы. Один, два, три — тысячи вариантов каждого сценария. И каждый будет экранизирован. Сознание людей изменится. Они будут смотреть, слушать и ображать гораздо быстрее. Медленное чтение умрет. Бумажные книги займут место в музеях, под стеклом, как ныне египетские папирусы. Редкий школяр забредет в эту скудельницу — и все.

— Так не может быть. Искусство неповторимо.

— А математика повторима? Если цифры можно вогнать в уравнения и логические последовательности, почему нельзя то же самое сделать с буквами?

— Неприятная перспективка.

— Нынешние книги запрут в витринах. И только глупые служительницы музеев станут их читать и заочно влюбляться в несносных авторов.

— Лиза, у вас слеза?

— Нет, божья роса...

Мелихово. Река, вечер. Небольшой костерок. На берегу две фигуры — в грубых хламидах с капюшонами — Чехов и рыбак.

— Ты, дохтур, зря жидовку-то пригрел. Дело не моева умишка, конечно, однако жи тоже кое-што промеж себя кумекам.

— Да не жидовка она вовсе. С чего ты взял? И почему евреев не любишь? Среди них много сердечных людей. У меня вот друг был — художник Левитан. Великий человек. Правда, мы с ним на пистолетах стрелялись, как взбалмошные гусары.

— Застрелили?

— Левитана-то? Нет, мы оба промазали. И помирились. Он сердце износил до дыр. Помер недавно.

— С жидами-то у нас обоюдно, барин. Вот несу я в кабак Яшке гривну, а он ажно зубами с досады цыкат. Скрыпит имя. Хотя што про што? Ему же ж выгода-та! Я ж ему несу! А вот не по ндраву ему, лешему, што я шас маненько угощусь, захмелею, антирес получу. Может, спою даже. А он стоит за прилавком, глазом зыркает. Пить ему жадность не позволяют, вот и злится. Бога нашего распяли, царя убили, водкой торгуют — за што ж мене их любить?

— Господи, остынь, Митрофанушка. Это ж суеверия, невежество. Люди — они все ровня друг другу.

— Была бы дорожка ровной, кабы не ухабы. А то один вон кажанный день щи с мясом лопат, а другой горбушку с квасом не имат.

— В чем ты прав, однако, так это в том, что евреи чужды русской коренной жизни, ее духа, ее форм, ее юмора, совершенно непонятого для них, и видят в русском человеке ни больше ни меньше, как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой еврейскими критиками, никогда не имели успеха ни Островский, ни Лесков. Им и Гоголь уж наскучил!

Костерок дымил. Озадаченный туманными речами барина рыбак молчал. Чехов покашливал, вдруг улыбнулся в усы:

— Тебе бы в сыщики пойти, Митрофан, — сразу все преступления раскрыл: и про царя, и про бога. Не надо судить наобум. А вот скажи мне, сыщик, померла Оксанка — что на деревне говорят?

— А ишто гутарят, барин, будто не знаешь? Правду гутарят. Отравила ее твоя девка заморская. Потому и толкую — зазря пригрел. Косые — они всегда ведьмы. Надо их батогами да в огонь.

— Да ты глаза-то ее видел? Разве ж с такими очисами женщина способна к злобе?

— Во-во, шамаханска девица. Из сказки. Точно, в яблочко, Антон Палыч. Потому и серчашь. Токо не она кабы, жила б наша Оксанка. Бабы сказывают, Оксанка утресь вышла от тебе, а в саду ее встречат ведьма. И приветливо так молвит: возьми, Оксанушка, платочек кисейный, французской водой надушенный, в память обо мне. И сует ей платок. Оксанка-от, проста душа, понюхала тряпицу ту, в глазах у ней померкло, закружилось, и побегла она до дому. Прибежала, а живот режет, мочи нет. Она кулачок разжала, чтоб матери, значит, пожалиться, а платочка-то и нетути: был да растаял. Одна мокра ладошка, пуста.

— Да не могла она. Я же доктор. Банальный заворот кишок. Я успел осмотреть. Если бы операцию, но где тут... И поздно. У нее приступ начался утром, так она терпела. Терпением себя и погубила.

— Да, лучша девка на деревне была. Не пожалел тебя господь, барин, — глупости-то не дал. Ума палата, а ни шепотки обнакновенной глупости. А без ней как доброму человеку прожить? Умом, поди, сердце не сбережешь, ум сердце очищат, догола сдирает с него кожу, до крови. Как у твоего художника.

Пауза. Чехов выкатил прутиком из золы печеную картофелину.

— Последняя. Будешь, Митрофан?

— Благодарствуйте, барин, сыт я. Да вот, кстати, Дениска-то Григорьев вернулся давеча с каторги. Живой, даже веселый.

— Это злоумышленник тот, с которым ты гайки на железной дороге откручивал?

— Тот самый. Страдалец за деревню. Все мужики гайки на грузила пользовали, а судили токмо его.

И женка, и детки больно радые. Правду сказать, веселый приехал, при деньгах. С каторги — и при деньгах, чудеса. Где взял?

— Знаешь, Митрофан, о чем я думаю? Всякий человек — загадка. И мечты у него случаются нелепые. Вот захотелось мне печеной картошки. Как в детстве. Захотелось — чего терпеть? Я и не стал. Взял хлеба краюху, луковицу, соль и пошел в поле, выкопал куст картошки и отправился сюда вот, на берег речки. А здесь ты с удочкой, с костерком... И мне хорошо, ты не мешаешь, я тебе тоже. Мы вдвоем, а вроде как и один я. С тобой, как сам с собой. Помнишь детство: огонек, картошка в золе, закат? И этот день я прожил с пользой для себя, а значит и для людей. Знаешь, что мне Лев Толстой в Ясной Поляне говорил?

— Откель же мне знать, дохтур? Я графа-то и не видывал сроду.

— Он сказал мне так: береги себя для себя, тогда и другим много достанется. А я вот для себя обычно не мог — то родные, то больные, то просители. Кувыркался по жизни, как арлекин. А нынешний денечек прожил только для себя, сожрал куст картошки, Оксанку помянул. С тобой вот поговорил. Вернулся, говоришь, злоумышленник Дениска Григорьев? Это хорошо. Ну, ладно, прощай, Митрофан, пора мне. А с шамаханской девицей я разберусь, что же, прогону ее из усадьбы от греха подальше, коли народ просит.

Беседка в саду, свеча. Елизавета читала книжку — пьесы Чехова. Он подошел, сердито отобрал у нее книжку и бросил под стол.

— Пьесы мне столько крови попортили, что видеть их не могу. И Лев Николаич твердит: зря, мол, пьесы сочиняешь; Шекспир не умел, а ты, мол, и того хуже. Не понимает старик, что не заслужил я такой чести — рядом-то с Вильямом нашим Шекспиром стоять.

— А мне нравятся ваши сцены. Грустно. Лирично. Но по секрету скажу: скоро вы сочините «Вишневы сад», и он станет последней вашей попыткой на этом поприще.

— Откуда вы знаете?

— Что — знаю?

— Про «Вишневый сад»? Я никому не говорил. Да и название это условное, пьеса в голове еще крутится.

— Антон Палыч, дорогой, вы меня извините, но вы скоро вообще писать художественные произведения перестанете.

— Почему?

— А какой черт понес вас на Сахалин?

— При чем тут Сахалин? Не пойму я вас, Лизонька. Помру, что ли?

— Просто займетесь полезной работой. Как на Сахалине. Кстати, я вот в лаборатории вашей, Антон Палыч, видела микроскопы, пробирки да колбочки с разной плесенью. Вы опыты проводите. Так?

— Ну, так. Я ведь доктор, и неплохой, не шарлатан. Вы же слышали про открытие бацилл немцем Кохом? Тех, что вызывают чахотку? Сколько уж людей от нее сгнуло! Вот и Горький болеет, и я, извините, кровью кашляю. Думаю, тут надо клин клином: в плесени, как в злойродной субстанции, живут другие бациллы — ярые враги чахоточных. Одни звёрюшки пожирают других — в моих пробирках. Совсем как люди. Вот я и хочу на их Александра Македонского напустить Наполеона с пушками: кто сильнее? Провожу опыты на себе и стал чувствовать себя значительно лучше. Беда, что я не химик, а выделить из плесени пенициловых грибов активное вещество довольно мудрено. Встречался на днях с Менделеевым, он очень обрадовался моей просьбе, обещал помочь.

— Ваше лекарство совершит революцию в медицине. Вам даже премию дадут — Нобелевскую.

— Не смейтесь, не надо. Я работаю серьезно и революций не люблю. И не хочу премии торговца смертью. — Чехов зло скривил губы. — Его динамит — адское оружие.

Писатель почувствовал раздражение, обиду. С трудом успокоился, привычно отбросил со лба прядь, посмотрел сквозь пенсне — стекла поблескивали в пламени свечей — и глухо спросил:

— Елизавета, прямой вопрос — прямой ответ: зачем вы отравили Оксану?

— Что-о-о?

— Бабы на деревне болтают, что вы ей платочек с духами подсунули, она его ароматы вдохнула — и, пожалуйста, мертва.

— Какая злая, непорядочная чушь! Не ожидала я от вас, господин Чехов, подобной суеверной гадо-сти. Бабы болтают! Воистину, писатель и глупец — синонимы. Я вам отомщу за это оскорбление. О, как я вам отомщу!

Елизавета стремительно встала, с силой наступила каблучком на книгу пьес, валявшуюся на деревянном помосте, и гордо удалилась, крикнув напоследок:

— Утром уезжаю!

Чехов пощипывал бородку и мелко, как бес, смущенно хихикал.

Москва. Страстной бульвар. Дом Редлиха. Вывеска вязью: «Русское гимнастическое общество». На стилизованном рисунке — два рыцаря ведут бой на мече. В дверях появился Чехов — вальяжный, в одежде с иголки. Посреди громадного зала фехтовали Гиляровский и Тараконова, оба в гимнастических костюмах, грудь и живот укрыты металлизированными щитками. У соперников рапиры одинаковой длины — около метра, и это давало преимущество тоненькой горячей женщине; дядя Гиляй был великоват для такого оружия, ему не хватало быстроты, ловкости, и он все норовил рубануть сплеча, как саблей. Стоило великану поднять рапиру выше ее головы, как Елизавета мгновенно ныряла под стальное жало и наносила свой укол. Она явно была увлечена: глаза распахнуты, рот азартно приоткрыт.

Увидев вошедшего Чехова, Гиляровский радостно закричал:

— Альт, альт! Стой! Замучила деда!

Друзья обнялись.

— Позволь, Антоша, представить тебе нового члена клуба.

— Мы знакомы, рад новой встрече, княжна, — серые глаза Чехова смеялись.

— Вот как! Мир тесен, — Гиляровский картинно вытер пот со лба. — Спасибо, что спас меня, хотел уж было пощады просить. Мушкетерка!

Княжна Тараконова приосанилась:

— Давайте, Антон Палыч, и с вами — на рапирах. Благородной сталью отомщу вам за неблагоприятное изгнание из Мелихова.

— Какое же это изгнание? Вы сами сбежали. А впрочем, почему не размяться? Только я переодеться не стану, так, в рубашке. Давненько не держал я в руках рапиру.

Чехов скинул на ближайшее кресло пальто, сюртук, аккуратно снял туфли, оставшись в носках. Взял рапиру. Елизавета на минуту забылась — с женским откровением залюбовалась стройным противником. Чехов был очень красив; не ниже гиганта Гиляровского, но фигурой тоньше, изящнее. Особенно хороши были руки.

Гиляровский выкрикнул команду, Елизавета вздрогнула и обрушила на Чехова первую атаку. Она крепко уперлась ногами в пол и от локтя закрутила сверкающей рапирой воздушные спирали — стремительно. Чехов смущенно улыбнулся и силой остановил вращение направленного в его грудь клинка. Атака отбита, и девушка быстро сменила позицию, причем сделала это столь кокетливо и эффектно, что Гиляровский в восхищении закатил глаза. Однако Чехов, вопреки ожиданиям соперницы, не контратаковал. Танцующими движениями он отступил по дорожке, давая княжне возможность напасть по всем правилам боя. И Елизавета напала, однако вместо колющих, обычных для рапирного поединка ударов нанесла каскад рубящих, словно у нее в руках тяжелый меч или сабля — переняла необычную манеру дяди Гиляя. Изменение техники и тактики вызвало вторгшую смущенную улыбку на лице Чехова. Темп нарастал, и вот в воздухе уже не видно самих клинков — только их блеск. Только их звон — не слышно даже тяжелого дыхания вспотевшего судьи. Серебряное солнце плавно разгоралось между силуэтами соперников. Вдруг характерный звук — чей-то клинок сломался, и его острие пулей скользнуло по полу.

— Альт! — радостно закричал Гиляровский. Княжна со слезами на глазах недоуменно смотрела на эфес с гардой и обломком клинка в своей руке. Чехов платком с вензелем «А» промокнул лицо,

спрятал в батист хитрую улыбку. Гиляровский подбежал к ним, ласково обнял обоих, прижал, зашептал княжне что-то восторженное. Затем громко обратился к Чехову:

— Заметь, мы пляшем с железками в этом зале двадцать лет, а она впервые — но как сражалась! Жанна дэ Арк! Орлеанская дева! Афина Паллада! Богиня войны!

— Да, техника необычная. Рапиру, правда, жаль. Кстати, я взносы принес, неудобно же: многолетний член-учредитель гимнастического общества, а за-должал.

— Денежки — это хорошо, — обрадовался Гиляровский и вдруг весело предложил:

— А давайте, черти, по пирогам! Ко мне! Попрыгали, попрыгали — и по пирогам! А? Жена отличные пироги печет. Антоша, Лиза, едемте-ка? А? Ты трясешься, я трясусь — значит, мы едем!

— Хороший дом у Владимира Алексеича. Русский хлебосол. Мы ведь дружны с юных лет: вместе по редакциям «Осколков» да «Стрекоз» гонорары сшибали. Всякое бывало. Вас куда проводить?

— В Большую московскую гостиницу, я там живу.

— Вот совпадение! И я там остановился. Я всегда в Москве останавливаюсь в Большой, у меня там, можно сказать, персональная квартира, номер пять.

— Боюсь, сегодня номер пять занят.

— Не может быть. Я третьего дня телеграмму посылал. И вещи мои с вокзала туда отправил. Я же в Большой постоянный клиент.

— В вашем персональном номере, извините меня, уже неделю живет после бегства из Мелихова одна бедная девушка. Обиженная баринном, между прочим. Как там дела, в усадьбе?

— Погода изумительная. Цветут розы и астры. Летят журавли. Кричат перелетные щеглы и дрозды. Восторг. Но вечера длинные и скучны до отвращения. На днях волк задрал жеребенка и собаку. Утром выхожу, а он, проклятый, сидит под ветлой и бьет себя лапой по морде. Я на него «тю!», а он глядит на меня, как сатана, и зубами щелкает. Испугался я страсть!

— Кажется, я вас прощаю.

— Зря я обидел вас, Лизи, нелепым подозрением. Привык верить коллективному бессознательному — народу, он вообще-то редко ошибается. Виноват.

— А знаете что? Если хотите, могу потесниться на одну ночь: завтра я все равно уезжаю. С обеда апартаменты полностью в вашем распоряжении. Если, конечно, репутация писателя Чехова не пострадает от ночи, проведенной в номере с незамужней женщиной.

— Нет, не пострадает. Увы, я не женат. А вы меня не заколете? Не отравите? Куда отправляетесь, если не секрет?

— Путешествую. Коллекционирую впечатления. Посмотрела Москву — и далее везде.

Швейцар подобострастно подбежал к Чехову:

— Извините, Антон Павлович, ваш номер пять нынче занят. Уже неделю. Вот этой дамой, княжной Тараконовой. Очень сожалею. Не хотите ли шестой?

— Нет, отнесите вещи в пятый. Завтра княжна его освободит, а я поживу у вас еще дней несколько. И вот что — организуйте нам легкий ужин, шампанское, фрукты. И шоколад — обязательно.

Приняв поочередно ванну, Чехов и Елизавета расположились в пижамах, в вольных позах у столика.

— Антон Палыч, а вы хотели бы побывать в будущем?

— Опять вы за свое. Так я прямо туда сейчас и направляюсь.

— Как!?

— Ну, вот я сижу на диване, а вы в кресле. Но мы ведь перемещаемся в потоке времени? Ровно через одну минуту мы окажемся дальше от своего рождения на одну минуту. И ближе к смерти на одну минуту. А утром — будет утро, и мы, как ни странно, тоже будем там — с этим самым будущим утром. Никто не останется вчера, которое сегодня. Завтра будет новое сегодня.

— Это просто детская головоломка.

— Жизнь — это и есть машина времени. Страшная машина. И заметьте — она не останавливается ни на секундочку: только вперед и вперед. Едет и едет. Так что если вам, голубушка, захочется сильно далеко проехать в будущее, прогуляться, — об-

ращайтесь ко мне. Я знаю, как остановить процессы метаболизма в организме на любое количество лет и даже веков, а затем их включить в нужный момент. Это, кстати, знали и фараоны.

— И вы, и ваши фараоны полные профаны. Извините. Ладно, давайте о другом. У древнего писателя Чехова есть рассказ о любви. Там девушка соглашается жить с влюбленным в нее поваром просто так, без венчания. А повар-злодей не хочет. Он свинья полная, но бога боится. Как вы думаете: Чехов, автор рассказа, тоже бога боится?

— Почему вы сравниваете меня с дураком-поваром? И почему называете меня древним, говорите обо мне в третьем лице? Это неприлично.

— Неприлично? Однако сочинитель Чехов и человек Чехов — не одно и то же, я думаю. Они как два крыла у птицы. Тело одно, а души две. И птица летит, потому что у нее две сущности, две души. Между ними — разница, создающая подъемную силу.

— Какая такая разница?

— Есть писатели, которые и жизнь сочиняют, как роман. Лев Николаич вот не живет, а сочиняет. То пахать удумает, то сапоги тачать. А то религию новую объявит — всем на потеху. За его жизнью наблюдают, как за романом, в котором граф — главный герой. Он понятен, как ребенок, хоть и гениальный. А вы — живете. Вы фантазер и писатель только за столом, на бумаге. А все остальное время живете всерьез, не для книжек и суеты. И мне, если честно, это нравится.

— В тот день, когда мы поссорились, у меня с утра возникло неодолимое желание выкопать в поле куст картошки и съесть его. Все клубни. Я так и сделал. Испек в золе на берегу речки и умял их с большим аппетитом. Как зверь. И был счастлив. До сих пор не пойму — что было со мной? Почему было не пообедать нормально? Это ли не фантазия? Или это ваше порочное влияние?

Елизавета глянула лисьими раскосыми глазами в озабоченное лицо Чехова.

— Вы даже представить себе не можете, какое блаженство обладать самым сильным зверем на планете — умным отважным мужчиной.

— Таких много.
 — Ошибаетесь. Через несколько столетий на Земле, увы, не останется ни гусаров, ни мушкетеров, ни зверей. Только холодные дельцы да напомаженные выюноши с пухлыми губками. Звезды высосут всех героев с Земли. Приличной девушке некому будет и ноги на плечи закинуть. А красивые у меня ножки?

— Лизи!

— А кто писал: «И с удовольствием ее растараканил»? Что делать нормальной барышне? Хорошо, если есть под рукой капсула времени и можно прокатиться в эпоху героев и титанов.

— А, понял! Вы начали мистера Уэллса и пересказываете мне его сюжеты?

— Конечно.

— А что у вас с глазами? Почему вы так смотрите? Гипнотизируете?

— Не нравится?

— Очень нравится. Вы очаровательно косите. Но вот деревенские мужики и бабы считают косоглазие признаком ведьмы.

— Ха! Считайте меня ведьмой, коли так. Молоденькой ведьмачкой. Да ведь и у вас с глазами неполадок. Вы тоже из наших, из нечистых? Зачем вам пенсне?

— У меня один глаз близорукий, а другой — дальнозоркий. Правый глаз в прошлом году едва не погиб. Была невралгия, осложненная сыпью на роговице. Получил приказ лечиться электричеством, мышьяком и морем. Накупил в Европе кучу очков и лупу для упражнения левого глаза, который не умеет читать. Решил назло всем женщинам, которые любили меня, стать кривым.

— Дайте-ка я погляжу ваш безобразный глаз, — сказала Елизавета и сняла с него пенсне. Лицо Чехова сразу обмякло, округлилось, волевые черты исчезли. Женщина подняла тонкую руку и погладила небритую мужскую щеку. И вдруг прижалась к нему — изо всех сил, пылко и нежно, так, что острые грудки, как кулачки при ударе, вонзились в его тело. У Чехова закружилась голова, адреналин затуманил кровь — она словно дымом наполнилась

от внутреннего огня, он с трудом подавил смешное желание распахнуть пижаму и посмотреть — остались ли на коже следы от пламенных женских сосков.

Орган, который был ему всегда послушен, которым он только по собственному желанию вскрывал женские тела и сердца — как консервные банки, этот самый надежный его инструмент вдруг оказался предателем — послушным орудием чужой воли, при помощи которого извлекали наслаждение из него самого, хозяина хитрого органа. Сначала чуткие пальчики разгладили морщинки по всей длине предателя, затем к нему прикоснулись мягкие губы, быстрый язычок побежал, заскользил, закрутился, губы сомкнулись у основания — и сознание гения покинуло потрясенное тело. Когда оно вернулось на привычное место в голове, Чехов увидел, что на его бедрах сидит нагая Лизанька и удовлетворенно улыбается.

...Мальчишка-посыльный принес узкий розовый конверт. Чехов дал мальчугану гривенник и прошел в кабинет. Текст письма гласил: « Дорогой Антон Павлович, спасибо за те счастливые, в полном смысле этого слова, часы, что я провела на твоей милой и честной груди. Это незабываемо. Я съела свой куст картошки, если позволишь воспользоваться твоей аллегорией. Клубни вкуснейшие. Сейчас я отправляюсь в Англию — хочу присовокупить к своей эротической коллекции джентльмена по имени Герберт Уэллс. Прощайте, Антоша, не кашляйте. Навек твоя, уверена, что мы еще встретимся, Лизи Т. ».

Антон Павлович Чехов никогда не хохотал; он часто смеялся — заразительно, обаятельно и весело. Но хохотать не умел. В этот раз он с недоумением перечитал записку, повторил вполголоса «клубни... совокупить... Уэллса» — и вдруг захохотал, впервые в жизни, да так, что свалился на ковер и катался по нему, держась за живот, пока не заметил выступившую на губах кровь.

В январе 1914 года знаменитый английский писатель Герберт Уэллс посетил Россию. В Петербурге он похлопотал о личной встрече с премьер-министром, лауреатом Нобелевской премии по ме-

дицине и физиологии Антоном Чеховым. Тот охотно согласился. Беседа носила неофициальный характер — за маленьким столиком в кафе «Бристоль» на Невском проспекте. После ритуальных приветствий и взаимных комплиментов Антон Павлович спросил англичанина:

— Мистер Уэллс, разрешите деликатный вопрос. Как мужчина мужчине. В начале века одна моя знакомая называла себя княжной Тараконовой. Она слыла горячей поклонницей вашего творчества, перечитала все ваши фантазии и даже научные статьи. А затем отправилась в Англию, чтобы, по ее словам, познакомиться с вами лично.

— Русская княжна? Хорошенькая?

— Очень. Молодая, веселая и, я бы сказал, озорная. Стройная, худощавая. Вышние локоны.

— Как джентльмен джентльмену, скажу: в числе моих близких приятельниц таковой не состояло. Хотя русская молодая княжна или баронесса — интересный вариант.

— Хм, вышла девочка погулять... и пропала.

— Что вы сказали?

— Извините, это я по-русски. Мне жаль — потерял княжну из виду. — Чехов махнул рукой и резко сменил тему. — А что вы думаете по поводу большой войны, мистер Уэллс?

— Как фантаст надеюсь, что ее удастся избежать. А как реалист уверен, что Германия в ближайшее время нападет на Англию. Она слишком голодна, скрежещет зубами, ее экономике нужны наши колонии. А вы? Разрешите эксклюзивно узнать, какую позицию займет Россия, господин премьер-министр, в случае широкомасштабного военного конфликта? Даю слово быть скромным.

— Абсолютный нейтралитет. Ни один русский солдат не перейдет государственную границу. Русские сапоги будут топтать только русскую землю, благо ее у нас достаточно.

— Даже если союзникам понадобится срочная помощь?

— Россия не станет раздирать жизни своих поданных авантюрным друзьям. По крайней мере, пока я возглавляю правительство. Каждый должен

жить по средствам и по совести. Нам не нужны союзники с сомнительными амбициями. Для России лучшая позиция — нейтралитет. Чужого не надо, но и русской земли не отдадим ни сажени.

Мужчины молча выпили.

Уэллс вдруг оживился, словно вспомнил что-то.

— Мистер Чехов, говорят, вы присутствовали при самоубийстве Горького?

— Не совсем так. Петр Аркадьевич Столыпин был жив, я еще не возглавил кабинет, депутатская служба в Думе не отнимала у меня много времени, и я имел возможность заниматься медициной. Вот и привез Горькому на Капри опытные образцы нового лекарства. Он ведь в юности стрелялся, пуля пробилась легкое, рядом с сердцем. Рука дрогнула. Он после всю жизнь хрипел, кашлял, подцепил чахотку. А я как-никак лауреат... хм-м. Себя вот исцелил.

— Ваш стрептомицин спас и мою жизнь. Я ведь одно время тоже страдал чахоткой. Часто убегал из сытного Лондона, однако болезнь прогрессировала. И только ваши лекарства, доктор Чехов, избавили меня от легочных страданий. Пользуясь случаем, от души благодарю.

Чехов иронично поклонился через столик.

— Рад служить. Только вот какое странное наблюдение: изгнав из организма бациллу Коха, я почувствовал стойкое отвращение к литературному труду. Вот уже десять лет не сочиняю — ни строчки. Пишу исключительно официальные бумаги, речи в Думе, постановления правительства.

— Понимаю вас, мистер Чехов. Должен признать, что и мой литературный пламень несколько поугас после выздоровления. У меня нет ваших государственных талантов, я вынужден сочинять для заработка. Но мои нынешние опусы не сравнятся с молодыми романами, которые столь восхищали вашу таинственную знакомую.

— Да, да, забавное действие лекарства на метаболизм писателя. Похоже, что литература и туберкулез идут рука об руку. Так вот, о Горьком. Привез я ему лекарства, объяснил их действие, начали обедать, беседовать. Алексей Максимович выглядел

расстроенным, очень подавленным. У него недели за две до меня гостили революционеры. Выпили, поехали кататься на лодках. Спорили, разгорячились. Они все время спорили, кричали друг на друга. А тут началась буря. Вроде небольшая, но настоящих моряков с ними не оказалось — все, видите ли, их конспирация. Лодочка перевернулась, и все пятеро утонули.

— В том числе, говорят, и этот... их главный большевик?

— Да, господин Ленин тоже погиб. Между нами, опасный был демагог. Однако Алексей Максимович к нему благоволил. В той беседе я, между прочим, сообщил о возможной причастности этого эмигранта к странной смерти нескольких богатых меценатов. Горький заплакал, словно знал что-то или подозревал. Он часто плакал. А вечером за мной прибежали: Алексей Максимович застрелился. Я его осматривал вместе с местными врачами. Пуля вошла в сантиметре от старого шрама. В сердце, наповал. С возрастом рука Горького стала тверже.

— Тесен мир, ох как тесен! Я ведь, мистер Чехов, с Горьким в Штатах сдружился, лет восемь тому назад. Вначале американцы его принимали восторженно, но затем, когда узнали, что он жену с детьми бросил, а за океан прибыл с любовницей, так его сразу изгнали из всех гостиниц, а в прессе подвергли травле. Вот я и поддерживал его морально, поскольку сам грешен в отношениях с дамами, да, грешен. А вот княжну Тараконову, извините, не видел, не знаю.

Прошло еще десять лет. Истерзанная кровопролитной войной Европа медленно поднималась из руин. Теперь ее экономика полностью зависела от России, которая выгодно использовала годы войны для роста своего могущества. Русские охотно продавали воюющим странам не только зерно, мясо, масло, нефть и уголь, но и оружие, и средства связи. Российские аэропланы и танки ожесточенно сражались, управляемые англичанами, французами, немцами, итальянцами — но только не русскими офицерами. Российские войска стояли на границе неприступной стеной и не лезли в страшную мясорубку.

В январе Антону Павловичу исполнилось шестьдесят четыре года. В день рождения он решительно, без единой помарки написал прошение об отставке с поста премьер-министра. Император встретил его стоя. Душевно обнял. Высокий, худой Чехов сгорбился, смущенно спрятал глаза.

— Не стану уговаривать, Антон Палыч, не стану. Вы и так совершили невозможное. Отдыхайте. Всегда рад буду погостить в вашем имении. Чем думаете заняться — наукой, литературой?

— Садам, Николай Александрович, исключительно садам. Я ведь, знаете, с детских лет мечтал о роскошном саде, да вот всю жизнь как-то не удавалось, так сказать, на широкую ногу, во всю ивановскую — настоящий сад развести. Мелкие клочки не в счет.

— Прощение ваше я подпишу, Антон Палыч. А заменит кто?

— Нет того понедельника, который не уступил бы свое место вторнику. Россия богата людьми, мой император.

Чехов на шикарном лимузине производства Путиловского завода подъехал к усадьбе и заметил у ворот женскую фигуру. Капюшон дорогой шубки укрывал лицо дамы. Премьер-министр вылез из автомобиля и медленно приблизился к гостье. Он сразу понял, кто это, но не верил своим глазам.

— Антон Палыч, у нас времени сейчас почти нет, — беспокойно произнесла княжна. — Где вас, ей-богу, черт носит!

— Я был у императора.

— Через двадцать минут мы должны исчезнуть!

— Опять фокусы? Княжна, я слишком долго ждал и теперь староват для ваших приключений.

— Поверьте мне: писатель, ученый и государственный деятель Антон Чехов пропал без вести двадцать седьмого января одна тысяча девятьсот двадцать четвертого года. Так гласят учебники истории. И литературы. Но в двадцать восьмом веке у вас много дел. А шестьдесят четыре года там — молодость. Идите за мной: хронокапсулу я присыпала снегом за вашим садом.

И Чехов пошел. ❧

Содержание журнала «Уральский следопыт» за 2014 год

Река времени

День Победы

- Н. Быльев. Записки в дождливый день №5
О. Байкова. На острове Долгом №5

Юбилей

- В. Трусов. Два художника в одной лодке..... №2
В. Трусов. Что имеем — не храним..... №3
М. Давидов. На старой грунтовой дороге №10

100 лет начала Первой мировой войны

- В. Бойко. Серебряная чарка прапорщика..... №8
О. Карякина, В. Струганов. Рядом с Блоком №8

Наши проекты

- История России. Река Чусовая. Полдневая №4
История России. Река Чусовая.
Станционный-Полевской №5
История России. Река Чусовая.
Косой Брод. Раскуиха..... №7
История России. Река Чусовая. Село Курганово №8
История России. Река Чусовая.
Поселок Чусовая. Село Верхнемакарово №9
История России. Река Чусовая. Ревда №10
История России. Река Чусовая. Ревда №11
История России. Река Чусовая.
Первоуральск: Динас. Первомайский №12

Портреты

- Г. Назаренко. Неглавные герои Бажова №2
В. Моисеев. Прыжок №3
Н. Запорожцева. Театр Скибневского..... №4

- О. Ожгибесова. «Не могу не быть священником»..... №7
А. Кузьмин. Бело-красная жизнь Ивана Вощилло №8
А. Молчанов. Уральский Канновер..... №9
А. Кузнецов, О. Макарова. Лесничие Граниковы №11
О. Ожгибесова.
Телебашня звалась «Николаевной»..... №12
В. Вольхина. Благородный разбойник Ринальдо №12

Далеоке-близкое

- А. Кузьмин. Датчанин в Сибири..... №1
Н. Вехов. В стране самоедов №3
В. Трусов. «Золото на Чусовой»..... №4
Е. Сибиряков. Разбойник Александр Лбов..... №4
С. Согрин.
Прокудин-Горский: Моя поездка в Чердынь №5
С. Демидова. Память места №7
А. Васильев. Скауты — вчера и сегодня..... №9
В. Карелин Как искали великана №10
Ю. Демченко. Через сто лет молчания..... №11
Е. Студенников.
Жизнь и смерть Русской Караболки..... №12

Тропой поиска

- В. Бреднев.
Три пещеры — обитель древней цивилизации..... №1
Ю. Демченко. Дом, построенный на песке №1
О. Варнакова. Палаты, где живут загадки №2
С. Согрин. Алин Малый и «Пушной король» №2
В. Карелин. Слово о Поэнг-Урр №4
А. Яловенко.
Калоши для танков — руками военнопленных №5
Е. Мырзина.
Железная дорога: земско-купеческий вариант №7

Родословная

- М. Казанцева.
Франсуа Тибо-Бриньоль и его потомки №6
Е. Студенников. Не горе-Горюшкины №6
Р. Хакимов. Мост жизни Каюма Кушаева №7
И. Гладкова. Герой, внук героя №7
Н. Медведева. Яблоко от яблони №9

Давным-давно

- В. Семибратов. На коне по Преуралью №6
В. Трусов.
Первостроители Шайтанского завода №7
Е. Гончарова. Капсула времени №10
Н. Вехов. Рыбаки Оби и Лукоморья №11
Э. Гильман. Ударим автопробегом №11

В мире прекрасного

- Е. Бирюков. Гранд-Екатерина №2

Клуб собирателей

- В. Попов. Параллельные курсы
и «вдовья женка» Марфа Кичигина №1
А. Макурин. Круизные деньги №8
А. Макурин. К 90-летию сообщества
коллекционеров Екатеринбург №9
В. Попов. Унесенные ветром №9

Страна топонимия

- М. Гимадиев. Кого и когда караулила гора №12

Павленковский ресурс

- Л. Шаровская. Русский Усть-Маш №2
Т. Степанова. Что в имени твоём? №6

Верхотурские были-небыли

- Ю. Горбунов. Неромкур №1

- Ю. Горбунов. Сарычева хитрость №2
Ю. Горбунов. Фима и царь №3
Ю. Горбунов. Нарышкинское барокко №7
Ю. Горбунов. Косьма Юродивый №9

Поиски и находки

- Е.Шимонек. Неизвестное творение Эрзи №3

Краеведческая копилка

- Е. Бирюков. Фотограф остался за кадром №3

По следам публикаций

- Н. Ерохин. У Лукоморья №3

Музей одной фотографии

- Е. Бирюков. Загадочный клуб №7

Аэлита

Законы вселенной

- Владислав Ленцев. Свидание с Шивой №1
Фоменко Виталий. Выбор №1
Чихунов Константин Алексеевич.
Ценный экземпляр №1
Жевлаков Алексей. Первое приземление №2
Бочаров Андрей.
Уходящие за линию горизонта №3
Исай Давыдов. В зоне катастрофы №4
Владимир Новиков, Андрей Федоров. Зеркала лгут .. №5
Гаевский Валерий. Дезавуация №6
Милотин Александр. Заповедник ностальгии №6
Давыдова Александра. Дотянуться до... №6
Ема Мария. Пятачок №7
Рубцова Дарья Петровна. Мотылек в паутине №8
Берендеев Кирилл. Испытательный полет №11
Войтова Анна. Темная ночь №12

Колесник Светлана. Я — Ленин,
я — вернулся домой №12

Повод для улыбки

Коул. Три женщины Андрея Андреевича №1
Марина Тишанская. Такая досада №1
Harry Book. Не-хо-чет! №2
Бочкарев Михаил. Карнавал №3
Зерцалов Иван Андреевич. И в желудке сосиска №4
Harry Book. Что-нибудь эдакое, искромлетное №6
Игорь Косаркин. Великие русские.. №9
Игнатъев Сергей. Тотопка.temp №9
Иржи Морда. Жадина №10
Еремин Алнсей. В суде №11

Координаты чудес

Решетняк Сергей. Забытая секция №2
Бочаров Андрей. Алисия Рэтти: «Твой я Офелий,
милая Гамлета» №2
Копаненко Ирина. Двойники №3
Ефим Гамаюнов. Своей дорогой №5
Дятлова Влада Олеговна. Красная шапка №7
Карпенко Марина Владимировна. Рай для всех №7
Яшкин Алексей. Ее глаза №8
Кир Елена. Тот, кто рядом №9
Бочаров Андрей. Зонтик пензенской амазонки №10
Жоголь Сергей. Блуждающая между мирами №10
Анорико Муросаки. Дети звезд №11

Сумма технологий

Ян Разливанский. Приближали как могли... №5
Бабьшев Вячеслав. Классификация фантастики №8
Бабьшев Вячеслав. Внешние и внутренние
жанры фантастики №11
Шорин Дэн. О «новой волне»
и спекулятивной фантастике №12

Новые имена

Кондратенко Марина.
Пикник на обочине XXXI «Аэлиты» №8

Встречный ветер

Версия

Кузнецов Игорь. Забытое Лукоморье? №1
Якименко Валентин. Записная книжка №1
Захаров Сергей.
Последние загадки челябинского метеорита №2
Мусатов Вячеслав. Каменные парадоксы №3

Путешествие по Уралу

Руковичникова Марина.
Где-то в уральской глубинке №1

Быть молодым — здорово!

Третьяков Антон. Зимние покатушки на Урале №2
Поляков Антон. Предвосхищение скалодрома №8
Михайлова Лера. Шесть часов Индии на Урале №8
Михайлова Лера. Об Урале с акцентом №9
Михайлов Вячеслав. Моряки сухопутного города №10

Природные парки

Шубницина Елена. Балбанью — река идолов №1
Шубницина Елена.
Кожим: сто чудес заповедной реки №2
Постоноговы Евгений и Юрий.
Экспедиционные дневники №2
Шубницина Елена.
Светлый Щугор: ворота в Уральский Север №4
Шубницина Елена. Где живет Владыка Севера? №6
Шубницина Елена. Долина предков на Реке идолов . №8
Шубницина Елена. Урал — территория красоты,
территория вдохновения №10

Экспедиция

- Кашкин Александр. Современные находки на месте палатки дятловцев №1
Кутюхин Владимир. Путораны — трудная мечта №3
Слепухин Алексей.
Экспедиция за мансийскими нартами. Начало №4, 5
Бахтина Ирина. О том, что на первый взгляд лишено всякой романтики №6
Кутюхин Владимир. В горах Северного Урала №6
Корбут Евгений. Мечты сбываются! №7
Попов Иван. На дальнем востоке Европы №9
Фирсов М. Восточная точка Европы №9
Волобуева Мария. Когда вызывает Таймыр №11

Безопасность

- Лялюлин Алексей. Эксплуатация лебедки №2
Д. Обоскалов. Уважаемые судовладельцы! №5
Захарова Елена.
ГИМС МЧС России информирует №10
Кабаков Сергей. Меры безопасности на льду №11

Наши проекты

- Старт экспедиции по Чусовой №2
Ледовый штурм «Уральского следопыта» №3
Королев Николай, Ксения Драницина.
Гормон преодоления №6
Горбунов Юний.
История России. Река Чусовая. Ревда №10

Добрые попутчики

- Чистов Андрей.
Главный критерий — универсальность! №3
Гаврилова Ольга.
Оздоровление и гостеприимство на Урале №4
Чистов Андрей.
Вездеход, который ломает стереотипы №4

- В. Жаков. Арт-Чусовая №5
Большой Урал расширяет границы №5
В поиске приключений №6
Фестиваль-путешествие
«Долгий путь Большой Рыбы реки Чусовой» №6
Прием в Екатеринбурге №6
Уральское лето: рев моторов, жажда победы! №7
Этой ярмарки краски №8
На водах №9
Фирсов М. Русское географическое общество: XV съезд, I фестиваль №12

Камни Урала

- А. Пудовкин. Дюпарков камень №1
Тамплон Евгений.
Минералогический туризм на Урале №4
Анищенко Владимир.
Тайны истоков самоцветного кольца Урала №4
А. Пудовкин. Дюпарков камень №5
Попов Михаил. Путешествие на месторождение жадеитов Пусьерка №10
Попов Михаил.
Демантоид с Полярного Урала №11
Попов Михаил.
Богатства Гранатовой горы №12

Экология

- Ольга Пикалова. В путешествии с Лесовичком по экологической тропе №8
Ю. Коньков. Тополиное аутодафе №10
Сергей Захаров.
Южноуральские озера — сохранить №10

Юбилей

- А. Калинин, Е. Скурыхина, С. Яновская.
Первые страницы №12